

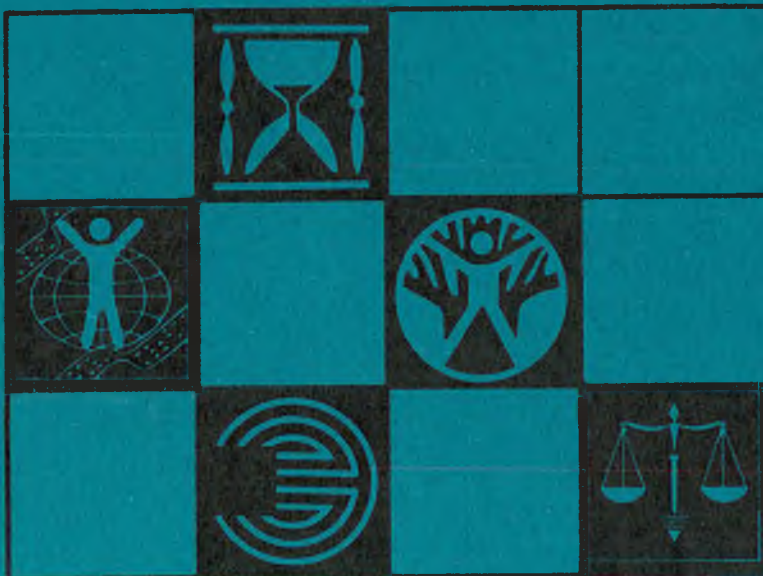
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2'95

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2'95

ЛІПЕНЬ

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адкажны сакратар П. М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. І. ЗЕЛЯНКОЎ (адкажны рэдактар),
П. І. БРЫГАДЗІНІ, В. М. ГАДУНОЎ, С. Р. ДРАБЯЗКА,
А. М. ЕЛСУКОЎ, Ю. Л. КАЗАКОЎ (адкажны сакратар),
У. Л. КЛЮНІЯ, У. К. КОРШУК (нам. адказнага рэдактара),
С. А. МАЛЕВІЧ, С. В. РАШЭТНКАЎ, У. М. ХОМІЧ,
П. А. ПУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3, № 2, 1995

Издательство «Універсітэцкае».
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.
Адрес редакции: 220080, Мінск, Універсітэцкі горадок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар В. А. Ярмоленка
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Набор і вёрстка часопіса выкананы на выдавецка-рэдакцыйнай сістэме «Связ».

Здадзена ў набор 07.06.95. Падпісана да друку 05.07.95. Фармат 70x108 1/16.
Папера афсет. Друк афсет. Ум. друк. арк. 8,4. Ум. фарб.-адб. 8,35. Ул.-выд. арк. 9,37.
Тыраж 700 экз. Заказ 743. Цана 6000 р.

Адрес редакцый: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42. Выдавецтва
«Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.

Друкарня выдавецтва «Беларускі Дом друку».
220013, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Вестник Белдзяржуніверсітэта, 1995

В. В. ГАРБАЧОВА

НАЦЫЯНАЛЬНА-ВЫЗВАЛЕНЧЫ РУХ НА БЕЛАРУСІ У КАНЦЫ XVIII — ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XIX ст.

Даследаваннем дзейнасці тайных таварыстваў у Польшчы, Літве, Беларусі, на Украіне з канца XVIII ст. і напярэдадні паўстання 1830 г. займаліся як дарэвалюцыйныя, так і савецкія гісторыкі. У расійскім дзяржаўным ваенна-гістарычным архіве (РДВГА) у фондах Канцылярыі начальніка галоўнага штаба я. і. в., Канцылярыі начальніка галоўнага штаба ў Варшаве графа Куруты захоўваюцца матэрыялы, якія дазваляюць больш дэталёва асветліць гісторыю існавання і дзейнасці тайных таварыстваў напярэдадні паўстання 1830 г. Гэтыя дакументы дапамагаюць узнавіць цэласную карціну ўзнікнення тайных арганізацый і адлюстраванне прыячын іх сувязі як у Каралеўстве Польскім, так і на Беларусі.

Палітыка царызму на Беларусі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, падаўлення паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі выклікала ў беларускім грамадстве незадаволенасць. Але прыняцце ў 1815 г. канстытуцыі Каралеўства Польскага, аб'яднанні Аляксандра I аб пашырэнні тэрыторый, яму (Каралеўству Польскаму — В. Г.) палуладных, падняла грамадскі настрой. Беларуская шляхта звязвала свой лёс з адраджэннем Рэчы Паспалітай, а распаўсюджванне канстытуцыйнага ладу на зямлі ВКЛ давала падставу для здзяйснення мары аб узнёўленні незалежнай Рэчы Паспалітай, якая адпаведна пагадненням Люблінскай уніі 1569 г. існавала як канфедэрацыя Польшчы і Вялікага княства Літоўскага. Але ўжо к 1820 г. стала відавочным, што Аляксандр I не толькі не збіраецца пашыраць тэрыторыю Каралеўства Польскага, а павёў наступ на дэмакратычныя свабоды, дараваныя канстытуцыяй 1815 г. Гэта з'явілася штуршком для ўзнікнення польскіх тайных таварыстваў. Нацыянальна-вызваленчыя ідэі ахапілі і Беларусь.

Тайныя таварыствы ўзніклі напачатку на тэрыторыі Каралеўства Польскага, аднак заўсёды знаходзілі сваіх прыхільнікаў на Беларусі. Адна з першых тайных арганізацый, якая выступіла за ўзнёўленне Рэчы Паспалітай, узнікла адразу пасля трэцяга падзелу гэтай дзяржавы. У 1796 г. існавала тайнае таварыства ў Познані. У гэты ж час пачала дзейнічаць тайная арганізацыя і ў Вільні, якая хутка была раскрыта царскімі ўладамі. Па справе аб прыналежнасці да таварыства арыштавалі і сурова асудзілі 70 чалавек.

Паступова ідэі нацыянальна-вызваленчага руху пранікалі і ў масонскае асяроддзе. Адраджэнне масонства праходзіла з благаслаўлення Аляксандра I, чые інтарэсы ў дадзены момант супадалі з інтарэсамі палякаў: ні той ні другі бок не былі задаволены вынікамі Венскага кангрэсу 1815 г. На працягу 1815 — 1820 гг. нацыянальна-вызваленчы рух праходзіў пад прыкрыццём афіцыйнага масонства. Масонскія ложы дзейнічалі і на тэрыторыі Беларусі.

Узнікнула ў 1819 г. таварыства «Нацыянальнае масонства» мела ўжо рысы тайнай арганізацыі і ставіла перад сабой мэту адраджэння Рэчы Паспалітай ў «як мага больш шырокіх межах»¹. У сувязі з гэтым кіраўнік

«Нацыянальнага масонства» В. Лукасінскі паставіў задачу арганізаваць падобныя таварыствы ў кожнай правінцыі Рэчы Паспалітай. Стаць эмсарам «Нацыянальнага масонства» ў былым Княстве Літоўскім было даручана І. Гружэўскаму. Дзякуючы актыўнай прапагандзе ідэй таварыства ў склад яго членаў увайшлі выдатныя прадстаўнікі шляхты Віленскай губерні: М. Ромер, І. Белазёр, І. Струміла, князь К. Радзівіл, граф Солтан. У жніўні 1820 г. было аб'яўлена аб роспуску таварыства, якое ў маі 1821 г. узнавілася ў выглядзе тайнай арганізацыі «Патрыятычнае таварыства». Узначальваў арганізацыю Цэнтральны камітэт, які накіроўваў сваіх эмсараў у Літву, Падолю, Валынь, Познань і Беларусь для стварэння там мясцовых аддзяленняў арганізацыі. Летам 1821 г. у Вільні эмсарам А. Аборскім было заснавана рэгіянальнае аддзяленне «Патрыятычнага таварыства», куды ўвайшлі, акрамя членаў існаваўшай раней арганізацыі «Нацыянальнае масонства», граф К. Прозар, І. Хадзько, Т. Зан² К. Радзівіл выступаў заснавальнікам таварыства ў Навагрудскім павеце. Па сведчаннях М. Махнацкага, галоўнай мэтай таварыства было аднаўленне незалежнасці польскай дзяржавы ў межах 1772 г., для дасягнення якой лічыліся прымальнымі любыя сродкі, у тым ліку і рэвалюцыйныя метады барацьбы³.

У 1823 г. на Беларусі і ў Літве дзейнічаў «Саюз тампліераў» (храмоўнікаў), цэнтр якога знаходзіўся на Валыні. Асноўнай мэтай гэтага саюза было вызваленне Польшчы ад ворагаў, пазбавішых яе незалежнасці і свабоды (г. зн. Расіі, Прусіі, Аўстрыі). У складзе членаў саюза было нямала выхадцаў з Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў. І хаця шырокага распаўсюджвання на Беларусі гэта арганізацыя не атрымала, аднак яе ролю нельга прымяншаць, таму што яе членамі былі пастаўлены канкрэтныя задачы ў барацьбе за дасягненне незалежнасці Айчыны.

Важнейшым момантам у гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху Польшчы, Літвы, Беларусі з'явілася ўстанаўленне сувязей з рускімі дэкабрысцкімі таварыствамі. На працягу 1822—1823 гг. прадпрымалася некалькі спроб для наладжвання кантактаў з членамі польскага «Патрыятычнага таварыства». Такая сустрэча адбылася ў студзені 1824 г. у Кіеве. З польскага боку прысутнічалі С. Ф. Крыжаноўскі і А. С. Ябланоўскі, ад паўднёвага таварыства — С. Мураўёў-Апостал⁴. Па ходу сустрэчы ўзнікала пытанне і аб сумесным выступленні супраць царызму, аднак перагаворы па гэтаму пытанню не былі завершаны. Няўзгодненасць у дзеяннях польскіх і рускіх тайных таварыстваў у многім тлумачылася адрозненнем асноўных мэтай. «Патрыятычнае» — лічыла асноўным пунктам сваёй праграмы нацыянальнае вызваленне, устанаўленне незалежнасці шляхецкай дзяржавы ў межах 1772 г. Для дэкабрыстаў галоўным было змяненне дзяржаўнага ладу, вырашэнне сялянскага пытання, устанаўленне рэспубліканскай формы праўлення. Адрозненні ў праграмах дэкабрысцкіх і польскіх таварыстваў прывялі да таго, што выступленне на Сянацкай плошчы было падтрымана толькі «Таварыствам ваенных сяброў», прадстаўленым афіцэрамі Літоўскага корпуса, студэнтамі Беластоцкай і Свіслацкай гімназіяў, якіх турбавалі тыя ж пытанні, што і дэкабрыстаў⁵. 24 снежня 1825 г., праз дзесяць дзён пасля няўдалага выступлення на Сянацкай плошчы, капітан К. Г. Ігяльстром і паручнік А. І. Вягелін прызвалі свае роты, якія размяшчаліся ў Беластоцкім павеце і ўваходзілі ў склад Літоўскага асобнага корпуса, адмовіцца ад прысягі Мікалаю І. Паўстанне Літоўскага піянерскага батальёна ўжо на наступны дзень было падаўлена, а яго ініцыятары падзялілі лёс дэкабрыстаў.

Нацыянальна-вызваленчы рух шырока ахапіў і студэнцкае асяроддзе. Створанае ў канцы 1817 — пачатку 1818 г. студэнтамі Віленскага універсітэта «Таварыства філаматаў» (аматараў ведаў) намеравалася пры дапамозе культурына-асветніцкіх мэтай дасягнуць «дабрабыту айчыны»⁶. Для павелічэння колькасці прыхільнікаў нацыянальна-асветніцкіх ідэй адзін з заснавальнікаў таварыства Т. Зан, жыхар Вілейскага павета Мінскай губерні, вясной 1820 г. заснаваў яшчэ адну арганізацыю віленскіх студэнтаў — «Прамяністыя». Асноўныя задачы таварыства адзначаны ў статуце: «...желать добра своим единомысльникам, каждого состояния и целому народу вообще, сохранять отцов своих полезные обычаи,

любить природный язык и оному учиться, имея в памяти доблести и подвиги предков, подражать опым по мере сил своих и состояния»⁷. К лету 1820 г. уладам стала вядома, што члены таварыства займаліся прапагандай польскай гісторыі і культуры. Па загаду рэктара Віленскага універсітэта таварыства было распушчана. У той жа прыкладна час (лета 1820 г.) на аснове «філаматаў» і «прамяністых» было заснавана новае таварыства — «філарэтаў», якое па свайму складу было больш масавым, чым папярэдні. Філіялы філарэтаў ствараліся ў розных паведах Літвы і Беларусі. Адносіны да гэтага таварыства мелі 54 жыхары Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай губерняў⁸. У дзейнасці філарэтаў узмацняліся нацыянальныя, палітычныя, антыдзяржаўныя матывы, у якасці галоўнай мэты нацыянальна-вызваленчых сіл ставілася ўзнаўленне незалежнасці Рэчы Паспалітай у межах 1772 г.

Некалькі студэнцкіх арганізацый ў 1820—1824 гг. існавала ў м. Свіслач Гродзенскай губерні. У адпаведнасці з рапартам Навасільцава кн. Канстанціну ўстаноўлена, што ў 1820 г. у Бластоку вучнем мясцовай гімназіі Феліксам Ляховічам было створана «Таварыства згодных братоў»⁹. У 1823 г. Ляховіч заснаваў падобнае таварыства ў Свіслацкай гімназіі, дзе ў яго склад уваходзіла каля 30 вучняў пятага класа¹⁰. Акрамя названай арганізацыі ў гімназіі існавалі «Вучэбнае (навуковае) таварыства», якое складалася з вучняў шостага класа і ўзначальвалася Д. Шлаеўскім¹¹, і «Маральнае таварыства», створанае прыватнымі настаўнікамі, выпускнікамі гімназіі. Асноўную мэту члены таварыства бачылі ў выхаванні нацыянальнага патрыятызму і заваяванні незалежнасці Айчыны.

У 1823 г. Ф. Ляховіч пераўтварыў «Таварыства згодных братоў» у «Таварыства заран»¹². Пры расследаванні было адзначана, што дзейнасць таварыстваў не абмяжоўвалася толькі пытаннямі маралі і культуры. Невыпадкова свіслацкія і беластоцкія гімназісты склалі трэцюю ступень «Таварыства ваенных сяброў», прадстаўнікі якога падтрымалі паўстанне дзекабрыстаў. Дзейнасць «Таварыства заран» працягвалася ўжо ў Віленскім універсітэце, куды пасля заканчэння Свіслацкай гімназіі (1825 г.) паступіла 13 яго членаў¹³. У 1826 г. яны вырашылі спыніць існаванне таварыства. Аднак, нягледзячы на гэта, следчая камісія падзяліла ўсіх маючых дачыненне да заран на тры разрады, актыўныя члены былі выключаны з універсітэта і адпраўлены радавымі ў дзеючую армію.

У кастрычніку — лістападзе 1827 г. група студэнтаў Віленскага універсітэта стварыла тайнае таварыства «Сармацкае племя альбо прыхільнікі айчыны»¹⁴. Заснавальнікам таварыства К. Захам былі складзены правілы, па якіх дзейнічала арганізацыя, тэксты прысягі і двух заклікаў. У адпаведнасці з правіламі таварыства меркавалася, што яго члены прымуць удзел у падрыхтоўцы ўзброенага паўстання для дасягнення «златой свабоды Отечества»¹⁵. Адозвы, складзеныя К. Захам, уключалі заклік да паўстання, да свабоды: «К оружию Единоземцы! — заклікаў аўтар, — к Оружию! Изберите Вождя, а с помощью Всевышнего и покровителя нашего, восстановим Отечество наше и защищая оное при последнем его исчезании охотно отдадим жизнь свою токмо горестную по утрате возлюбленного Отечества»¹⁶. Арганізатары данага таварыства выношвалі думкі «з цягам часу з'яднацца з другім, больш шматлікім і важнейшым, якое дзейнічала ў тым жа напрамку»¹⁷. Пра існаванне гэтай арганізацыі на трэці месяц стала вядома ўладзе, і яе актыўны Зах, Тржаскоўскі, Грантоўскі і Лісоўскі былі высланы радавымі на Каўказ.

Непасрэдна перад пачаткам паўстання 1830 г. у Варшаве студэнтамі Віленскага універсітэта была заснавана тайная арганізацыя пад назвай «Мнезераў», аб якой хутка стала вядома афіцыйным уладам¹⁸. Адзін з заснавальнікаў таварыства, Ю. Крашэўскі, знаходзіўся ў асабістай перапісцы з І. Лявелеям. І хоць у паперах было зафіксавана, што яго асноўная мэта — «упражнение в Слоге», студэнты рыхтаваліся прыняць удзел у паўстанні: пры вобыску ў іх было знойдзена каля 60 адзінак вагнастрэльнай зброі¹⁹. Акрамя таго, члены таварыства прапагандавалі ў студэнцкім асяроддзі нацыянальна-вызваленчыя ідэі, распаўсюджвалі «возмутительные стихи».

Разгром дзекабрыскага руху, рэпрэсіі супраць членаў тайных згуртаванняў спрыялі росту антыўрадавых настрояў на Беларусі. Беларуская

шляхта падтрымлівала ідэі, накіраваныя на дасягненне незалежнасці Рэчы Паспалітай пры дапамозе ўзброенага паўстання, да якога рыхтаваліся тайныя арганізацыі ў Каралеўстве Польскім.

- ¹ А с к е н а з и Ш. Царство Польское. 1815— 1830 гг. М., 1915. С. 73.
- ² Гл.: В о р о н к о в И. А. // Исторические записки. 1957. Т. 60. С. 295.
- ³ Гл.: М о с ч п а с к и М. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. Parys. 1834. S. 371.
- ⁴ Гл.: О л ь ш а н с к и й П. // Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
- ⁵ РДВГА. Ф. 156, воп. 1, спр. 100, арк. 87 (арк.).
- ⁶ Гл.: Ш о л к о в и ч С. // Заря. 1871. № 5. С. 121.
- ⁷ Там жа. С. 122.
- ⁸ РДВГА. Ф. 156, воп. 1, спр. 96, арк. 364—387.
- ⁹ Там жа. Спр. 100, арк. 85.
- ¹⁰ Там жа. Арк. 33(адв.).
- ¹¹ РДВГА. Ф. 156, воп. 1, спр. 96, арк. 369.
- ¹² Там жа. Спр. 100, арк. 85.
- ¹³ Там жа. Арк. 89(адв.), 90.
- ¹⁴ РДВГА. Ф. 156, воп. 1, спр. 138.
- ¹⁵ Там жа. Арк. 8(адв.), 15.
- ¹⁶ Там жа. Арк. 15(адв.), 16.
- ¹⁷ Там жа Арк. 3.
- ¹⁸ Там жа. Ф. 35, воп. 9, спр. 121.
- ¹⁹ Там жа. Спр. 121, арк. 1, 1(адв.).

І. Ф. РАМАНОЎСКІ, М. Г. ЖАРКОЎ

БАРАЦЬБА НАРОДНЫХ МАС БЕЛАРУСІ СУПРАЦЬ САМАДЗЯРЖАЎЯ Ў РЭВАЛЮЦЫІ 1905—1907 гг.

Першая буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя ў Расіі наспявала на працягу многіх гадоў. На рубяжы якоў краіна з'яўлялася імперыялістычнай дзяржавай, але імперыялізм тут быў аплеценны густой сеткай рэшткаў феадальна-прыгонніцкіх адносін. Неабмежаваная самадзяржаўная ўлада перашкаджала любым дэмакратычным пераўтварэнням, буйное памешчыцкае землеўладанне працягвала трымаць у сваёй залежнасці шмат фармальна свабодных сялян. Рабочы клас таксама падвяргаўся самай жорсткай эксплуатацыі з боку нованароджанай айчыннай і замежнай буржуазіі.

Усе гэтыя адмоўныя рысы эканамічнага і палітычнага жыцця краіны былі яшчэ ў большай ступені ўласцівыя Беларусі. З-за адсутнасці ў беларускіх нетрах жалезнай руды, нафты, каменнага вугалю і іншых карысных выкапняў тут развіваліся галоўным чынам прадпрыемствы лёгкай, апрацоўчай прамысловасці, заснаваныя на мясцовай сыравіне. Такая структура прамысловасці была адной з прычын перавагі на Беларусі невялікіх і дробных фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў. На іх працавалі беларусы (75%), рускія, украінцы, яўрэі, палякі, прадстаўнікі іншых нацыянальнасцей. Рабочы дзень нават на буйных прадпрыемствах працягваўся 12—13 гадзін. Заработная плата не забяспечвала самы сціплы пражытачны мінімум рабочай сям'і. Не менш, калі не больш гаротным было становішча асноўнай масы сельскага насельніцтва нашага краю. Памешчыкам, казне і царкве належыла 57,3% ворнай зямлі. Асобным магнатам (граф Патоцкі, Сапегі, Радзівілы і інш.) належыла па некалькі соцен тысяч дзесяцін. Малазямелле, нізкая ўраджайнасць сельскагаспадарчых культур асуджалі масы сялянства на галечу і хранічны голад.

Велізарная краіна нястрымна ішла да сваёй першай рэвалюцыі. За 1901—1904 гг. толькі ў Беларусі адбылося 58 стачак і 25 дэманстрацый, 143 сялянскіх выступленні. Надыход рэвалюцыі значна паскорыла руска-японская вайна (студзень 1904 — жнівень 1905 г.). Паражэнні царскай войскаў, асабліва пад Мукдэнам, падзенне Порт-Артура наглядна паказалі разлажэнне і гніласць царызму.

Рабочыя і сялянскія масы ўзняліся на барацьбу супраць царскага самадзяржаўя, за знішчэнне ўсіх перажыткаў прыгонніцтва, асабліва памешчыцкага землеўладання. Чашу народнага цягнення перапоўніла

«крывавая нядзеля» — 9 студзеня 1905 г. у Пецярбургу. У гэты дзень была расстраляна мірная 140-тысячная маніфестацыя рабочых. Забастоўкамі і дэманстрацыямі адказалі на крывавае злачынства царызму рабочыя імперыі. Іх падтрымалі 34 тысячы пралетарыяў Беларусі. Ужо ў студзені тут адбыліся палітычныя выступленні больш як у 20 гарадах і мястэчках. У час сямідзённай забастоўкі ў Гомелі да рабочых фабрык і майстэрняў далучыліся і служачыя кантор, банкаў, аптэк. Адбыліся ўзброеныя сутычкі з паліцыяй, былі забітыя і параненыя. У Магілёве прайшлі дэманстрацыі рабочых і навучэнцаў гімназіі пад лозунгамі «Далоў царскае самадзяржаўе!».

Рэвалюцыйнымі выступленнямі ў шэрагу паведаў і мястэчак Беларусі да сярэдзіны лютага 1905 г. завяршылася першая фаза руху салідарнасці народных мас. Але ў лютым — сакавіку, калі нарадзілася новая рэвалюцыйная хваля, палітычныя стачкі змяніліся прафесійнымі забастоўкамі. Адбылося 26 дэманстрацый, 95 масовак; забастоўкі прайшлі ў Віцебску, Мінску, Барысаве, Пінску, Гродне — усяго ў 32 населеных пунктах¹. Найбольш актыўным атрадам бастуючых сталі рабочыя пінскіх і мінскіх майстэрняў Маскоўска-Брэсцкай і Лібава-Роменскай чыгунак.

У пачатку рэвалюцыі павышаную актыўнасць праявілі палітычныя партыі, якія імкнуліся ўзначаліць рэвалюцыйны рух на тэрыторыі Беларусі, дасягнуць узаемнай згоды для ўзмацнення барацьбы з царызмам, каардынаваць праграмныя ўстаноўкі і тактычныя дзеянні. Агульнымі праграмнымі патрабаваннямі дэмакратычнага лагера (РСДРП, Бунда, эсэраў, Беларускай Сацыялістычнай Грамады і іншых сацыял-дэмакратычных і леванародніцкіх партый і арганізацый) з'яўлялася знішчэнне самадзяржаўя, устанавленне дэмакратычнай рэспублікі шляхам склікання Устаноўчага сходу, ліквідацыя памешчыцкага землеўладання, прызнанне права нацый на самавызначэнне. І хоць яны мелі розныя погляды на сацыялізм і шляхі яго дасягнення, разыходзіліся па пытаннях вядучай сілы вызваленчага руху, стратэгіі і тактыкі барацьбы, бліжэйшыя мэты ў іх практычна супадалі. Для барацьбы з царызмам на прыцыпах тактыкі «левага блоку» («разам біць — розна ісці») у першым месяцы 1905 г. у Беластоку, Мінску, Вільні былі створаны каліцыйныя камітэты, камісіі, бюро, саветы, якія аб'ядноўвалі прадстаўнікоў бундаўскіх, эсэраўскіх, сацыял-дэмакратычных арганізацый. Партыі левага блоку прымянялі розную тактыку: выпускалі пракламацыі, лістоўкі, супрацоўнічалі ў масавых аб'яднаннях, удзельнічалі ў арганізацыі забастоўак, дэманстрацый, стварэнні сумесных баявых дружын. Кааліцыйныя камітэты выпрацоўвалі планы правядзення сходаў членаў арганізацый і актыўна рабочых, фарміравалі групы агітатараў для абходу прадпрыемстваў, прызначалі сваіх прадстаўнікоў на фабрыкі і заводы. Першамайскія забастоўкі і маніфестацыі адбыліся ў 35 гарадах і мястэчках Беларусі. Рабочыя явачным парадкам ажыццяўлялі дэмакратычныя свабоды, самастойна выдавалі газеты, скарачалі час работы на прадпрыемствах да 9—10 гадзін, дамагаліся значнага павышэння заробтнай платы, паляпшэння медыцынскага абслугоўвання і г. д.

Пад уздзеяннем рабочага руху ва антыўрадавыя акцыі ўключаліся сяляне. Значны ўплыў на ўзмацненне рэвалюцыйнага руху сялянства аказалі мясцовыя арганізацыі РСДРП, ПСР, БСГ, якія заклікалі не падпарадкоўвацца мясцовым уладам, паліцыі, захопліваць і завоўваць памешчыцкія землі, адмаўляцца ад выплаты падаткаў. Усеагульная нянавісць да грабежніцкага памешчыцкага землеўладання падбівала сялян на стыхійныя масавыя патравы памешчыцкіх угоддзяў і парубкі лесу.

Як паведамляў магілёўскі губернатар, «сяляне з'яўляліся ў памешчыцкія лясы гуртам, сяклі і вывозілі дрэвы на вачах памешчыкаў і кіраўнікоў маёнткаў, а на ўгаворанне адказвалі заявай аб сваіх правах на памешчыцкі лес... часам аказвалі адкрытае супраціўленне лясной варце і чынам паліцыі»². Восемдзсят сялян з вёсак Вішнёва і Лёсіна Полацкага паведа высеклі многа лесу памешчыцы Лісоўскай. Паліцэйскія і ляснікі, якія прыбылі на месца парубкі, былі сустрэты ружэйным агнём³. У пачатку сакавіка 1905 г. у вёску Пухавічы Ігуменскага паведа

Мінскай губерні для супакойвання сялян былі накіраваны паўэскадрона драгун і рота салдат. Сутычкі насельніцтва з паліцыяй і войскамі з гэтай нагоды адбыліся таксама ў Лепельскім, Дрысенскім і іншых паветах.

Летам 1905 г. за самавольную пасьбу жывёлы на памешчыцкім лугу былі пакараны жыхары вёскі Кішчыцы Чавускага павета. 17 чэрвеня сяляне на чале са старастам В. Канстанцінавым уступілі ў рукапашную схватку з выкліканымі для іх утаймавання салдатамі. Тады ротны камандзір аддаў загад страляць. Было забіта 8 чалавек і 15 паранена, 15 сялян аддадзена пад суд⁴. Часам сяляне не абмяжоўваліся захопам памешчыцкай зямлі, а ўрываліся на панскія двары, забіралі хлеб, жывёлу і птушку, спальвалі канторскія кнігі з запісамі аб сваіх даўгах і павіннасцях, грамілі маёнткі. За час рэвалюцыі на Беларусі сяляне спалілі 45 памешчыцкіх маёнткаў і 30 мльноў.

Вострай формай класавай барацьбы супраць памешчыкаў былі масавыя забастоўкі сялян-падзёншчыкаў і батракоў. Спыняліся не толькі работы па найму, але не выконваліся адрэзкі, памешчыцкія лугі і палі стаялі няўбранымі. Усеагульнай сялянскай забастоўкай у канцы чэрвеня 1905 г. былі ахоплены Гродзенскі, Ваўкавыскі, Мазырскі, Слуцкія паветы і інш.

Восенню 1905 г. характар рэвалюцыйных выступленняў у многім вызначаўся Кастрычніцкай усерайскай палітычнай стачкай. На Беларусі вядучую ролю ў арганізацыі стачкі адыгралі, як і ў Расіі, чыгуначнікі. Забаставалі рабочыя і служачыя Гомеля, Мінска, Оршы. У Гомелі да чыгуначнікаў далучыліся студэнты, супрацоўнікі многіх устаноў. Арганізаваная 14 кастрычніка дэманстрацыя закончылася сутыкненнем з войскамі. У сувязі з аб'явай царскага маніфеста 17 кастрычніка перад гарадской управай сабралася каля 30 тыс. чалавек. Рабочыя чыгуначных майстэрняў арганізавалі баявую дружыну і патруліравалі вуліцу. У Мінску аб царскім маніфесте даведаліся на наступны дзень. 18 кастрычніка ля вакзала Лібава-Роменскай чыгункі пачаўся мітынг, на якім прысутнічала да 20 тыс. чалавек⁵. Па патрабаванню ўдзельнікаў мітынгу былі вызвалены палітычныя зняволеныя, але губернатар П. Р. Курлоў загадаў расстраляць бяззбройных рабочых. Было забіта 80 і 300 чалавек паранена. У адозве да грамадзян Мінская група РСДРП патрабавала аддаць пад суд Курлова і іншых віноўнікаў масавага расстрэлу, забяспечыць дэмакратычныя свабоды, заклікала гараджан брацца за зброю. На палітычныя дэманстрацыі і мітынгі ўрад адказаў чарнасоценнымі пагромамі, забойствамі рабочых, актыўных інтэлігентаў. Сутыкненні з паліцыяй у гэтыя дні адбыліся ў Смаргоні, Полацку, яўрэйскія пагромы — у Рэчыцы, Оршы, Гомелі.

Задачы рэвалюцыі патрабавалі арганізацыі баявых атрадаў для абароны ад пагромных акцый царызму. З мэтай забеспячэння грамадскага парадку ў кастрычніцкія дні ў гарадах, на чыгуначных вузлах Беларусі рабочыя стваралі такія атрады, а ў Віцебску і Полацку — народную міліцыю. Нярэдка ўзброеныя дружыны выкарыстоўваліся для аховы мітынгаў і дэманстрацый ад чарнасоценцаў.

Кастрычніцкія падзеі садзейнічалі ўзмацненню інтэграцыйных працэсаў у рэвалюцыйным асяроддзі. Для каардынацыі дзеянняў у гарадах і мястэчках Беларусі на аснове пагадненняў паміж рэвалюцыйнымі арганізацыямі былі створаны кааліцыйныя саветы, камісіі, камітэты. Яны аб'ядноўвалі галоўным чынам прадстаўнікоў партый эсэраў, Бунда, сацыял-дэмакратаў і чыгуначнага саюза. У некаторыя камітэты ўваходзілі прадстаўнікі Беларускай сацыялістычнай грамады. Яны супрацоўнічалі перш за ўсё з тымі рэвалюцыйнымі арганізацыямі, якія праводзілі работу ў вёсцы. Пры іх дапамозе распаўсюджваліся новыя для сялян формы руху — палітычныя сходы, мітынгі, забастоўкі.

У ходзе Кастрычніцкай стачкі ўзніклі Саветы рабочых дэпутатаў. Гэта былі сапраўды новыя органы новай улады, якія ішлі на змену традыцыйным інстытутам царскай адміністрацыі. На Беларусі функцыі органаў рэвалюцыйнай улады выконвалі кааліцыйны Савет у Мінску, забастовачныя камітэты ў Баранавічах, Мазыры, Гомелі, Пінску,

Ваўкавыску, Лунінцы, кааліцыйная камісія ў Віцебску. Яны абвясцілі 8-гадзінны рабочы дзень, свабоду друку, змагаліся са спекуляцыяй, стваралі народныя рэвалюцыйныя суды, баявыя дружыны, дабіваліся палітычнага і грамадзянскага раўнапраўя. У Мінскі кааліцыйны Савет, створаны пасля курлоўскага расстрэлу, уваходзілі прадстаўнікі ад мясцовых камітэтаў эсэраў, Бунда, мінскай групы РСДРП і Лібава-Роменскага камітэта ўсерасійскага чыгуначнага саюза. Савет стварыў камісію ўзаемадапамогі, суд гонару, некалькі дзён трымаў пад сваім кантролем чыгуначны вузел.

У ходзе рэвалюцыі 1905—1907 гг. многія партыі пашыралі ўплыў на прафсаюзныя, студэнцкія, ваенна-рэвалюцыйныя арганізацыі. Пад уздзеяннем партыйнай прапаганды адбыліся салдацкія выступленні ў Гродніс, Віцебску, Брэсце, Магілёве, Баранавічах, Бабруйску. У ліпені 1905 г. членам ваенна-рэвалюцыйнай арганізацыі станцыі Мінск удалося ўзбунтаваць салдат чыгуначнага батальёна, які ехаў на Далёкі Усход. Салдаты заявілі, што «спачувальна адносяцца да «Пацёмкіна», варожа — да вайны, на якую іх вязуць, і асабліва да ўрада». У снежні мінскі губернатар паведамляў камандуючаму войскамі Віленскай ваеннай акругі, што большасць ніжэйшых чыноў Баранавіцкай чыгуначнай брыгады пераканана ў неабходнасці звяржэння дзяржаўнага ладу ўсімі магчымымі сродкамі, нават з прымяненнем зброі⁶.

Суровы службовы рэжым у Бабруйскім дысцыплінарным батальёне выклікаў абурэнне прыпісаных да яго 900 салдат і 300 матросаў Балтыйскага флоту. У знак пратэсту супраць здэсклівых умоў службы тры роты адмовіліся ісці на страйковыя заняткі і ўльтыматывуна патрабавалі ад начальніка крэпасці адмяніць цялесныя пакаранні. Паўстанцы не выканалі загад здаць зброю, разагналі афіцэраў, спрабавалі прарвацца ў горад. Палкі Бабруйскага гарнізона адмовіліся выканаць загад аб падаўленні паўстання. Тады ў горад прыбыла карная экспедыцыя на чале з генералам Арловым. Карнікі акружылі бунтарскія казармы і пад пагрозай артылерыйскага абстрэлу прымусілі паўстанцаў здацца. Розным мерам судовага пакарання было падвергнута 100 паўстанцаў, 12 найбольш актыўных суд прыгаварыў да расстрэлу, 15 — да катаргі⁷.

9 снежня пачалося ўзброенае паўстанне ў Маскве. Рабочыя гераічна змагаліся супраць рэгулярных войскаў і паліцыі. Узброеныя паўстанні, што адбыліся ў Растовс-на-Доне, Краснаярску, Ніжнім Ноўгарадзе і іншых буйных прамысловых цэнтрах імперыі, хутка былі жорстка задушаны. Самадзяржаўе перайшло ў рашучае наступленне на рэвалюцыю. Але зламаць супраціўленне народа ўдалося не адразу, барацьба працягвалася.

На Беларусі снежаньскія палітычныя забастоўкі ахапілі 17 гарадоў і мястэчак. У іх удзельнічалі каля 44 тыс. рабочых. У некаторых гарадах (Гомель, Баранавічы) напружанасць барацьбы была блізкай да ўзброенага паўстання. Але мясцовыя рэвалюцыйныя арганізацыі праявілі нерашучасць, чакаючы, магчыма, вынікаў барацьбы ў цэнтры імперыі.

У 1906 г. 46,9 % рабочых пяці паўночна-заходніх губерняў яшчэ ўдзельнічалі ў стачках. Каб падтрымаць снежаньскае ўзброенае паўстанне масквічоў, забаставалі беларускія чыгуначнікі. Рабочыя Гомеля вырашылі не прапускаць на Маскву карных вайсковых эшалонаў. Уся ўлада на Гомельскім чыгуначным вузле знаходзілася ў руках рабочых. Яны імкнуліся забяспечыць недатыкальнасць асобы, свабоду слова, друку, саюзаў і сходаў, адмяніць смяротную кару, вызваліць палітычных зняволеных. У данясенні ў дэпартамент паліцыі ад 19 снежня паведамлялася, што Пінск у руках узброеных рэвалюцыянераў. Забастоўкі суправаджаліся дэманстрацыямі, сходамі, мітынгамі. Рабочыя набывалі зброю, стваралі баявыя дружыны, выводзілі са строю паравозы, разбуралі тэлеграфныя лініі, каб іх не змаглі выкарыстаць царскія ўлады супраць рэвалюцыі. Масавымі, актыўнымі дзеяннямі адзначалі працоўныя Беларусі гадавіну расстрэлу рабочых у Пецярбургу, а таксама пралетарскае свята — 1 Мая, калі ў 40 гарадах і мястэчках адбыліся стачкі і іншыя

антыўрадавыя акцыі. У другой палове 1906 г. колькасць палітычных выступленняў рабочых рэзка ўпала, таму што ўрад перайшоў да адкрытага ваеннага тэрору. Прыкладна ў два разы ў параўнанні з 1905 г. знізілася і колькасць удзельнікаў эканамічных стачак на Беларусі. Але сялянскі рух летам 1906 г. сваім размахам набліжаўся да асенняга ўздыму 1905 г. Толькі ў чэрвені—ліпені ў беларускіх губернях адбылося больш за 200 выступленняў. «Рэвалюцыйны рух са стыхійнай хуткасцю і сілай ахоплівае сялянскія масы... Патрэбна прыняць надзвычайныя меры і прыслаць конныя войскі»⁸, — тэлеграфавалі Клімавіцкі прадвадзіцель дваранства міністру ўнутраных спраў. Масавы характар набылі захопы памешчыцкіх зямель, сельскагаспадарчыя забастоўкі. Вялікае выступленне адбылося ў маёнтку Даманаўшчына Гродзенскага павета. У адказ на спробу сялян вёскі Яскевічы захапіць зямлю графіні Красінскай выкліканая паліцыя арыштавала шэсць галоўных «падбухторшчыкаў», што абурыла ўсю вёску: у паліцэйскіх паляцелі палкі і камяні. Праз некалькі дзён сяляне зноў выйшлі ў поле, каб не даць батракам заараць панскую зямлю. Калі натоўп сялян ізноў сустрэў паліцэйскіх каменнем, тыя адкрылі агонь і два чалавекі былі цяжка паранены⁹. У вёсках Кунзевічы, Мінюцычы, Гапцавічы, Любонічы і Таршычы Навагрудскага павета жыхары не дазвалялі давераным памешчыка наймаць нетутэйшых людзей на работу. Мясцовая паліцыя не змагла справіцца з хваляваннем сялян. На дапамогу ёй губернатар спешна накіраваў у павет паўсотні казакоў Таманскага палка¹⁰.

Увосень 1906 г. з-за нізкай аплаты працы пачаліся забастоўкі батракоў і падзёншчыкаў. Найбольш актыўна яны праходзілі ў Віленскім і Ашмянскім паветах Віленскай губерні, Слуцкім, Ігуменскім Мінскай губерні і ў Пружанскім павеце Гродзенскай губерні. Забастоўшчыкі патрабавалі павялічыць падзённую плату і не дапускалі да работы сялян, нанятых у іншых паветах.

У сакавіку—маі 1907 г. сялянскія выступленні адбываліся толькі ў асобных вёсках, а з ліпеня спыніліся канчаткова.

Рэвалюцыя 1905—1907 гг., нягледзячы на паражэнне, абудзіла палітычную свядомасць народа і аказала вялікі ўплыў на асабліваці далейшага развіцця палітычнага руху ў краіне.

¹ Гл.: История рабочего класса Белорусской ССР. Мн., 1984. Т. 1. С. 217.

² Ш а б у н я К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Мн., 1962. С. 188.

³ Гл.: Документы и материалы по истории Белоруссии. Мн., 1953. Т. 3. С. 498.

⁴ Гл.: М а й з е л ь Л. Н. 1905—1907 гг. на Беларуси. Мн., 1934. С. 94.

⁵ История Беларуси. Вопросы и ответы. Мн., 1993. С. 59.

⁶ Гл.: Беларуская савецкая энцыклапедыя. Мн., 1970. Т. 2. С. 135.

⁷ Гл.: Л и п и н с к и й Л., Л у к ь я н о в Е. Крестьянское и солдатское движение в Белоруссии (1900—1907 гг.). Мн., 1968. С. 140, 141.

⁸ Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Мн., 1955. С. 488.

⁹ Документы и материалы по истории Белоруссии... Т. 3. С. 568.

¹⁰ Гл.: Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. С. 576.

А. М. ВАСІЛЬЕВА

ДА ПЫТАННЯ АБ УЗНІКНЕННІ БЕЛАРУСКАГА КАТАЛІЦКАГА РУХУ

Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя, адна з найбольш уплывовых каталіцкіх палітычных сіл, дзейнічала пераважна на тэрыторыі Заходняй Беларусі з 1917 па 1939 г. Вядома, што большасць беларускага насельніцтва, у тым ліку і Заходняй Беларусі, складалі праваслаўныя. Таму ўзнікае пытанне: чаму менавіта каталіцкі рух аказаўся найбольш жыццяздольным і, нягледзячы на моцны ўціск і прамыя рэпрэсіі польскіх уладаў, пратрываў да 1939 г.?

Цікава, што беларускі нацыянальна-палітычны рух зарадзіўся менавіта ў асяроддзі адукаванага каталіцкага насельніцтва. Дастаткова ўспомніць, бадай што, першых беларускамоўных пісьменнікаў В. Дучіна-Марцінкевіча і У. Сыракомлю, або такія з'явы, як творчасць Э. Ажэшкі, у раманах якой беларусы размаўляюць по-беларуску, ці оперу С. Манюшкі «Ідылія» («Сялянка»), дзе толькі памешчыкі спявалі па-польску, а народ — па-беларуску. У каталіцкіх сем'ях выхоўваліся класікі беларускай літаратуры Я. Купала і М. Багдановіч.

Любы сацыяльна-палітычны феномен трэба разглядаць у шырокім гістарычным кантэксце. Прадумовы ўзнікнення беларускага каталіцкага руху сфарміраваліся ў другой палове XIX — пач. XX ст., калі ў эканамічным, сацыяльна-палітычным і канфесійным жыцці Беларусі адбыліся істотныя змены. Іх аналіз дазваляе даць адказ на пастаўленае пытанне.

Большасць беларускага каталіцкага насельніцтва была сканцэнтравана на паўночным захадзе Беларусі. Адпаведна з тагачасным адміністрацыйным падзелам гэта тэрыторыя Гродзенскага, Ваўкавыскага і Слонімскага павеатаў Гродзенскай, Мінскага, Наваградскага і Слуцкага павеатаў Мінскай і Ашмянскага, Вілейскага, Лідскага павеатаў Віленскай губерняў. На гэтай тэрыторыі жыло 37 % насельніцтва Беларусі і 76 % беларусаў-каталікоў. У сярэднім каталікі складалі тут 35 % жыхароў. Найбольшай іх удзельная вага была ў Ашмянскім (72 %), Лідскім (55 %) і Ваўкавыскім (52 %) павеатах¹.

У XIX — пач. XX ст. паўночны захад вылучаўся як найбольш развіты ў эканамічных адносінах рэгіён Беларусі. Аб'ём вытворчасці прамысловасці Заходняй Беларусі ў канцы XIX ст. быў на 34,6 % вышэй, чым ва Усходняй². Капіталістычныя адносіны тут хутчэй замацаваліся і ў сельскай гаспадарцы. Гэтаму спрыяла адсутнасць абшчыннага землекарыстання. Так, напрыклад, у Магілёўскай губерні абшчыны валодалі 83,7 % сялянскай зямлі, Віцебскай — 37,7, а ў Мінскай — 3, Гродзенскай — 2,2 %. У Віленскай губерні абшчынага землекарыстання ўвогуле не існавала³. Менавіта таму на захадзе хутчэй фарміраваўся пласт заможнага сялянства, якое і склала сацыяльную базу нацыянальнага руху. Так, напрыклад, у 1905 г. у Мінскай губерні 45 % усіх сялянскіх гаспадарак валодалі больш чым дваццацю дзесяцінамі зямлі, у Гродзенскай — 27,3, а ў Магілёўскай — толькі 0,4 %⁴. Невыпадкова таму і ўзровень пісьменнасці ў Заходняй Беларусі быў вышэйшым. Тут было сканцэнтравана больш паловы ўсіх пісьменных беларусаў⁵. Менавіта мінска-маладзечанскія гаворкі склалі аснову беларускай літаратурнай мовы. Гэты рэгіён стаў асноўным арэалам кансалідацыі беларускай нацыі ў канцы XIX — пач. XX ст.

На фарміраванне беларускага каталіцкага руху вельмі моцна ўплывалі і іншыя фактары — перш за ўсё палітыка расійскай адміністрацыі. Пасля падаўлення паўстання 1863—1864 гг. было зроблена шэраг захадаў, накіраваных на ўзмацненне русіфікацыі Беларусі: забаранялася друкаваць беларускія кнігі на лацінцы, што фактычна ў той час значыла забарону беларускага друку; назвы Беларусь і беларусы зніклі з афіцыйнага справаводства і, нават, перыёдыкі; пачалося шырокае ўкараненне пачатковай адукацыі на рускай мове. Аднак у найбольшай ступені дзейнасць расійскай адміністрацыі была скіравана супраць так званага «польскага элемента» ў краі. Былі забаронены польскі друк і адукацыя, абмежавана сфера карыстання польскай мовай. Яна дазвалялася толькі ў хатніх зносінах і касцёле. Палякам забаранялася працаваць у дзяржаўных установах і, што самае галоўнае, набываць зямельную маёмасць. Ажыццяўляліся рэпрэсіўныя меры супраць каталіцкай царквы. Так, да 1868 г. на Беларусі было зачынена 128 касцёлаў, 34 каталіцкія кляштары і 67 каплічак. Толькі на працягу 1864 г. звыш 70 тысяч каталікоў было прымусова пераведзена ў праваслаўе⁶.

З той нагоды, што чыноўнікі цалкам атаясамлівалі каталікоў і палякаў, усе гэтыя мерапрыемствы цяжка адбіліся і на становішчы каталікоў-беларусаў. Аднак с цягам часу палітыка расійскай адміністра-

цыі становілася больш гнуткай. Пачынаючы з 1869 г. спецыяльныя цыркуляры МУС даводзілі, што палякамі трэба лічыць не ўсіх каталікоў, а толькі тых, якія «засвоілі польскую нацыянальнасць»⁷. Было вызначана найменшае зло: лепш хай лічаць сябе беларусамі, чым палякамі. Тым больш, што арыентаваньня на Польшчу памешчыцка-клерыкальныя колы намагаліся ўзмацніць сваё сацыяльнае становішча менавіта за кошт беларусаў-каталікоў. Таму, адпаведна з так званай палітыкай «раз'яднання паланізма ад каталіцызму» каталікам-беларусам тлумачылі, што яны не палякі, а беларусы. Гэтая сітуацыя стварала пэўную свабоду манеўра для каталікоў. Вядомыя выпадкі, калі яны нават бралі спецыяльныя пасведчанні аб сваім беларускім паходжанні для набыцця зямлі. У тых умовах гэта паспрыяла адраджэнню беларускай самасвядомасці у значнай часткі паланізаваных каталікоў. Таму не выпадкова, што «беларусы-каталікі ўсвядомілі сябе як нацыю ў значна большай ступені чым беларусы-праваслаўныя», сведчыць даследчык пач. ХХ ст. Е. Канчэр⁸. Канфесійная прыналежнасць у дадзеным выпадку стала формай паскарэння фарміравання нацыянальнай самасвядомасці.

Значную ролю ў гэтым працэсе адыграла і моўнае пытанне. Каталіцкая царква ставілася да беларускай мовы больш памяркоўна, чым праваслаўная. Яшчэ ў 1776 г. каталіцкі епіскап Станіслаў Сестранцэвіч хадайнічаў аб увядзенні беларускай мовы ў касцёле. Падобныя захады ў 1896 г. прымаў і Магілёўскі епіскап Сымон⁹. Есць падставы меркаваць, што ён звяртаўся не толькі да расійскай адміністрацыі, але і да вышэйшай духоўнай улады. Сведчаннем таго з'яўляецца спецыяльная була папы Льва XIII ад 08.05.1897 г. № 37522, прызначаная менавіта для Магілёўскай губерні, у якой было загадана «ужываць беларускую мову ў касцёле там, дзе народ гутарыць па беларуску»¹⁰. Трэба адзначыць, што гэтыя памкненні ў пэўных адносінах адпавядалі расійскай палітыцы «раз'яднання паланізма ад каталіцызму». І ў 70-я гг. ХІХ ст., і пасля рэвалюцыі 1905—1907 гг. спецыяльныя цыркуляры рэкамендавалі ўжываць беларускую мову ў касцёлах. Есць звесткі, што некаторыя ксяндзы карысталіся гэтымі абставінамі. Так, вядома, што ў мястэчку Ула Лепельскага павета з 1876 па 1882 г. ксёндз Мотус праводзіў літургію на беларускай мове. Значную ролю ў пашырэнні беларускай мовы ў касцёле адыграў кіраўнік Віленскай дыяцэзіі ў 1903—1917 гг. архіепіскап Э. Роп. Летам 1917 г. ён афіцыйна дазволіў даводзіць казанні да беларусаў на беларускай мове¹¹. Але, бадай што, найбольшае значэнне ў пашырэнні беларускай мовы ў касцёле мела дзейнасць актывістаў беларускага каталіцкага руху, асабліва выданне каталіцкага часопіса «Беларус» (1913—1915), у якім друкаваліся каталіцкія паэты К. Стэповіч (У. Свяяк) і А. Астравіч (А. Зязюля).

Істотны ўплыў на развіццё беларускага каталіцкага руху зрабілі спецыфічныя асаблівасці арганізацыйнай структуры каталіцкай царквы і палітыка Ватыкана ў канцы ХІХ — пач. ХХ ст. У адрозненне ад праваслаўя каталіцкая царква на Беларусі знаходзілася ў кананічнай залежнасці ад апостальскай сталіцы, якая этнічна не была звязана з якой-небудзь дзяржавай. Ватыкан жа, які імкнуўся пашырыць каталіцтва сярод праваслаўнага насельніцтва, лічыў больш прыдатным для гэтай справы не палякаў, а беларусаў. На думку кіраўнікоў каталіцкай царквы, польскі каталіцкі клір на Беларусі больш увагі надаваў пашырэнню паланізацыі, а не інтарэсам царквы. Таму Ватыкан абаліраўся і, у пэўнай ступені, падтрымліваў кадры маладога інтэлегентнага і нацыянальнасвядомага беларускага каталіцкага святарства. Менавіта гэта і дазволіла адносна нешматлікай групе ксяндзоў-беларусаў супрацьстаяць уціску з боку магутнага польскага каталіцкага кліру ў 20—30-я гг.

Не меншы ўплыў на развіццё беларускага каталіцкага руху зрабілі істотныя змены ў стаўленні Ватыкана на ўдзел у палітычным жыцці ўвогуле. Выключнае значэнне ў гэтых адносінах мелі энцыклікі папы Льва XIII «*Rerum novarum*» (1881 г.) і «*Graves de communi*» (1901 г.), якія і сёння лічацца асновай палітычнай праграмы Ватыкана. У іх адлюстроўваліся погляды касцёла на дзяржаву. Яна, на думку Льва XIII,

уяўлялася хрысціянскай дэмакратыяй, заснаванай на падзеле трох уладаў — заканадаўчай, выканаўчай і судовай. Гэтае палажэнне было ў тых часы прынцыпова новым для каталіцкага светапогляду¹². Каб паказаць касцёл абаронцай сацыяльных рэформаў, Леў XIII звяртаў увагу на бядотнае становішча рабочага люду, асуджаў празмерную эксплуатацыю. Сацыялістычныя тэндэнцыі, аднак, не краналі аснову капіталістычнага ладу — прыватную уласнасць, якая лічылася свяшчэннай і богаданай. Адмена прыватнай уласнасці, як здавалася аўтару, прыраўноўвае чалавека да жывёлы¹³. Але самае галоўнае — энцыклікі адчынялі шырокі шлях да палітычнай дзейнасці каталіцкага кліру.

Ужо ў пачатку XX ст. уплывовыя каталіцкія партыі былі створаны ў Германіі, Аўстра-Венгрыі, Бельгіі і Польшчы. Іх прыклад ўскосна і прама ўздзейнічаў на развіццё беларускага каталіцкага руху. Вядома, напрыклад, што яшчэ ў 1907—1909 гг. у Інсбруку і Мюнхене ўтварыліся гурткі беларускіх студэнтаў, якія вучыліся ў каталіцкіх універсітэтах. Сярод актывістаў іх былі Ф. Грынкевіч, А. Лісоўскі і студэнтка Сялянка з Гродна¹⁴. Менавіта гэтыя гурткі сталі першай формай арганізацыйнага афармлення беларускага каталіцкага руху. Ускосны уплыў адчуваецца ў больш позніх праграмных дакументах беларускага каталіцкага руху. У тым ліку — першай праграме БХД (1918 г.), шмат палажэнняў якой (аб прыватнай уласнасці, адносінах да працы, выхавання, сям'і) паўтараюць, ці нагадваюць ідэі папскіх энцыклік і праграм заходнееўрапейскіх хрысціянска-дэмакратычных партый¹⁵.

Такім чынам, узнікненне беларускага каталіцкага руху — вынік складанага ўзаемадзеяння разнастайных фактараў. Знаходжанне ў эканамічна найбольш развітым рэгіёне Беларусі стварыла неабходныя сацыяльна-культурныя прадумовы актыўнага ўдзелу каталікоў у нацыянальным руху. Палітыка «раз'яднання паланізма і каталіцызму», якую праводзіла расійская адміністрацыя, парадаксальным чынам паўплывала на фарміраванне беларускай самасвядомасці каталіцкага насельніцтва. Істотныя змены, якія адбыліся ў палітычнай дактрыны Ватыкана ў канцы XIX ст., падштурхнулі стварэнне арганізацыйных структур беларускага каталіцкага руху.

¹ Гл.: Чаквін І. У., Церашковіч Г. Ф., Касперовіч Г. І. // Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1989. С. 70.

² Гл.: Экономка Белоруссии в эпоху империализма. Мн., 1965. С. 75.

³ Гл.: Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, 2-я половина XIX в. Мн., 1971. С. 169.

⁴ Там жа. С. 164.

⁵ Гл.: Чаквін І. У., Церашковіч П. У., Касперовіч Г. І. // Этнаграфія Беларусі. С. 70.

⁶ Гл.: Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Мн., 1980. С. 41; Церковные ведомости. 1910. № 2. С. 77.

⁷ ДГАРБ. Ф. 1430, воп. 1, спр. 33680, арк. 1.

⁸ Гл.: Канчер Е. С. Белорусский вопрос. Пг., 1919. С. 107.

⁹ НАРБ. Ф. 62, воп. 3, спр. 10, арк. 38.

¹⁰ Пануцэвіч В. // Спадчына. 1993. № 3. С. 72.

¹¹ ДГАРБ. Ф. 1430, воп. 1, спр. 33861, арк. 33; Станкевіч А. Родная мова ў святынях. Вільня, 1929. С. 95.

¹² Гл.: Спадчына. 1992. № 6. С. 23.

¹³ Гл.: Григулевич И. Р. Папство. Век XX. М., 1978. С. 95.

¹⁴ Stankevics A. Belaruski chrisrianski ruh. Vilnia, 1929. S. 46.

¹⁵ Гл.: Ustava i prahrama Chryscijanskaj Demokratychnaj Zlucznasci Bielarusau. Miensk, 1920.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ БЕЛАРУСИ В 20-е гг.

В начале 20-х гг. как в РСФСР, так и БССР уже не осталось ни одной общественной организации, не контролируемой большевиками. Перед правящей партией встала задача не упустить из поля зрения процессы, происходящие в потребительской кооперации. ЦК КПБ(б) в этот период указывал, что в связи с реорганизацией сети потребительских обществ и их союзов «необходимо уделять больше внимания потребительской кооперации и... выделять на кооперативную работу большее количество сил, чтобы овладеть этими организациями»¹.

И это в известном смысле удалось. В Беларуси кадры потребительской кооперации до 1914 г. были крайне малочисленны: накануне первой мировой войны имелось около 200 кадровых работников. Во время войны число кооперативов и их членов увеличилось, но основная масса этих насех сколоченных кооперативов, разумеется, не могла иметь преданных партии кадров.

После Октябрьской революции, по указанию Ленина, партия использовала кооперативный аппарат, предварительно очистив его от старых кооперативных работников, не состоявших в партии и не сочувствовавших коммунистам. Это был длительный и тяжелый процесс, сопряженный с внутренними трудностями, в условиях острой нехватки грамотных рабочих и крестьян.

Так, в 1922 г. в составе правлений городских единых потребительских обществ (ЕПО) Гомельской губернии насчитывалось 87,8 % рабочих, 0,9 % крестьян. Среди них было 37,7 % коммунистов и 1,9 % представителей других партий. По образованию в аппарате правлений ЕПО были представлены следующие категории работников: с высшим — 3,8 %, средним — 22,6, низшим — 27,8, домашним — 46,2 %².

В данном случае наличие даже высшего или среднего образования еще не свидетельствовало о соответствующей подготовке и квалификации работников для работы в системе потребительской кооперации.

Более точное представление о качественном составе кадров дает их группировка по стажу кооперативной работы: до 1 года — 31,2 %, от 1—3 лет — 39,6, от 3—5 лет — 4,7 %. Из этих данных видно, что 2/3 состава правлений ЕПО имели стаж работы до 3-х лет, т. е. руководящие кадры потребительской кооперации почти не имели опыта работы в условиях свободных рыночных отношений³.

Поэтому в период новой экономической политики развернулась подготовка и переподготовка кадров потребительской кооперации. К началу 20-х гг. стал работать учебно-курсовой отдел Центробелсоюза. В его функции входили: организация лекций по проблемам кооперативного движения, распределение учебных пособий, курирование института практикантов.

Была разработана единая система обучения кадров для кооперации. Если в период гражданской войны и военной интервенции основным методом подготовки кадров были краткосрочные курсы до 100—150 часов: а) районные счетоводно-кооперативные курсы (курсы-съезды), б) губернские кооперативные курсы, в) кооперативные отделения Губсовпартшкол, г) высшие практические курсы Центробелсоюза, то в последующие годы арсенал средств подготовки кадров был значительно расширен. Однако курсовые мероприятия продолжали занимать ведущее положение в системе подготовки кадров: программа курсов была значительно увеличена, а сами курсы специализированы.

Витебское потребительское общество, например, готовило на 1—3-месячных курсах в 1927—1930 гг. кадры основных торговых профессий, нехватка которых ощущалась особенно сильно. Продавцы готовились в специальных школах-магазинах с трехмесячным сроком обучения.

В течение 1927—1930 гг. на кооперативных курсах было подготовлено 2637 человек. Кроме того, Белкоопсоюз готовил руководящие кадры в кооперативных техникумах. Преимущество при поступлении на курсы и в техникумы имели рабочие, батраки, крестьяне-бедняки. Так, в

1929—1930 гг. представители этих категорий составляли 51,5 % контингента учащихся⁴.

Для повышения идейно-теоретического уровня и деловой квалификации руководящего состава потребительской кооперации в начале 1922 г. в Белорусском государственном университете открылось специальное кооперативное отделение на факультете общественных наук. Однако университет не располагал достаточным количеством квалифицированных преподавателей для чтения курсов по кооперации, возникли затруднения и при составлении планов занятий. Поэтому правление БГУ поручило командированному в Москву профессору С. Л. Вольфсону пригласить из других вузов квалифицированных лекторов по кооперативным дисциплинам.

В результате принятых мер кооперативное отделение факультета общественных наук было укомплектовано лучшими кадрами профессорско-преподавательского состава. Ими в 1922—1923 учебном году были прочитаны курсы: исторического материализма — проф. С. Л. Вольфсон, генетическая социология — проф. С. З. Каценбоген; история социологии, история Беларуси XIX—XX вв. — проф. В. М. Игнатовский; история хозяйства и формы труда — В. В. Якушин; история народного хозяйства России и Беларуси — проф. В. И. Пичета.

Кроме названных дисциплин в программу обучения входили и наука о финансах, теория статистики, а также специальные курсы: история кооперации в России и Белорусии, теория и практика кредитной кооперации и др.

Кооперативное отделение университета обслуживало не только кооперативные организации Беларуси, но и многие губсоюзы Российской Федерации.

В связи с увеличением количества женщин в составе потребительских обществ республики на 1 декабря 1924 г. (количество членов потребительских обществ составляло 131447 человек, из них женщин — 550, или 4,2 %⁵) активизируется работа по выдвигению их на руководящие посты в потребкооперации, организуются курсы женского кооперативного актива. На курсах рассматриваются проблемы ликвидации женской неграмотности, разрабатываются сценарии проведения бесед и вечеров по кооперативной тематике. Для социального и партийного отбора курсанток при райсоюзах и рабочих кооперативах создаются социальные отборочные комиссии.

В результате принятых мер социальный состав работников низового звена кооперации существенно изменился. По состоянию на 1 апреля 1929 г. в правлениях ЕПО рабочие и батраки составляли 14,3 %, крестьяне-бедняки — 35,2, крестьяне-середняки — 26, служащие — 22, прочие — 2,5 %. Партийная и комсомольская прослойка в составе правлений сельских организаций достигла 45,7 %, а в Центральном рабочем кооперативе — 67,1 %⁶.

Представляет интерес и национальный состав низового звена сельской потребительской кооперации, где белорусы составляли 81,8%, евреи — 11,2, русские — 2,4, поляки — 1,7, прочие — 3,9 %⁷.

Для успешной подготовки кадров потребительской кооперации, вынужденной работать в условиях рыночных отношений, необходимо было установить правильное взаимоотношение с государственным просвещением на основе договора с Главным управлением профессионального образования. В соответствии с его положениями подготовка кооперативных работников как часть профтехнического образования передавалась непосредственно в ведение кооперативных организаций, однако контроль за учебной оставался в ведении Главпрофобра.

Финансирование учебных мероприятий кооперативных организаций происходило следующим образом: райотделения, губсоюзы, Центробелсоюз распределяли затраты на учебные мероприятия по всей системе объединяемых ими кооперативных организаций. Это позволяло организовывать главную задачу — обеспечивать потребительскую кооперацию надежными кадрами.

Естественно, что работа с кооперативными кадрами не ограничивалась только организацией сети курсов, школ, техникумов. Потребительская кооперация много внимания уделяла культурно-просветительной

работе на селе. Эта работа проводилась главным образом в избах-читальнях.

Успешному развитию кооперативного образования способствовало созданное в Москве в 1922 г. «Кооперативное издательство», которое только за пять лет выпустило 454 названия книг, в том числе много учебников и пособий общим тиражом более 3 млн экземпляров⁸.

В республике были открыты опытные книжные лавки, ассортимент книг подбирался в соответствии с особенностями района; кроме того, в книжной лавке можно было приобрести пособия и средства наглядной агитации, канцелярские принадлежности⁹. В 1925 г. только на Витебщине кооперативами было продано книг на сумму 39551 руб.

В многонациональной Беларуси, расположенной в приграничной полосе, было целесообразно открыть опытные книжные лавки кооперации в каждом административном округе, т. е. восемь, но из-за недостатка средств было открыто только пять лавок. Специфические территориальные условия республики заставляли четко учитывать, какую литературу и в каком количестве засылать в тот или иной пункт. Поэтому снабжением этих лавок занималась центральная книжная база Белкоопсоюза.

Усиление внимания потребительской кооперации к вопросам подготовки, обучения и воспитания кооперативных кадров в период нэпа имело двоякое значение. С одной стороны, это благотворно сказалось на деятельности всей кооперации, и потребительской в том числе. Она стала более конкретно заниматься производством, товарообменом, торговлей и культурным просвещением трудящихся. С другой — кооперация Советской Белоруссии в первой половине 20-х гг. постепенно утрачивала и без того небольшую общественно-политическую самостоятельность и стала развиваться под контролем коммунистической партии, что в итоге и превратило ее в один из элементов государственно-бюрократической системы.

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 234.

² См: Материалы обследования потребительской кооперации Гомельской губернии. Ч. II. Городские и фабрично-заводские единые потребительские общества. Гомель, 1923. С.4.

³ Там же.

⁴ БГА. Ф. 332, оп.1, д. 835, л. 14.

⁵ Там же. Д. 1308, л. 6.

⁶ Там же. Д. 2278, л. 34.

⁷ Белорусский кооператор. 1923. 15 сент.

⁸ БГА. Ф. 332, оп.1, д. 2279, л. 6.

⁹ Кооперативная жизнь. 1927. № 22. С. 5.

І. А. ЕЎТУХОЎ

ВОБРАЗ РЫМА Ў ПОЗНЕАНТЫЧНЫМ МЕНТАЛІТЭЦЕ (па творах Прудэнцыя і Намацьяна)

У самым пачатку V ст., з інтэрвалам у 10—12 гадоў, два грамадзянна Заходняй Рымскай імперыі здзейснілі падарожжы па краіне. Першы з іх, Аўрэлій Прудэнцый Клемент, каля 403—404 гг. прыехаў у Рым з Іспаніі, другі, Клаўдзій Рутылій Намацьян, у верасні 416 г. выехаў з Рыма ў Галію. Абодва падарожнікі былі паэтамі, абодва пакінулі паэтычныя сведчанні пра свае пасадкі.

Інфармацыя, якая змяшчаецца ў іх творах, цікава не столькі з пункту гледжання літаратуры, колькі з пункту гледжання гісторыі позняй антычнасці, таму што дазваляе выйсці на адну з ключавых ідэй рымскага менталітэту — вобраз «Вечнага Рыма» — і прасачыць пры гэтым фарміраванне яго вонкавай дыхатаміі, калі адзіны вобраз распадаецца на два несупадаючыя: Рым хрысціянскі і Рым язычніцкі.

Аўрэлій Прудэнцый Клемент быў досыць вядомым паэтам. Сідоній Апалінарыў у другой палове V ст. параўноўваў яго з Гарацыям (Ер. II, 9), Генадзій Масілійскі ў канцы V ст. уключыў бібліяграфічную даведку пра яго творчасць у свой каталог касцельных пісьменнікаў, хаця і

падкрэсліў пры гэтым, што Прудэнцый не быў клірыкам (De script. eccl., 13). Некаторыя гімны Прудэнцыя, дакладней кажучы, мантаж з іх асобных вершаў, выкарыстоўваліся ў каталіцкім набажэнстве.

Нарадзіўся Прудэнцый у 348 г. у Іспаніі. Пачатак яго біяграфіі быў тыповым для рымскага грамадзяніна з заможных слаёў. У дзяцінстве — пачатковая і рытарская адукацыя, у юнацтве — «дзёрзкая разбэшчанасць і дзікая раскоша» (Praef., 10—11), у маладосці — адвакацкая практыка. Нарэшце была дасягнута і вяршыня кар’еры — імператар даў яму адну з вышэйшых прыдворных пасадак. Аднак Прудэнцый прыняў хрысціянскае веравызнанне і пакінуў дзяржаўную службу¹.

Зыходная апазіцыя, г. зн. формула, якая ляжыць у аснове светаўспрымання Прудэнцыя і структуруе яго, можа быць вызначана наступным чынам: «рымахрысціяне — рымаязычнікі». Паміж імі пралягае рэзкая мяжа — «Хадзіце прэч, язычнікі. Няма ў вас агульнага з народам Божым шляху» (Contr. Symm., II, 900—901). Аднак неабходна падкрэсліць, што асобны прадстаўнікоў рымаязычнікаў Прудэнцый лічыць дастаткова прыстойнымі людзьмі, і ён гатовы прыняць іх нароўні з хрысціянамі: «Ды будзе веруючым Ромул, і хай сам Нума веруе» (Per., II, 442—444.).

Меркаванні Прудэнцыя не закранаюць астатніх язычнікаў з ліку варварскіх народаў. Іх ён разглядае як штосьці прамежкавае паміж жывёлай і чалавекам: «...рымлянін знаходзіцца ад варвара настолькі далёка, наколькі двуногі (знаходзіцца) ад чатырохногага» (Contr. Symm., II, 815—816).

Прыблізна ў 403—404 гг. Прудэнцый здзейсніў падарожжа ў Рым, якое пазней адбілася ў шэрагу гімнаў цыкла «Перыстыфанон»². Пра мэту сваёй пасадкі паэт гаворыць не вельмі выразна. Хутчэй усяго ён прыехаў у Рым па касцёльных справах. Прынамсі, пасля вяртання дамоў Прудэнцый дае дзве канкрэтныя ўстаноўкі клірыкам іспанскага касцёла: 1) трэба ўвесці шанаванне рымскага пакутніка Іпаліта (Per., XI, 233—234, 237—238); 2) шанаванне памяць апосталаў Пятра і Паўла неабходна ў адзін дзень, як гэта робіцца ў Рыме (Ibid., XII, 65—66).

Клаўдзій Рутылій Намацыян вядомы ў гісторыі літаратуры як аўтар толькі аднаго твора — паэмы «Пра сваё вяртанне» (De rediti suo)³, якая цалкам не захавалася. Храналагічным арыенцірам для вызначэння часу напісання паэмы служаць наступныя радкі:

«Шаснаццаць дзесяткаў і тысяча год завяршыліся,
звыш гэтага лета дзевятае табе ўжо ідзе»

(De red., I, 135—136).

Quamuis sedecies denis et mille peractis
Annus praeterea jam tibi nonus eat.

Тут узрост Рыма вызначаецца ў 1169 гадоў. Перавод з эры Варона ў сучаснае леталічэнне дае 416 г. н. э.

У паэме Намацыян дае дастаткова аўтабіяграфічнай інфармацыі. Паходзіў ён з Галіі (прынамсі там былі яго радавыя маёнткі). Бацька паэта, Лаханій, быў вельмі ўплывовым чыноўнікам — намеснікам Тырэнскіх земляў у Пізе, дзе яму ўдзячнымі гараджанамі была пастаўлена статуя, пазней ён быў прэфектам Рыма. Не менш паспяхова і кар’ера самога Намацыяна. Ён служыў у войску, займаў высокія пасады ў палацы імператара, нарэшце, як і бацька, стаў прэфектам Рыма. Цалкам адпавядалі кар’еры яго шырокія сяброўскія і дзелавыя сувязі ў вышэйшых колах рымскай арыстакратыі. Сярод сяброў Намацыяна былі Экуперанцый (намеснік Арморыкі) і яго сын Паладзій, Альбін і Пратадзій (былыя прэфекты Рыма), Руфій (выбраны прэфектам Рыма на 416 г.), Віктарын (былы вікары прэфекта Брытаніі).

Па свайму светаўспрымання Рутылій Намацыян быў шчырым прыхільнікам традыцыйных рымскіх жыццёвых арыенціраў. Аб гэтым, у прыватнасці, сведчыць своеасаблівы гімн Рыму ў паэме (Ibid., I, 47—154).

Усіх людзей Намацыян дзяліў на рымлян і нерымлян. Павагі варты, на яго думку, толькі першыя. Тут, аднак, трэба мець на ўвазе, што «рымскасць» вызначае не грамадзянства ці этнічную прыналежнасць, а менталітэт. Намацыян піша, што курыя Сената будзе шанаванне нават іншаземца (peregrinae), калі той выявіць сябе сваім (Ibid., I, 13—14).

Адназначную рэакцыю адмаўлення выклікаюць у паэта тыя, чые паводзіны не адпавядаюць рымскай парадыгме, не ўпісваюцца ў яе рамкі. Ён з неспрыкрытай пагардай ставіцца да яўрэяў за іх абрад абразання, «халодную суботу ў сэрцы» і «брыдкае гультайства» у сёмы дзень тыдня (Ibid., 383—394). Не меншую пагарду адчувае Намацыян да ўсіх хрысціян цалкам (519—526) і да манахаў у прыватнасці. Апошніх ён зневажае за баязлівасць перад жыццём:

«Спрыянне фартуны палохае іх, шукаюць узамен няўдачу.

Ці можа шукальнік мізэрнага мізэрным не быць?

Хіба ж не вар'яцтва, хіба ж не хвароба мазгоў

Добра пазбягаць таму, што палохае зло?» (443—446).

Munera fortunae metuunt, dum damna verentur:

Quisquam sponte miser ne miser, esse queat?

Quaenam peruersi rabies tam stulta cerebri,

Dum mala formides, nec bona posse pati?

Такім чынам, Рутылій Намацыян успрымаў рэчаіснасць праз прызму наступнай зыходнай апазіцыі: «носьбіт рымскай ментальнасці — носьбіт нерымскай ментальнасці».

Але адкуль такая асэнсаваная і глыбока ўкаранёная пагарда да ўсяго нерымскага? Наўрад ці можна яе вытлумачыць толькі выхаваннем, адукацыяй і кар'ерай. Хрысціянства ж панавала ў Заходняй Рымскай імперыі больш двух дзесяцігоддзяў. Магчыма, рымскі радыкалізм Намацыяна быў звязаны з тым, што ён як творчая натура вельмі востра адчуваў усю небяспэку з боку хрысціянства для антычнай цывілізацыі.

Найбольш ворагодным штуршком да падобнага настрою паэта стала злачыніства дачасніка Сціліхона, вандала, хрысціяніна. Уразіла не столькі яго сапраўдная ці ўяўная здрада, якая ўрэшце рэшт каштавала яму жыцця (у 408 г.), хаця Намацыян і пра гэта піша (Ibid., II, 51). Больш страшнае злачыніства, з пункту гледжання рымскага грамадзяніна, учыніў ён раней — калі загадаў спаліць Сівіліны кнігі, якія пасля знішчэння алтара Перамогі ў курыі Сената былі, па сутнасці, апошнім рэчыўным звязуючым звяном паміж Рымам Намацыяна і Рымам Ромула, Нумы, Тарквінія. У свядомасці рымлян гэтыя кнігі заўсёды выступалі як «вызначаны лёсам залог вячэстага царства» (Ibid., 55).

Аўрэлій Прудэнцій пад час надарожжа паводзіў сябе як сапраўдны паломнік — наведваў толькі месцы, свяшчэнныя для хрысціян: магільны пакутнікаў Касіяна і Агніі, месцы масавых пахаванняў, крыпты, храмы, удзельнічаў ва ўрачыстых набажэнствах у гонар апосталаў Пятра і Паўла.

Аднак Прудэнцій ніводнага слова не гаворыць пра помнікі язычніцкага мінулага Рыма — быццам раптам знік форум Траяна, тэрмы Каракалы, трыумфальныя аркі, Калізей. У вышкі ён пабачыў толькі тое, што сам жадаў пабачыць — горад, поўны святых, горад, які ўпрыгожваецца іх магільнямі (Per., II, 542—544).

Канцэнтраваным выяўленнем вобраза Рыма ў гімнах Прудэнцыя можна лічыць фрагмент пад умоўнай назвай «Малітва Лаўрэнція» (Ibid., 413—481). Дзяржаўны Рым, згодна з меркаваннямі аўтара, быў пастаўлены на чале Сусвету самім Хрыстом, які наканаваным астатнім народам падпарадкоўвацца яму (417—420). Гэта было зроблена дзеля таго, каб Рым даў іншым народам аднастайныя законы (421—424) і такім чынам падрыхтаваў спрыяльную глебу для універсальнай рэлігіі — хрысціянства (429—432). У выніку робіцца агульная выснова: Рыму наканавана аб'ядноўваць богашанаванне іншых народаў (435—436).

Пасля высвятлення ролі Рыма ў гісторыі чалавецтва Прудэнцій пераходзіць да апісання Рыма нябеснага, які мае свой сенат і консула. Менавіта ў ролі апошняга і выступае пакутнік Лаўрэнцій, чыя галава ўвечнана coronam civisam (!!).

«Там (ты), залічаны

да жыхароў невыказнага града,

у курыі вышэйшай назаўсёды

маеш вянец грамадзянскі.

Быццам найве бачу яснавельможнага

ў самацветы прыбранага мужа,

якога Рым нябесны

вечным консулам выбраў» (553—560).

Ille inenarrabili
 allectus urbi municeps,
 aeternae in arce curiae
 gestas coronam civicam.
 Videor videre illustribus
 gemmis coruscantem virum,
 quem Roma coelestis sibi
 legit perennem consulem.

Рутылій Намацыян вельмі дэталёва апісвае сямідзённы марскі шлях ад Осціі да горада Луна. На працягу падарожжа паэт, як сапраўдны турыст, наведвае славагасці (тэрмы Быка, саляварні), Пізу, дзе бачыць статую ў гонар свайго бацькі, заяжджае да сяброў, удзельнічае ў паляванні на дзікоў. Словам, гэта было даволі тыповае падарожжа рымскага арыстакрата, добра вядомае па лацінскай літаратуры другой паловы IV ст. (гл. напрыклад, *Amm. Marc.*, XXVIII, 4, 18; *Aus. Mos.*, 337—340). Вельмі цікава, што пры развітанні з Рымам Намацыян шмат піша пра храмы, тэатры, вадаправод, але не называе пры гэтым ніводнай хрысціянскай святыні. Калі ж ён і згадвае пра хрысціян, то размяшчае іх не ў Рыме, а на далёкіх астравах, якія ляжаць па-за межамі яго шляху (*De ged.*, I, 439, 515).

Вобраз Рыма, які акрэсліваецца ў паэме Намацыяна характарызуецца наступнымі рысамі. Рим з'яўляецца вечным, ён знаходзіцца па-за ўплывам лёсу, для яго існавання няма дакладнага тэрміну (*Ibid.*, 137—140; пар. *Amm. Marc.*, XIV 6, 3). Вечнасць была дадзена яму, каб ён пашырыў па ўсім стагоддзям (*in saeculum*) законы, што ў сваю чаргу азначае богаабранасць Рыма (*Ibid.*, 133; пар. *Amm. Marc.*, XIV, 6, 5).

Непасрэдным працягам зямнога Рыма выступае Рим нябесны, які мае свой уласны Сенат:

«Падобны, мы верым, на полюсе сферы сусветнай
 існуе ў бога вышэйшы сенат» (*Ibid.*, 17—18).

Quale per aetherias mundani verticis arces
 Concilium summi credimus esse dei.

Такім чынам, можна заўважыць, што падмуркам вобразу Рыма і ў гімнах Прудэнцыя, і ў паэме Намацыяна з'яўляецца набор пэўных базавых ідэй, карані якіх увасходзяць яшчэ ў часы Актавіяна Аўгуста: 1) вечнасць і богаабранасць Рыма; 2) наканаванне Рыму несці сусвету святло сапраўднага разумення рэчаў (для Прудэнцыя гэта — хрысціянства, для Намацыяна — законы); 3) Рим зямны і Рим нябесны складаюць адзіны стрыжань, які звязвае неба і зямлю; 4) структуры абодвух Рымаў аднолькавыя.

Сістэма, выкладзеная ў названых ідэях, можа быць вызначана як «Рым ментальны». Асаблівасцю яго ў часы позняй антычнасці стала здольнасць прымаць як хрысціянскую, так і языцкую афарбоўку, пакідаючы пры гэтым сваю існасць нязменнай. І рымлянін-хрысціянін, і рымлянін-язычнік, у першую чаргу, па стэрэатыпам паводзінаў былі рымлянамі. Менавіта «ментальны Рим» з'яўляецца стрыжнем свестаўспрымання носьбітаў познеантычнай цывілізацыі, выступаючы пры гэтым у масавай свядомасці альбо ў хрысціянскай, альбо ў языцкай форме.

Аслабленне гэтага стрыжня адбываецца ў канцы IV — пачатку V ст. Вонкавым выяўленнем працэсу могуць служыць наступныя меркаванні познеантычных лацінскіх аўтараў: «Імперыя памерла альбо кане» (*Salv. De gub. Dei.* IV, 6, 30), «Я... задумаў напісаць... ад апосталаў да збыднення (у тэксце выкарыстана больш ёмістае слова — *fecerit*, IX. E.) нашага часу» (*Hier. Vit. Malch.* I).

Па сутнасці, гэта азначала знікненне познеантычнага менталітэту. Звязка «Рым зямны — Рим нябесны», якую актыўна развівалі каталіцкія аўтары, была заснавана не на антычнай спадчыне, але на вядомым евангельскім тэзісе пра Пятра як каменя касцёлу (гл. *Мт.* 16:18—19).

¹ Гл.: Schanz M. *Geschichte der römischen Litteratur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian.* München, 1904. Bd. IV (1). S. 211.

² Гл.: Prudentius Peristifanon // *Patrologiae cursus completus. Ser. prima. Acc. J.-P. Migne.* T. 60. Parisiis, 1847.

³ Гл.: *Poetae latini minores / Rec. et em. A. Baehrens.* Lipsiae, 1883. V. 5. P. 3.

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (историографический обзор)

С давних времен проблема «перводвигателя» истории вдохновляла ученых на поиски неких устойчивых закономерностей, определяющих ход исторического процесса. Среди таких детерминантов назывались климатические и географические условия, экономика, божественный телеологизм, а также изменения в человеческой психике, влекущие за собой перестройку всех сфер жизни социума.

Появившиеся еще в античности идеи поиска психологических мотиваций человеческих поступков значительно активизировались в XX столетии в связи с развитием психологии как специальной научной дисциплины. Необходимость применения ее методов в исторических исследованиях признали представители самых различных направлений в историографии. В качестве детерминантов исторического процесса одни из них называли изменения экономических или политических условий, другие — демографические перемены, третьи — телеологизм. Однако всех их объединяет, независимо от субъективных установок, обращение к психологии как средству декорирования исторического процесса, позволяющему углубить понимание человека в истории.

Иной подход к выявлению исторических детерминантов демонстрируют психоисторики — представители нового исторического направления, возникшего в 60-е годы нашего столетия и особенно интенсивно развивающегося в США. Изменения психики человека они считают важнейшим фактором исторического развития. Созданию этой концепции личности, достаточно гибкой и в то же время целостной и стройной, способствовали достижения аналитической психологии, фундамент которой составили работы таких знаменитых философов и психологов XX в., как З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер.

Разделив психику на три инстанции (Id, Ego, Super-Ego), З. Фрейд открыл возможности проследить эволюцию изменяющихся инстанций (Ego, Super-Ego) и выявить инварианты психики человека (Id). По мысли З. Фрейда, именно Id является неизменной величиной, накладывающей отпечаток на все виды человеческой деятельности. Бессознательные импульсы, идущие от Id, ограничены требованиями, которые предъявляет к индивиду социум. Подавляемые и вытесняемые гедонистические порывы могут принимать как безобидные формы, например сублимация (перемещение вытесненного желания в разрешенный вид деятельности), так и болезненные (невроз).

Показав принципиальное сходство процессов становления индивида и социума, З. Фрейд тем самым сформулировал так называемый биогенетический закон, заключающийся в отождествлении онто- и филогенеза: индивидуальное развитие организма (онтогенез) в сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез). «Религия, мораль и социальное чувство — эти главные содержания высшего в человеке, — утверждает З. Фрейд, — первоначально составляли одно целое. По гипотезе, изложенной в «Тотеме и табу», они филогенетически приобретались в отцовском комплексе: религия и моральное ограничение — путем преодоления прямого эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество, оставшееся между членами молодого поколения. Во всех этических приобретениях мужской пол шел, по-видимому, впереди, но скрещенная наследственность сделала их и достоянием женщин»¹.

Оставляя в стороне медицинскую сторону применения психоанализа, признанную во всем мире, отметим здесь то значение, которое имеет использование методов фрейдизма для рассмотрения коренных вопросов религии, морали и истории общества. Оно заключается прежде всего в том, что, определив в качестве инварианта истории бессознательную

часть психики, З. Фрейд показал те движущие силы, которые формируют личность, заставляя ее принимать формы, адекватные социальным требованиям. Именно в этой части фрейдизм составил ядро новой научной дисциплины — психоистории, для которой характерно систематическое применение психоанализа к изучению исторических процессов и явлений.

В психоистории обычно выделяется два основных направления: *life-history*, фокусирующее внимание на исторических биографиях великих людей, и *group-history*, объектом рассмотрения которого является коллективная психология людей².

Хотя психоанализ и является краеугольным камнем психоистории, фрейдизм в ее рамках претерпел большие изменения, ибо психоисторики не абсолютизируют детерминированность исторического процесса психикой человека. Основанная на фундаменте психоаналитической методологии, психоистория вырабатывает собственные подходы к историческому материалу.

Один из классиков психоистории Э. Х. Эриксон, заложивший основы *life-history*, в своей концепции развития личности перенес акцент с фрейдовского *Id* на *Ego* как центр непатологического развития личности, заключающегося в усвоении внутренних (биологических) и внешних (социальных) требований к индивиду. По иному трактует Э. Эриксон и соотношение «индивид — социум». Если З. Фрейд убежден в неизбежности столкновения индивида с социальной средой, то Э. Эриксон говорит о врожденной адекватности ребенка и среды.

Пытаясь преодолеть характерное для психоисторических теорий дробление личности на психологические подструктуры (*Id*, *Ego*, *Super-Ego*), одни из которых обусловлены биологически и индивидуально, а другие представляют собой новообразования, возникшие под воздействием общества, Э. Эриксон выдвинул свою концепцию личности как результат последовательного вписывания индивида в систему социальных связей, названную эпигенетической. В отличие от генетической теории, которая предполагает, что в процессе раннего индивидуального развития происходит целостное преобразование качеств личности в совершенно новые, эпигенетическая утверждает, что личность представляет собой соединение всех качеств, которые она приобретает, пройдя через стадиальные кризисы идентичности³.

Понятие о кризисах идентичности (адекватности среде обитания) — одно из основных в теории Э. Эриксона. Ребенку свойственна врожденная идентичность со средой. Однако общество предъявляет набор определенных требований, которые заставляют ребенка изменяться. Удачное приспособление к изменившимся условиям снова создаст идентичность, но уже иного уровня. Функции *Ego* являются решающими в формировании идентичности: они вырабатывают механизмы психологической защиты, формируют самоконтроль. Все компоненты психосоциальной идентичности связываются между собой мировоззрением личности, позволяющим человеку понять, кто он в глазах других людей и в историческом процессе⁴.

Говоря о социальной природе *Ego* (основным источником формирования *Ego* З. Фрейд считал развитие самого индивида), Э. Эриксон подчеркивал единообразие всех стадий онтогенеза во всех ныне существующих обществах. По его мнению, все они, на каких бы стадиях социально-экономического развития ни находились (и европейские народы, и туземцы Полинезии, и племена Африки), не являются инфантильными или реликтами прошлого; их нормы, обычаи, институты как бы внешне ни отличались, все же обеспечивают достижение завершенной формы человеческого бытия⁵. Этот постулат Э. Эриксона диаметрально противоположен позиции советских психологов, утверждавших, что разные социально-экономические уклады формируют качественно различные типы личности, например социалистический в отличие от капиталистического.

На основе исторических и этнографических исследований и клини-

ческого опыта Э. Эриксона выработал следующую формулу формирования психосоциальной идентичности во все века и у всех народов: биопсихологические задатки + ранний детский опыт + широкие социально-исторические влияния. В соответствии с этой формулой, в развитии любой личности он выделил восемь стадий, каждая из которых начинается и заканчивается кризисом. Это — младенчество, раннее детство, игровой возраст, школьный возраст, юность, ранняя зрелость, поздняя зрелость, старость. На каждой из возрастных стадий общество предъявляет индивиду определенные требования.

Особое значение Э. Эриксон и все психоисторики придают раннему детскому опыту, накладывающему отпечаток на всю дальнейшую жизнь индивида. Так, в психобиографии Гитлера Э. Эриксон, анализируя «Mein Kampf», перепищу, событийную канву, исследовал этапы формирования черт характера будущего фюрера⁶.

С достижением очередной возрастной ступени набор требований меняется и возникает кризис идентичности, выражающийся в апробировании индивидом новой поведенческой модели и адаптации к ней. При этом кризисы идентичности, являясь фазами индивидуального роста, абсолютно внеисторичны, поскольку любая культура ставит перед личностью однородные социальные задачи⁷.

Эпигенетическая концепция Э. Эриксона стала теоретической основой многих психоисторических исследований. Американский историк Р. Д. Лифтон подчеркивает ее исключительное значение для понимания современного процесса универсализации человека, повышения жизнестойкости становления, по его выражению, Protean Man (по аналогии с мифологическим героем, вид которого менялся в зависимости от внешних условий)⁸.

Крупнейший представитель group-history президент американской ассоциации психоистории Ллойд де Мозе сформулировал так называемую психогенетическую теорию исторического процесса. В ее основу положена эволюция взаимоотношений поколений в семье, прежде всего — между матерью и детьми. Выделяя несколько типов таких отношений, де Мозе усматривает в их последовательной смене решающий источник глобальных исторических изменений. Именно психогенетические изменения личности, происходящие в результате интенсивного взаимодействия поколений родителей и детей, а не технология или экономика, являются основной движущей силой истории⁹.

Де Мозе использовал эту концепцию, рассматривая становление американской нации. Переселившись из Старого Света в Новую Англию, колонисты создали свой более свободный образ жизни. В результате через несколько поколений сформировался новый психовид человека-гражданина, способного ценить и защищать свое достоинство и независимость. Говоря о современности, Л. де Мозе анализирует психологическую ситуацию, сложившуюся в странах Восточной и Западной Европы, последствия господства коммунистического строя в этих государствах. Рассматривая изменения в системе воспитания детей, повлекшие за собой политические реформы и демократизацию, он оптимистически смотрит в будущее Восточной Европы, утверждая, что войны и массовое насилие станут невозможными при воспитании детей в духе свободы и сотрудничества, а не подчинения¹⁰.

В историографии психоистории заметный след оставили 1970-е годы. Тогда появился ряд исследований, авторы которых попытались совместить направления life- и group-history. Наиболее значительные среди них — работы П. Левенберга «Психоисторические источники нацистской молодежи», М. Гудиша «Детство и юношество святых XIII в.», Дж. Демоса «Перспективы развития истории детства».

Определенное влияние на расширение круга психоисторических проблем оказали работы французского историка и социолога Филиппа Ариеса. Его книга «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» (XVI—XVII вв.) дала толчок новому направлению в психоисторических исследованиях, т. н. Childhood History («детская история») или Family

History («семейная история»). Эти исследования поколебали концепцию Э. Эриксона об универсальности психологических стадий индивидуального развития, но тем не менее тезис об универсальности не снят. Хотя большинство психоисториков и допускает возможность иной последовательности в стадиях развития личности, все же ранний детский опыт считается превалирующей детерминантой психологического склада личности (Дж. Демос, Д. Хант, К. Кенистон, Л. Коллинз и др.)¹¹.

Иные концепции развития человеческой психики отличаются от фрейдовской. Если Э. Фрейд, говоря о движущих силах Id, подразумевал личное бессознательное каждого отдельного индивида, то его современник К. Г. Юнг выделял коллективное бессознательное, накапливаемое человечеством в процессе исторического развития. Строго говоря, оно является ничем иным, как «возможностью...», которая передается нам по наследству с древнейших времен посредством определенной формы мнемических образов (или структуры мозга). Коллективное бессознательное состоит из связанных между собой элементарных образов, или архетипов, являющихся обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений¹². Под воздействием кризисной ситуации, личной или социальной, просходит соответствующее ситуации бессознательное оживление архетипа. Именно этим обусловлено существование вечных образов и тем в мировой литературе и искусстве.

Одной из задач психоистории сторонники К. Юнга (Ф. Маунт, Р. Уелдер, Дж. Крен, Л. Раппопорт) считают исследование «психики масс», «вытесненное бессознательное» которых придает их выступлениям импульсивный характер. Эгоистические и агрессивные инстинкты человеческой природы, как полагают эти психоисторики, не вечны. Подавляемые политическими и моральными ограничениями, а потому находящиеся до поры до времени в стадии инактивного влечения, они высвобождаются в периоды революций. Революции, таким образом, представляются как проявление «раскрепощенного инстинкта, присущего психологии масс, инстинкта, который не проявляется в других ситуациях» и носит деструктивный характер¹³. Это так называемые стихийные революции.

Планируемые революции выдвигают лидера определенного психологического типа — носителя харизмы, умеющего подчинить и повести за собой массы, способного сыграть исключительную роль в историческом процессе. Взаимоотношения такого лидера с коллективом определяются «комплексом Каспара-Хаузера», возникающим у подростка, лишенного родительской ласки и нежности. Возникшее в детстве обостренное чувство отверженности, одиночества и скрытности сохраняется у него на всю жизнь. И хотя такая личность лишена склонности к социабельности и коммуникабельности, она может обладать инфантильно-сексуальной склонностью причинять боль в двух формах: садизма и мазохизма, когда мучитель испытывает удовлетворение от терзания своих жертв или собственных мучений.

Изучение природы и механизма возникновения садизма и мазохизма привело психоисториков к созданию концепции «авторитарной личности»: все люди изначально стремятся к безропотному подчинению авторитету и лишь у немногих из них с детства проявляется стремление к авторитарной власти. Они используют этот «узурпаторский», по терминологии Э. Фромма, комплекс, неиссякаемую волю и одержимость манией власти, чтобы унижить и поработить человека. Эта страсть сильнее всего проявляется у харизматических лидеров шизофренического типа¹⁴.

Психоаналитические исследования влияния личностных особенностей вождей на исторический процесс завоевали на Западе особую популярность. В 1990-е годы вышел ряд психобиографий, в которых предпринимаются попытки объяснить глобальные процессы (формирование наций, массовые волнения, историю ментальностей) с позиций психоанализа их лидеров (Т. А. Кохут «Вильгельм II и немцы: изучение лидерства», Е. Х. Швааб «Сознание Гитлера: падение в безумие», Д. Джделет «Безумие и социальная репрезентация»).

В науку о революциях — революциологию — значительный вклад внесли американские психоисторики Б. Мэзлиш и Р. Лифтон. Так, Б. Мэзлиш, рассматривая эволюцию политических типов революционности, причисляет современные революции к так называемому модернизаторскому типу: процессу, в котором бессознательное желание свободы, подавляемое традиционным обществом, в силу ряда причин активизируется и ведет к утверждению преимущественной ценности автономии над структурой авторитета¹⁵.

Психоисторическая революциология тесно связана с изучением природы войн. Ее основой психоисторики считают накопление энергии «коллективного бессознательного» и обострение природного инстинкта жестокости человека в периоды социальных стрессов. Такого типа эмоциональный фактор доминирует в объяснении причин прихода к власти нацистов в знаменитой работе Э. Фромма «Escape from Freedom» («Бегство от свободы»). Именно воздействием этого фактора объясняется переход мелкой буржуазии на сторону фашистов¹⁶.

XX столетие, давшее миру поучительные примеры возникновения и функционирования жесточайших диктатур, сделало актуальным изучение проблем их генезиса и эволюции. Психологическому исследованию этого феномена стали уделять внимание и наши соседи. Так, российский историк В. М. Кайтуков определил стратификацию социума в соответствии с основными и неизменными во времени психотипами. Исходя из того, что социум состоит из разнообразных, но послонно сходных в своих превалирующих доминантах индивидов, исследователь выделил в нем семь основных неизменных структур: иерархи диктата, его проводники, сопутствующие слои диктата, негативно-пассионарные слои (т. е. люмпены, преступники, с чертами гипертрофированного развития Id при чрезвычайно слабом контроле Super-Ego), производители, внедиктатные слои творцов и мыслителей, контрдиктатные инфраструктурные конгломераты (творцы, генерирующие идеи цивилизационного масштаба)¹⁷. Данная классификация основана на пассионарности каждого психотипа, т. е. органичной совокупности психофизиологических характеристик личности, определяющей ее социальную активность и влияние на окружающих и характер конкретных событий.

Психоисторические исследования объективно сталкиваются с проблемами эволюционной биологии. Неслучайно поэтому в периодическом издании Американской ассоциации историков «Журнале междисциплинарной истории» в 90-е годы развернулась дискуссия по проблеме совмещения изысканий эволюционной биологии и психоисторических исследований. В этом плане вызывают интерес исследования по выявлению на историческом материале генетических механизмов человеческого поведения¹⁸.

Исследуя основные черты психологического облика людей, живущих в бывших социалистических странах, психологи Дж. Б. Вайнхолд (США) и В. М. Бондаровская (Украина) говорят об особой «советской психологической модели», отличающейся от западной своими культурными компонентами (например, воспитанием детей, морально-этическими нормами, ориентацией на будущее, мотивацией деятельности и др.). Господство тоталитарной системы в социалистических странах, по их мнению, привело к тому, что в системе ценностей ведущее место занял коллективизм, а не индивидуализм. Результатом этого стала потеря личностной идентичности, подмена ее социальной, коллективной ориентацией. Поэтому после крушения социалистической системы общество оказалось психологически уязвимым для негативных влияний, не готовым к новым экономическим отношениям, предполагающим индивидуальную ответственность и свободу выбора¹⁹.

В связи с этим созданный в 1991 г. Международный Гуманитарный Центр (ИНС) на очередной своей конференции предложил специальную программу, направленную на психологическую поддержку народов Центральной и Восточной Европы.

Успешное применение психоаналитического метода открыло новые

возможности исторической науки. Их реализация будет способствовать удовлетворению значительно возросшего интереса человека к самопознанию. Обостряется необходимость познания альтернативности исторического развития, множественности его детерминантов, в т. ч. и биопсихологических.

Становится очевидным, что подлинная задача историка заключается не в том, чтобы ломать копья по поводу доминирования той или иной закономерности, а в том, чтобы обнаружить «общие законы человеческого поведения, которые могут помочь человеческим существам делать рациональный выбор среди альтернатив, чтобы наилучшим образом достичь желаемых результатов»²⁰.

Изучение и использование опыта психоисториков поможет открыть новые страницы в истории Беларуси. Так, психоисторическое исследование черт детства, воспитания и взросления, проблем лидерства и насилия в белорусской истории, выявление качеств Protean Man, корреляции между психосоциальной идентичностью и национальным самосознанием имеет важное значение для исследования проблем зарождения национальной интеллигенции, утверждения народного менталитета, становления и развития белорусской нации.

¹ Фрейд З. «Я» и «Оно». Кн. 1. Тбилиси, 1992. С. 372.

² См.: Mazlish В. // Varieties of Psychohistory. New York., 1976. P. 18.

³ См.: Белявский И. Г., Шкуратов В. А. Проблемы исторической психологии. Ростов-на-Дону, 1982. С. 201.

⁴ См.: Анцыферова Л. И. // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 223.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Erikson E. II. // Varieties of Psychohistory. New York, 1976. P. 99.

⁷ Белявский И. Г., Шкуратов В. А. Указ. соч. С. 82.

⁸ Lifton R. I. // The Psychoanalytic Interpretation of History. New York; London, 1971. P. 33.

⁹ Mauser L. de. // Varieties of Psychohistory. New York, 1976. P. 36.

¹⁰ Mauser L. de. // The Journal of Psychohistory. 1990, N 17 (4).

¹¹ Demos I. // Varieties of Psychohistory. P.180.

¹² Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 57.

¹³ Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Белявский И. Г. Американская буржуазная «психоистория». Томск, 1985. С. 122.

¹⁴ Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977. С. 122.

¹⁵ Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Белявский И. Г. Указ. соч. С. 153.

¹⁶ Мэнюэл Ф. Е. // Философия и методология истории. М., 1977. С. 287.

¹⁷ Кайтук В. М. Эволюция диктата. М., 1993. С. 11.

¹⁸ Guha S. // Journal of Interdisciplinary History. 1993. V. XXIII. N 4.

¹⁹ Weinhold J. B., Bondarova V. M. The Psychological Effects of Communism on The People of Central and Eastern Europe. International Humanitarian Center. 1995.

²⁰ Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986. С. 74.

В. Дз. ГАРШКАВОЗ, А. І. ЛОЙКА

ДЫНАМІКА ЦЫВІЛІЗАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ: РАЦЫЯНАЛІЗАЦЫЯ ГРАМАДСТВА І ДУХОУНАСЦЬ

XX стагоддзе называюць часам папавання тэхнікі, тэхнічнай рацыянальнасці, нігілістычнага стаўлення чалавека да цывілізацыйных праяў мінулага, прадстаўленых у формах традыцыйнай культуры. Адмаўленне ад духоўнасці, радыкальны перагляд усёй сістэмы каштоўнасцей праявілася і ў філасофскай рэфлексіі.

Адной з важнейшых перадумоў філасофскага даследавання любога феномена з'яўляецца яго катэгорыяльнае значэнне. Але што тычыцца даследавання праблем рацыянальнасці і духоўнасці, то ні адзін з разглядаемых феноменаў не мае дакладнага катэгорыяльнага значэння.

Адносна рацыянальнасці прынята меркаванне, згодна з якім разумовае значэнне рацыянальнасці павінна рабіцца ў межах той тэорыі, дзе гэта папярэдне выкарыстоўваецца. На нашу думку, рацыянальнасць як стан свядомасці чалавека асацыіруецца ў першую чаргу са здольнасцю абстрактнага мыслення (мовай паняццяў), логікай пабудовы ведаў, вывадамі, заснаванымі на пэўных высновах (прынцыпах, аксіёмах). Патрэба рацыянальнага мыслення вызначылася ў антычнай культуры пад уплывам актыўна дзейных адносін чалавека да наваколля. У межах гэтых адносін стала актуальнай неабходнасць калькуляцыі (вялікая колькасць падлікаў, пабудова тэорыі), асэнсавання становішча чалавека адносна свету (суб'ект-аб'ектнае ўзаемадзеянне). Вынікам рацыянальнай актыўнасці старажытных грэкаў стала натурфіласофія, у якой знайшлі месца геаметрыя і астраномія, логіка і метафізіка. Крызіс антычнай культуры прывёў да таго, што еўрапейцамі была вызначана даволі адметная лінія паміж рацыянальнасцю і духоўнасцю. На мове філасофіі яе адлюстравалі Тэртуліян, які сцвярджаў: «вобласці веры (з якой асацыіравалася духоўнасць) належыць усё тое, што з пункту гледжання розуму паўстае як абсурд («верую, таму што абсурдна»). Паколькі сфера розуму абмяжоўвалася, то сярэднявечны еўрапеец больш стаў удзяляць увагі рэлігійнай духоўнасці, якая з цягам часу набыла статус ідэалогіі і заняла дамінуючае месца ў грамадскай свядомасці.

Развіццё тэхнікі, механічных прыстасаванняў выклікала новы настрой заходнееўрапейцаў адносна свету і прывяло да таго, што з каштоўнасцямі гуманізму, дзейнасці сталі спалучацца каштоўнасці рацыянальнага пазнання, паводзін чалавека. У натурфіласофіі яны былі адлюстраваны гнасэалогіяй і этыкай. Важным стымулам рацыяналізацыі з'явілася прамысловая рэвалюцыя і народжаныя ёй новы тып эканомікі, асабліва дзяржавы, навукі, свядомасці. Ідэалагічнае абгрунтаванне гэтай рацыяналістычнасць атрымала ў механіцызме. Найбольш поўна гэта ідэалогія прапагандавалася англійскай, французскай філасофскімі традыцыямі. Позірк на навакольны свет і чалавека як на механізм пазбаўляў іх таямнічасці, духоўна-культывага стаўлення да іх. Таму машынная (механістычная) рацыянальнасць садзейнічала ўмацаванню

атэізму як выключна прагматычнага стаўлення да ўсяго, што акружае чалавека.

Машынна-тэхнічны тып рацыянальнага мыслення ўсё больш набываў форму выканаўчага сродка. Ён канцэнтраван у увагу чалавека не на аб'ектыўным асэнсаванні свету, а на ідэі панавання над прыродай для задавальнення матэрыяльных патрэб. Паколькі тэхнічны прагрэс усё больш паскараўся, то відавочна ўзрастала роля тэхнікі як дзейснага фактару развіцця грамадства. У ХХ ст. гэтыя абставіны ўдала адлюстравалі канцэпцыя тэхнакратыі (Т. Вэблен і інш.) і шматлікія тэорыі індустрыяльнага і постіндустрыяльнага грамадстваў. Усе гэтыя тэорыі адзначаліся сацыялагічным падыходам да грамадскіх праблем, калі ў межах сістэмнага падыходу рэалізоўвалася ўстаноўка на раскрыццё вядучай ролі аднаго з фактараў. Аднак чыста тэхнічны акцэнт аказаўся хаця і выніковым, але не дастатковым для разгляду грамадскіх праблем, таму што даследаванне грамадства патрабуе ўлічваць не толькі ўласна тэхнічны фактар, але і духоўны, звязаны з асаблівай роляй у жыццядзейнасці чалавека культуры і веры¹.

Філасофскае асэнсаванне праблем тэхнічнага прагрэсу перажыло таксама пэўную эвалюцыю, у першую чаргу змяненні тычацца стаўлення да феномену рацыянальнасці. На думку М. Хайдэгера, філасофія павінна зыходзіць з таго, што тэхніка стымулявала асобы тып рацыянальнага мыслення, які называсца калькулюючым, інструментальным, некрытычным. Паколькі тэхніка не мае дакладнага этычнага вымярэння (быцьцё, скажам, добрай ці злой), а залежыць ад чалавека, то пасіўнае, нейтральнае стаўленне да яе пагражае грамадству непрадказальным хаосам. Таму, на думку мысліцеля, важна фарміраваць у сучаснага чалавека культуру асэнсавання, роздуму, крытычнасці, што спрыяе прапінкненню ў сутнасць тэхнікі. На шляху свядомага стаўлення да грамадскіх праблем можа ўзнікнуць цяжкасць, звязаная з жаданнем бачыць у тэхніцы аб'ектыўны фактар, што не паддаецца кантролю чалавека. Тады, як сцвярджаюць прыхільнікі тэхналагічнага дэтэрмінізму, чалавеку застаецца толькі спадзявацца на тое, што тэхніка сама вырашыць усе ягоныя праблемы. Аднак большасць сацыёлагаў і філосафаў лічыць, што праблемы, звязаныя з тэхнізацыяй грамадства, павінны вырашацца самім чалавекам.

Нямецкі сацыёлаг Ю. Хабэрмас разглядае грамадства як трохузроўневую сістэму, што складаецца са сфер працы, бюракратычнага дзяржаўнага рэгулявання, грамадскасці. Найбольшую ролю Ю. Хабэрмас адводзіць грамадскасці, паколькі ў гэтай сферы яна рэалізуе асноўныя культурныя і духоўныя каштоўнасці, нормы, традыцыі. Тэхнічная рацыянальнасць займае манопольнае становішча ў сферах працы і дзяржаўнага кіравання. Калі паміж гэтымі сферамі і грамадскасцю не правесці дэмаркацыі, то тэхнічная рацыянальнасць можа падпарадкаваць сабе і грамадскасць. Выйсце сацыёлаг бачыць у актывізацыі сферы чалавечай камунікацыі, жыццёвай прасторы, сутнасць якой вызначае дыкурс (этыка-экзістэнцыяльны і маральна-практычны). Найбольш універсальным з'яўляецца маральна-практычны дыкурс, паколькі ў яго ўцягнуты ўсе людзі. Як лічыць вучоны, дыкурс надае функцыянальны сэнс многім формам духоўнасці, вызначае іх практычны сэнс. На яго думку, «пад уплывам рухлівых (дзякуючы дыкурсу) традыцый і самастойна выпрацаваных нормаў фарміруецца кіруемая прынцыпамі маральная свядомасць, якая мяняе і ўзор сацыялізацыі»².

Такім чынам, далейшас існаванне грамадства ва ўмовах пастаяннай яго тэхнізацыі бачыцца Б. Хабэрмасу ў развіцці фактараў, здольных нейтралізаваць негатыўны ўплыў тэхнічнай рацыянальнасці на свядомасць. Фактычна ставіцца пытанне аб магчымасцях удзелу чалавека ў працэсах станаўлення новых форм духоўнасці.

Праблема выпрацоўкі нетрадыцыйных форм (нерэлігійных, чалавечых) духоўнасці пачала абмяркоўвацца філосафамі ў другой палове ХІХ ст. Крыніцай для такіх пошукаў зрабілася класічная філасофская традыцыя і экзістэнцыяльна-культуралагічны напрамак.

Класічны дыкурс будзецца на парадыгмальным успрыняцці рэчаіснасці і асобы ў апазіцыях: прырода — дух, культура — цывілізацыя, свядомасць — быццё, мысленне — дзеянне, рацыянальнасць — ду-

хоўнасць. Чалавек разглядаецца як асоба, здольная энтэлехію душы пераўтварыць у лагарыфмы свядомасці і дзейнасці. У наяўнасці ўнутранага святла або душы, якая атаясамліваецца са свядомасцю, быццам нішто не сумняваецца. Гэты накірунак ва ўспрыняцці духоўнасці яскрава выявіла філасофская сістэма Гегеля. У першай палове XIX ст. яна рабіла адчувальны ўплыў на светапогляды інтэлігенцыі ўсіх еўрапейскіх краін. У гэты час асэнсаванне духоўнасці было звязана з грамадскай дзейнасцю асобы, у якой апошняя ўвасабляла і атаясамлівала свае ўласныя інтарэсы з дзяржаўнымі. Гегелеўскія разважанні сталі падмуркам гэтым уяўленням. Так, у трактаце «Філасофія духа» нямецкі мысліцель пісаў: «Пазнай самога сябе» — гэта абсалютны завет ні сам па сябе, ні там, дзе ён быў выкарыстаны гістарычна, не мае значэння толькі такой самасвядомасці, якая накіроўвалася б на асобныя здольнасці, характар, схільнасці і слабасці індывідуума, але яна уяўляе сабой пазнанне сапраўднага ў чалавеку, сапраўднага ў сябе і дзеля сябе, — гэта ёсць пазнанне самой сутнасці як духа!..

Разгляд духу толькі тады з'яўляецца менавіта філасофскім, калі яго паняцце пазнаецца ў яго жывым развіцці і здзяйсненні, гэта значыць, іменна тады, калі дух разумеецца як адбітак адлюстравання адвечнай ідэі³. Гегелеўскія катэгорыі суб'ектыўнага, аб'ектыўнага і абсалютнага духу рацыянальна замыкаюць далягляд пазнання ў нейкія канчатковыя формы, якія здольны ў сваім спекулятыўным (трансцэндэнтным) вырашэнні к бясконцаму вольнаму разлічэнню і развіццю. У гегелеўскім сістэматычным дыскурсе асоба разглядаецца так, як і рэчаіснасць — здольнай да самаўдасканалення шляхам спасціжэння субстанцыі абсалютнага духу. Акрамя таго, на гэтым абсалютным вышэйшым рубяжы асоба і рэчаіснасць адзіныя. Такім чынам, дыкурс Гегеля прадставіў сутнасць чалавека ў аб'ект-суб'ектным аспекце. Тэндэнцыі руху да дасканалыга чалавека-бога ўбачаны ў з'яве, якую і вызначылі як духоўнасць. Новы погляд на чалавека як непаўторную індывідуальнасць, якая складаецца з сумы грамадскай і асабовай мэтанакіраванай дзейнасці, уяўляе сабой дэфініцыю духоўнасці першай паловы XIX ст. Гегель прызнае трансцэндэнтальнае (спекулятыўнае) пераўтварэнне абсалютнага духу і выдзяляе залежнасць індывідуума ад рэчаіснасці, канкрэтызаванай ім як соц്യум. Працэс духоўнага ўдасканалення мысліцель бачыць у выглядзе глабальнага змянення чалавека і рэчаіснасці. Чалавек вырастае да маштабаў свету, свет становіцца роўным яму.

У глабальнай гегелеўскай сістэме згубіўся канкрэтны чалавек, паколькі ён быў толькі пераходнай ступенню да будучай вялікай асобы і грамадства. Чалавеку, з яго «сапраўды чалавечым», не засталася месца. Рэабілітацыя канкрэтнага «маленькага чалавека» пачалася ў культуры першай паловы XIX ст. праз вяртанне да пэўных рэлігійных прыкладаў і ўзораў. Заснавальнік «натуральнай школы» ў рускай літаратуры М. В. Гогаль прайшоў шлях ад ідэйнага крытыка да веруючага пісьменніка. В. Г. Бялінскі марыць аб духоўнай асобе, бачыць яе нараджэнне ў межах духоўнасці, але не шкадуе дзеля дасягнення абсалюту гібелі некалькіх дзесяткаў звычайных людзей. З'яўленне такой асобы, па-першае, павінна адбыцца ў станаўленні нейкіх глыбокіх ўнутраных пачуццяў. Бялінскі піша: «Што састаўляе ў чалавеку яго вышэйшую і высакароднейшую рэчаіснасць? — Безумоўна, тое, што мы называем духоўнасцю, гэта значыць пачуцці, розум, воля, у якіх адбываецца яго адвечная, сталая, неабходная існасць. А тады навошта ж бы вам рыдаць у адца над трупам любімай вам істоты? — Дык з ёю ж не памерла тое, што было ў ёй лепшага, высакароднейшага, што назвалі вы ў ёй духоўным і маральным, а памерла толькі бруднае, матэрыяльнае, выпадковае? Але што ж гэта за асоба, якая дае рэальнасць і пачуццям, і розуму, і волі, і генію, і без якой усё ёсць або фантастычная мара, або лагічная адцягненасць? Я шмат магу гаварыць вам аб гэтым, чытачы, але... чым жвавей сузіраю ўнутры сябе сутнасць асобы, тым менш умею акрэсліць яе словамі»⁴.

С. Кьеркегор дапускае змяненні чалавечай душы толькі на шляху да бога. У кьеркегораўскім паняцці духоўнасць ёсць парадаксальнае існаванне чалавека, калі апошні не шукае падстаў сваіх дзеянняў па-за сабой. Больш за ўсё парадаксальнасць гэтага існавання ажыццяўляецца ў

хрысціянскай веры. Менавіта ў ёй чалавек адмаўляецца ад сябе ранейшага, каб нарадзіцца зноў, «у новым духоўным целе».

Для Дастаеўскага духоўнасць — гэта здольнасць унутры сябе ўразумець грэх за зробленае. Гэта пакаянне. Фёдар Міхайлавіч лічыць здольнасць да пакаяння асаблівасцю славянскай душы.

Розныя падыходы да праблемы духоўнага ў XIX ст. патрабавалі больш канцэптуальнага яе адлюстравання. Тым болей, што ў XX ст. заклапочанасць станам духоўнасці грамадства абвастрылася. Для адных аўтараў становішча нагадвае востры крызіс. Для другіх больш важным з'яўляецца не столькі канстатаваць факт, колькі акрэсліць значэнне слова «духоўнасць». Так, У. І. Ксенафонтаў лічыць, што ў гэтым паняцці адлюстравана здольнасць чалавека да рэфлексіі, самапазнання, крытычнага самааналізу: духоўнага самавыхавання, самаўдасканалення, «працы душы»⁵. І. В. Сілуянава выдзяляе ў «духоўнага» чалавека здольнасці свядома кіраваць сабой і сваімі паводзінамі, асэнсавана рэгуляваць сваю дзейнасць з мэтай дасягнення максімальнай незалежнасці ад матэрыяльных умоў рэчаіснасці⁶. Яўна рацыянальны аспект духоўнага ў прыведзеных азначэннях не супрацьпастаўляецца актыўнасці чалавека, маючай нерацыянальныя праявы. Так, В. Г. Фядотава лічыць, што рацыянальны і нерацыянальны кампаненты духоўнага можна больш поўна адлюстраваць, калі выкарыстоўваць такія катэгарыяльныя азначэнні, як «духоўнае» і «душэўнае». «Духоўнае» азначаецца ёй як каштоўнасць змест свядомасці. А «душэўнае» — гэта такая праява духоўнага, калі каштоўнасці паўстаюць і набываюць сэнс у выглядзе перажыванняў, заўсёды дадзеных непасрэдна як пачуцці⁷.

Даследчыца вылучае тры тыпы духоўнасці: «эстэтызм» (пераважае драматычнае перажыванне, якое суправаджае дзейнасць, звязаную з пераадоленнем антыномій, пастаўленых жыццём... арыентацыя на эстэтычныя каштоўнасці); «тэарэтызм» (пераважае арыентацыя на тэарэтычныя аргументы ў адносінах да жыцця і тэарэтычны ўзровень навукі); этызм (этыка — рэлігійная духоўнасць).

Калі зыходзіць з прыведзенай тыпалогіі духоўнасці, то працэсы рацыяналізацыі грамадства, выкліканыя тэхнічнымі зменамі (НТР), можна разглядаць як такія, што складаюць сутнасць тэарэтызму, і з гэтай пазіцыі тэзіс аб бездухоўнасці чалавека канца XX ст. здаецца неабгрунтаваным. Хутчэй адбываюцца сур'ёзныя трансфармацыі ў структурах духоўнасці. Яны звязаны з жаданнем людзей захаваць традыцыйны вобраз рэлігійнай духоўнасці (што асабліва характэрна для Расіі); выпрацаваць метадыку рацыянальнага даследавання таго, што з'яўляецца аб'ектам веры.

Трансфармацыя духоўнасці ва ўмовах XX ст. магчыма, на думку многіх мысліцеляў, толькі пры ўмове вырашэння праблемы, звязанай з адносінамі рацыянальнага і ірацыянальнага. На думку іншых — пры ўмове пераадолення негатыўных праяў калькулюючай рацыянальнасці (механічнай). Яе яшчэ называюць тэхнічнай і звязваюць з тэхнічным прагрэсам. Відавочна, што чалавецтва ў канцы XX ст. перажывае значныя цяжкасці (экалагічныя, эканамічныя). Таму многія аўтары вылучаюць праекты ўздзеяння на светапогляд, духоўны стан чалавека. На нашу думку рэальнасць гэтых праектаў залежыць ад таго, наколькі будзе ўспрынята іх аўтарамі меркаванне, што духоўнасць праходзіць вельмі важны этап мадэрнізацыі сваіх высноў. Такі прагрэс назіраецца і ў механізмах рацыянальнага мыслення. Спалучэнне абедзвюх мадэрнізацый можа даць добры вынік, у першую чаргу, у метадычным плане. Таму навуковым праектам павінна папярэднічаць глыбокае філасофскае і культуралагічнае даследаванне працэсаў духоўнасці і рацыяналізацыі свядомасці.

¹ Гл.: Вейл Д. Die kulturellen Widersprüche des Kapitalismus. Frankfurt am Main; New York, 1991. S.9.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992. С. 89.

³ Гегель Г. Ф. Соч. М., 1956. Т. 3. С. 25.

⁴ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. М., 1955. С. 25—28.

⁵ Гл.: Ксенофонтов В. И. // Философские науки. 1991. № 12. С. 52.

⁶ Гл.: Силуянова И. В. // Философские науки. 1990. № 12. С. 100—101.

⁷ Гл.: Федотова В. Г. Практическое и духовное освоение действительности. М., 1991. С. 108.

МОДЕЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КОНЦА XX В.

Поиск западной философией новых путей развития привел в последней трети столетия к существенным проблемно-ценностным смещениям, которые не вписываются в привычные представления о современной философии, восходящие к парадигматической работе М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева и В. С. Швырева. Специфика современной философии определяется, по мнению авторов, двойственностью отношения к философской классике: преодолев свойственную последней наивную веру в тождество бытия и мышления, современная философия сохранила основополагающую для классики концепцию абсолютного самосознания: усматривая свою миссию в критическом разоблачении «мнимостей» (неподлинности экзистенциального опыта, квазиосмысленных научных положений, идеологических рационализаций), она тем самым неявно допускала существование некоего правильного, незамутненного взгляда на мир — взгляда самого критика¹.

Именно эта инстанция беспредпосылочного критического сознания дезавуируется философией последних двух-трех десятилетий. «...Эпистемологический и моральный субъект был определенно децентрирован, а концепция разума, связанная с ним, необратимо развенчана (*desublimated*). Субъективность и интенциональность не являются первичными, а представляют собой функцию форм жизни и систем языка; они не «конституируют» мир, а сами являются элементами мира, раскрытого в языке»². Поза критического субъекта, принимаемая философствующим, скомпрометировала и изжила себя — таков один из основных мотивов недавних шумных дискуссий о постмодернизме³. По сути дела, происходит преодоление того типа философской рациональности, основы которого были заложены Декартом и который базируется на модели транспарентного индивидуального сознания.

Систематический анализ этой радикальной трансформации крайне важен для самоопределения отечественной философии и, как представляется, может помочь преодолению нашего нынешнего философского бездорожья. Происходящие в западной философии перемены уже получили отражение в литературе⁴, однако основное внимание исследователи обратили прежде всего на постструктуралистские концепции, упраздняющие философскую рациональность как таковую на путях литературизации философского дискурса. Однако при этом практически неучтенными остаются некоторые концептуально развитые и весьма влиятельные в западной философии подходы, в рамках которых предпринимаются эффективные попытки трансформировать философскую рациональность, сообразуя ее с реалиями наличной культурно-исторической ситуации.

В частности, имеются в виду трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Различные по истокам и конкретному содержанию, эти концепции когерентны в своей принципиальной направленности на разработку парадигмы коммуникативной рациональности в философии. Свою задачу автор статьи видит в том, чтобы на основе рассмотрения позиций Апеля и Хабермаса способствовать прояснению контуров формирующегося нового типа философской рациональности; при этом выделяются следующие аспекты анализа: 1) трансформация проблемного поля философии; 2) модификация самоопределения позиции философствования; 3) этические аспекты приверженности рационализму.

1. Философская рефлексия смещается с объектов репрезентации и эгологической субъективности на процессы опосредованной языком межсубъектной коммуникации: «Фокус исследования переместился от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигматично не отношение частного субъекта к чему-либо в объективном мире, что можно представить и с чем можно манипулировать, а межличностное отношение, в которое вступают способные к общению и действию субъекты, если они друг с другом о чем-то изъясняются»⁵.

Такое смещение предполагает преодоление модели сознания как основополагающей для прежнего типа рационального понимания, что достигается посредством усвоения парадигмы «лингвистического поворота». Именно язык оказывается той реальностью, которая, выступая в роли посредника между мышлением и миром, обнаруживает свою самозаконность и непрозрачность для индивидуального сознания, а углубление исследовательского анализа в эту затемненную область введет к снятию оппозиции объектов репрезентации и индивидуального сознания — последние утрачивают свою самостоятельность и оказываются эпифеноменами работы языка.

Причем постепенное перемещение философской рефлексии на процессы языковой коммуникации было осуществлено уже в ходе эволюции аналитической философии в парадигме «лингвистического поворота». Философия науки логического позитивизма, абсолютизовавшая репрезентативную функцию языка, еще неявно отсылала к модели сознания. Ее последовательное преодоление стало возможным благодаря «прагматизации» аналитической философии. Куайн, подвергший критике «догму эмпиризма» и предложивший взамен редуکتивного обоснования теоретических положений обоснование через анализ прагматической эффективности системы знания, способствовал расширению проблемного поля аналитической философии. Перестав быть исключительно философией науки, она сохраняет свое единство прежде всего как единство стиля, характеризующегося аналитизмом, обязательностью рационального обоснования принятия того или иного тезиса⁶.

Непосредственными предшественниками подходов Апеля и Хабермаса, рассмотренных в контексте эволюции аналитической философии, были концепция языковых игр позднего Виттгенштейна и теория речевых актов Остина-Серля: обоснование трактовки языкового значения как определяемого контекстом употребления позволило распрощаться с абсолютизацией репрезентативной функции языка, а понимание языка как действия открывало дорогу анализу опосредованных языком форм социального взаимодействия. «На место модели, в соответствии с которой язык предназначен для отображения чего-то, приходит модель, в соответствии с которой язык создан прежде всего для достижения согласия (*Verständigung*) относительно чего-то»⁷.

В роли субъекта речевого поведения утверждается социализированный индивид, обладающий «коммуникативной компетенцией» (Хабермас). Соответственно Апелем и Хабермасом подчеркивается неявное социальное измерение речевого акта: его иллюкутивная часть не только устанавливает смысл употребления пропозициональной части, но и означает совершение хода в языковой игре, который для всех партнеров определяет диапазон возможных реакций. Перформативные предложения принадлежат к коммуникативной функции языка — именно ими делается возможной и реально организуется кооперация в речевой деятельности; функция репрезентации обнаруживает свою зависимость от коммуникативной функции языка⁸.

Целостность квазиинституциональной языковой игры обеспечивается парадигматической для нее эпистемической очевидностью, к которой апеллируют все ее участники; эта очевидность внутри коммуникативного сообщества фактически выступает критерием истины по отношению к любым частным притязаниям на значимость⁹. Причем это эвиденциальное содержание имманентно языковой игре, его источником не может быть картезианское долингвистическое сознание — последнее не в состоянии обосновать интерсубъективную значимость очевидности, необходимую для конституирования коммуникативного сообщества.

Осуществление коммуникации предполагает понимание действий партнерами; в связи с этим признается значение герменевтики Гадамера, показавшей, что понимание — не только ключевой метод гуманитарных наук, но, прежде всего, — необходимый момент любого применения разума. Однако от гадамеровского историцизма рассматриваемый подход отличается тем, что речь идет не просто о понимании иного, а о достижении рационального согласия¹⁰.

Консенсус — центральный момент парадигмы коммуникативной рациональности. В качестве области рационального (и соответственно —

поля философской рефлексии) выступает не мировое бытие (как в классической философии) и не логическая организация научного знания (как в неопозитивистской — неклассической — философии науки), а процессы достижения обоснованного согласия в коммуникативных сообществах.

Рациональный консенсус обеспечивается дискурсом. Понятие дискурса (одно из опорных в философии 70—90-х гг.) обладает продуктивной размытостью значения и едва ли допускает однозначное определение; в самом общем плане оно обозначает относительно крупные единицы связной речи, рассматриваемые в экстралингвистическом контексте. Понятие дискурса позволяет, оставаясь в парадигме «лингвистического поворота», тематизировать уже не язык как таковой, а разнообразные формы социальных практик, опосредованных языком.

В рамках рассматриваемого подхода дискурс предстает, во-первых, как рациональная процедура аргументации, позволяющая посредством апелляции к парадигматической для данного коммуникативного сообщества очевидности достигнуть обоснованного и публично признанного согласия в отношении любых частных (исходящих от партнеров по коммуникации) притязаний на значимость. Во-вторых, подчеркивается креативность дискурса: консенсус не находится, а производится в процессе активного взаимного согласования позиций. Рациональность консенсуса, обретаемого в коммуникативном дискурсе, является событийной, а не онтологической или логической — она не предполагается заранее и ничем не гарантирована.

2. Пафос разоблачения и радикальной критики, возможный благодаря суверенной позиции внеаходимости самого философствующего, сменяется позицией (со)участия и имманентной критики.

Возможность преодоления модели философской рефлексии как критики извне открывается благодаря деятельностной трактовке языка: речевой акт включает более или менее эксплицитное понимание его самим субъектом. «Речевые действия интерпретируют сами себя; в их структуру входит отношение к самим себе»¹¹. В силу изначальной рефлексивности речевого акта язык оказывается не только необходимым медиумом коммуникации, но и потенциальной темой анализа. Эта возможность и реализуется философией, при этом сама философская рефлексия (как особая языковая игра) имманентна тем коммуникативным процессам, которые являются темой ее анализа.

Иначе говоря: притязание на значимость, которое мы выдвигаем в повседневном речевом общении, отсылает к чему-то, выходящему за пределы случайного контекста коммуникации. Значимость наших взглядов, на которую мы претендуем, отличается от их ситуативной приемлемости; в структуру действия, ориентированного на достижение рационального признания, встроены элемент безусловного¹².

В связи с этим эксплицируется различие между реальным коммуникативным сообществом, к которому партнеры по коммуникации принадлежат как реальные личности, принимающие некоторые фактические предпосылки, и идеальным контрфактическим коммуникативным сообществом, в качестве представителей которого они должны быть поняты, коль скоро они серьезно относятся к самой возможности удостоверения (признания или отклонения) своих притязаний. Это идеальное коммуникативное сообщество имплицитно предполагается любой претензией на интересубъективно значимое утверждение.

Благодаря этому различию фактическая практика достижения согласия оказывается связанной с целым рядом регулятивных принципов (я должен признавать за другим(и) право на свободное вынесение оценки и критику моей позиции; отношения коммуникации должны характеризоваться правовой симметричностью; в качестве единственной законной силы в коммуникативном сообществе должна признаваться лишь сила «лучшего аргумента» и др.).

Напряжение, существующее в языковых играх между реальным и идеальным коммуникативными сообществами (любое притязание на значимость, выдвигаемое в первом, имплицитно предполагает второе, но это вовсе не значит, что реальная практика обеспечения согласия осуществляется в соответствии с нормами), указывает место, куда встра-

ивается философская рефлексия. Рациональный консенсус — это возможность, рсализация которой предполагает участие философии; она осуществляет трансцендентальную рефлексия условий возможности нормальной коммуникации, демонстрируя необходимость достижения согласия исключительно через дискурс.

Философская рефлексия трансформируется в «критику коммуникативного разума», выгодно отличающаяся от кантовского архетипа трансцендентальной философии гибким сочетанием фаллибилизма (признаются плюральность и ситуативность фактических языковых игр как тем философского анализа) с сохранением единства и безусловной нормативности разума (формальные нормы идеального коммуникативного сообщества являются необходимым условием осмысленности любой фактической аргументации).

На уровне философской рефлексии трансцендируются все частные языковые игры с имманентными им парадигматическими очевидностями, но, коль скоро и философия есть языковая игра, она также предполагает очевидность особого рода, не идентичную эвиденциям частных языковых игр. Самообоснование философии лежит, по мнению Апеля, в рефлексивном аргументе, убеждающем, что решение «за» или «против» норм идеальной коммуникации (с которыми работает философия как трансцендентальная языковая игра) само невозможно без того, чтобы эти правила уже предполагались¹³. Отрицание коммуникативных правил самопротиворечиво, ибо, претендуя на признание, оно неявно предполагает (и тем самым подтверждает) эти правила; поэтому их интересубъективная значимость является априорной очевидностью.

Итак, философия, не претендующая более на роль верховного судьи науки и культуры, сохраняет верность своему давнему призванию быть «хранителем рациональности». Реализация этой миссии канализируется (в представлении Хабермаса) в двух основных направлениях. Во-первых, философия вступает в отношения сотрудничества с гуманитарными науками; в результате философизации последних образуются «гибридные дискурсы», включающие философские идеи в контекст эмпирического анализа. Во-вторых, в связи с обособлением в эпоху модерна трех «сфер культурных ценностей» (науки и технологии, морали и права, искусства и художественной критики) и образованием соответствующих замкнутых «экспертных культур», оторванных от традиций жизненного мира, философия выполняет в культуре функцию посредника: беря на себя роль интерпретатора, «играющего» на стороне истощенного жизненного мира, она должна способствовать установлению нового баланса между разделенными моментами разума в коммуникативности повседневной жизни¹⁴.

3. Парадигма коммуникативной рациональности, разрабатываемая Апелем и Хабермасом, эксплицирует подзабытую философией XIX—XX вв. этическую подоплеку философского рационализма. Последний никак не сводится к проповеди научной объективности, еще большей нелепицей является ставшее привычным отождествление его со сциентизмом: в основе приверженности философии рациональному познанию лежит этика ответственности. У истоков европейской традиции европейского рационализма — отождествление Сократом рационального знания (*episteme*) и подлинной добродетели, и именно к ницшевской идиосинкразии в отношении этого тождества восходит постструктуралистская (постмодернистская) критика разума¹⁵.

Моделью коммуникативной рациональности выявляется этическая релевантность дискурса как особой формы коммуникативного действия, в которой может быть рационально обоснована правомерность притязаний на значимость. Центральные формы активности в дискурсе — утверждение, согласие и возражение — возможны только тогда, когда участники коммуникации выступают как свободные, ответственные, совершенно равноправные личности. Конститутивный для разума интерес истины оказывается внутренне связанным с этическим интересом: каждый, кто серьезно нацелен на получение знания, принимает на себя обязанность безусловного соблюдения норм социальной коммуникации¹⁶.

Подытоживая разговор о самообосновании философии, добавим

(вслед за Апелем): выбор против рациональных норм — не просто логическое самопротиворечие, он осуществляется через соответствующий перформативный акт; в этом смысле отказ признавать рациональную аргументацию ведет к саморазрушению человека как осмысленно действующего существа, не идентифицирующего себя с субъектом ответственности. А это значит, что смысл деятельности философии как «хранительницы рациональности» сводится к генерированию в социуме пространства тотальной ответственности, где моральная невменяемость субъекта социального действия принципиально невозможна.

- ¹ См.: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972.
² After Philosophy: End or Transformation?/Ed. by K. Bains, J. Bohman and Th. McCarthy. Cambr. (Mass); London, 1987. P. 4.
³ См.: K u s p i t D. // Postmodernism: Philosophy and the Arts. New York; London, 1990.
⁴ См.: К л и м е н к о в а Т. А. // Проблема истины в современной западной философии науки. М., 1987.
⁵ Х а б е р м а с Ю. // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. М., 1993. № 4. С. 58.
⁶ См.: Ю л и н а Н. С. // Современная аналитическая философия. М., 1988. Вып. 1. С. 17.
⁷ K u h l m a n W. // Sprachphilosophie: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. I. Halbband. Berlin; New York, 1992. S. 748.
⁸ Ibid. S. 754.
⁹ См.: А р е л К.-О. // After Philosophy. P. 262.
¹⁰ «Из перспективы участников понимание означает не эмпирическое согласие, а процесс обоюдного убеждения, который координирует действия нескольких участников на основе мотивации через основание» Х а б е р м а с Ю. // Вестн. МГУ. Сер. 7. С. 58.
¹¹ Н а б е р м а с J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt a/M., 1988. S. 65.
¹² См.: Н а б е р м а с J. // After Philosophy. P. 313.
¹³ См.: А р е л К.-О. Op. cit. P. 283.
¹⁴ См.: Н а б е р м а с J. // After Philosophy. P. 314.
¹⁵ Деконструкция, которую Деррида противопоставляет интерпретации, стремящейся к расшифровке истины, — это «ницшеанское веселье, то есть утверждение мировой игры и невинности становления, утверждение мира непогрешимых знаков, лишенных истины и истоков, открытых для активной интерпретации...» (Цит. по: В а й н ш т е й н О. В. // Мировое древо. М., 1992. № 1. С. 69—70).
¹⁶ См.: К u h l m a n W. Op. cit. S. 760.

Т. Г. РУМЯНЦЕВА

ФРИДРИХ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Даже сегодня, 150 лет спустя со дня его рождения, когда ни имя его, ни тем более он сам не представляют уже опасности для человечества в целом и большинства так называемых порядочных людей, оно по-прежнему продолжает не вписываться в классический перечень имен, чьи круглые даты регулярно отмечаются «всем прогрессивным человечеством».

Проще всего такое отношение можно было бы объяснить действительно очень противоречивым местом этого мыслителя в истории XX в. тем, что по ряду причин вокруг его имени сложился расхожий стереотип как о прародителе идеи фашизма. В самом деле, Гитлер, посетив в 1934 г. Архив Ницше, решил занести имя философа в пантеон своих героических предтеч. При этом забывают, однако, что в том же списке фигурировали имена Лютера и Гете, Бетховена и Вагнера, репутации которых не только не были испорчены, но даже никогда не подвергались сомнению.

Другой причиной, по которой имя Ницше оказалось надолго и несправедливо затабуированным в нашей отечественной литературе, я считаю обнажающую откровенность страшных истин этого мыслителя, как бы предвидевшего, чем может закончиться грандиозный эксперимент века по «измельчению человеческого рода». Провозглашенный же им идеал суверенной, автономной и свободной человеческой личности явно не вписывался в атмосферу тогдашнего тотального коллективизма, как, впрочем, и сам пафос его философии, призывающей к «переоценке всех ценностей».

Думается, что настала пора расставить некоторые акценты относительно как самого учения, так и места этого мыслителя в культурно-историческом процессе.

Ницше принято считать родоначальником философии жизни — течения, в значительной мере определившего основные черты проблематики философии XX столетия, отказавшейся от претензии на завершающее осмысление мира и поддержание мифа о единстве этого мира и разума.

В творчестве и личной судьбе Ницше глубоко запечатлелся драматизм переходной эпохи рубежа XIX—XX вв. С одной стороны, он — непосредственный преемник всей западноевропейской философской традиции, а с другой, наверное, первый декадент: даже самая ранняя работа «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) сделала его «самым непотребным философом сегодняшнего дня», как писал Ницше в письме к Матильде фон Мейзенбург. В этом произведении мыслитель продемонстрировал высшего класса филологический профессионализм, эрудицию и умение работать с классическими источниками. Однако все эти филологические достоинства его автора можно рассматривать скорее как идеальное средство, с помощью которого от истолкования классических текстов он идет к герменевтике современной ему эпохи. Внешней канвой работы становится здесь противоположность аполлонического (как оптимистически-радостного, логически-членящегося, прекрасного) и донисического (как трагически-оргастического, жизнеопьяняющего) начал, через развитие которой прослеживается вся история человечества, в том числе и тогдашней Германии. Есть в книге, однако, и второй ракурс — то, пожалуй, главное, для чего она и была написана, и то, что сам Ницше назвал затем в «Ессе Номо» «проблемой рогагой» — это проблема науки, разума, которая уже здесь, в этой ранней работе рассматривается им как опасная, подрывающая и подменяющая жизнь сила. Только искусство, которое на ранних этапах человеческой эволюции сыграло, по мысли Ницше, первостепенную по сравнению с наукой роль в жизни общества, является полнокровным воплощением и проявлением подлинной жизни, стихийным, ничем не детерминируемым, кроме воли и инстинктов художника, процессом жизнеизлияния. Отсюда и ставшая сакраментальной фраза Ницше, ставшая своеобразным девизом его раннего эстетизма: «Только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности»¹. Что же касается современной культуры с ее ориентацией на науку (источкой которой он проследивает, начиная с Сократа), то она оказалась глубоко враждебной жизни, так как опиралась на искусственный, все и вся схематизирующий разум, глубоко чуждый инстинктивной в ее основе жизни. Исходя из такого понимания генезиса культуры, Ницше строит затем всю свою последующую культурологию. В этом смысле «Рождение трагедии» можно без преувеличения назвать своеобразным ключом к расшифровке всего творчества мыслителя — этого «покушения на два тысячелетия противостоительности и человеческого позора». В этой же работе сформулирована и главная проблема всей жизни и философии Ницше, которая найдет затем наиболее полное воплощение в его «Заратустре»: как создать такую культуру, подчиняясь которой человек мог бы облагородить свой внутренний мир и воспитать самого себя; однако на данном этапе его творчества эта проблема облекается в поэтически символическое требование «возрождения трагедии», трагического познания и трагического человека, воплощающих торжество и переизбыток жизни.

Непризнание работы, крах прежних идеалов, резкое обострение болезни — все это заставит его мужественно отказаться от надежды «облагородить когда-либо человечество». Ницше надолго умолкает, отказавшись от роли мессии и отдавая все свои силы изучению наук о человеке («Человеческое, слишком человеческое», 1874; «Утренняя заря», 1881). Пройдет несколько лет, прежде чем он вновь решит «возвратить людям ясность духа, простоту и величие», сформулировав главную положительную задачу своей философии, которая виделась ему в утверждении верховной ценности культурного совершенствования человека, в результате которого появится новый тип людей, превосходящий современников своими моральными и интеллектуальными качествами. В роли такого культурно-этического идеала поэтический ум Ницше выдвигает эстетизированный им и заключенный в художественно законченную форму образ сверхчеловека. Крайне подвижный и восприимчи-

вый его ум не дает ему, однако, возможности осмыслить и довести до конца свою идею, поэтому можно говорить по крайней мере о двух противоречивых ее ракурсах или измерениях:

а) сверхчеловек как возможный и достижимый в перспективах реального будущего идеал всего человечества;

б) сверхчеловек как лирическая фантазия, которую ее создатель творит, пренебрегая каким-либо точным изложением своей мысли и которой он всего лишь как бы забавляется, возбуждая тем самым самые «низшие слои человечества».

Однако и в первом случае Ницше иногда употребляет это понятие не совсем в том ракурсе, который был задан им с самого начала, а использует его для характеристики отдельных личностей «высшего типа», уже существовавших в истории, хотя «лишь как случайность, как исключение, непреднамеренно» и наиболее полно воплотивших в себе идеал сверхчеловека. Речь в данном случае идет о так называемом «историческом сверхчеловеке» — Александр Великий, Цезарь, Август, Цезарь Борджиа, Наполеон и др. Хотя, как правило, свой идеал Ницше приурочивает все же не к отдельной человеческой единице, а к человеческому виду в целом, облекая его в биологическую оболочку и представляя как зоологический тип, на порядок выше, чем *Homo sapiens*. Такой человек будущего должен быть достигнут, согласно Ницше, путем усовершенствования, строгого отбора и сознательного воспитания новой породы людей, определенной волей к власти и для нее. По мере развития этой идеи точка зрения философа несколько видоизменяется, она как бы очищается от «зоологической примеси», которая становится только побочным аксессуаром его излюбленного идеала, явившегося на свет в результате пылкой фантазии мыслителя-вопросателя. Ницше четко осознает тот факт, что каждый существующий вид имеет свои, строго определенные, границы, которые он просто не в силах переступить. Он пишет: «Моя проблема не в том, как завершает собою человечество последовательный ряд сменяющихся существ (человек — это конец)»². Однако при этом он все же удерживает так полюбившийся ему термин «сверхчеловека», переводя проблему в плоскость поисков наиболее желательного, ценного и достойного жизни человеческого типа.

Как и любой идеал, сверхчеловек Ницше возникает в качестве антипода современному культурному человеку, от «нечистого дыхания» которого философ просто задыхался. Созданный им образ отличает гармония и синтез двух начал — дионисического, с его радостным утверждением инстинктивной жажды жизни, и аполлонического, придающего этой бьющей через край жизни одухотворяющую стройность и цельность идеала. Вся эта мощная сила должна, по мысли Ницше, быть направлена на творческое стремление к новому, а сам сверхчеловек — это прежде всего творец, обладающий сильной, стремительной, «длинной волей», творец самого себя в качестве суверенной и свободной личности. К числу направленных вовне составляющих его идеала Ницше относит умение жертвовать собой, «дарящую добродетель», великодушие и безграничную жажду деятельностной любви, честность, неустранимость, твердость, героизм и т. п. — все, что позволит сверхчеловеку придать свой, истинно человеческий смысл всему на этой земле. Как знать, может таким и остался бы идеал Ницше — удивительным сочетанием благородства и возвышенности, силы и мягкости, если бы не тот суровый жизненный фон, на котором он создавался. Ряд внешних обстоятельств и, прежде всего, резкое неприятие первой книги «Так говорил Заратустра» (1883), в которой и воплотились все эти качества его идеала, убедили мыслителя в полной тщетности его предприятия по осчастливливанию людей. Отсюда совершенно иная тональность второй книги «Заратустры», как, впрочем, и всех последующих за ней работ Ницше, в которых философ самым решительным образом переосмысливает свою идею («Антихрист», 1865, «Ессе Номо», 1888 и др.). Так, постепенно, из романтического идеала человека будущего сверхчеловек превращается в своего рода пугало для современных людей, в котором на первый план выдвигается культ сильной личности, бездушно и цинично попирающей моральные нормы современного общества. Более того, подключение сюда фаталистической идеи о «вечном возврате», которую Ницше вкладывает в уста своего героя и которая должна, по его мысли, «упизить всех слабых и укрепить сильных», ибо только последние, любящие жизнь и знающие ее истинную ценность, способны вынести её вечную

повторяемость, вносит определенный диссонанс в первоначальный образ сверхчеловека. Горькая истина о вечной повторяемости всего и вся и придает высший смысл жизни как таковой, налагая огромную, почти непосильную ответственность на человека, лишая его веры в будущее свехчеловечество. Однако Ницше упорно сохраняет обе сверхзадачи своего идеала, демонстрируя тем самым полную абсурдистику и беспорядочность своих мыслей. В результате его идея сверхчеловека приобретает черты несбыточного мифа, в котором вера и надежда о человеке будущего удивительно сочетаются с отчаянными криками о тщетности таких надежд. Поэтическая мощь его языка передает это отчаяние следующими словами: «Это возбуждает ужасную жажду и, в конце концов, нечего пить».

Вслед за выполнением утверждающей части своей задачи наступает очередь негативной, непосредственно вытекающей из предыдущей, ибо на пути творчества новых ценностей Ницше столкнулся с могучим противником в лице всей морали современной ему философии. Поэтому он решает «радикальным сомнением в ценностях ниспровергнуть все оценки, чтобы очистить дорогу». Так начинается великая война Ницше за освобождение от власти духов и социальных авторитетов, вошедшая в историю культуры под броским лозунгом «переоценки бывших до сего времени ценностей». Именно эта борьба и сделала его одним из наиболее ярких певцов «европейского нигилизма». Все, написанное после «Затарустры», и являет собой, по сути, такую «переоценку ценностей». Наибольший интерес в этом ряду представляют два крупных произведения, в которых ревизия прошлого удивительно сочетается с провидением будущего. Речь идет о работах «По ту сторону добра и зла. Прелюдии к философии будущего» (1886) и задуманной в качестве ее приложения — «К генеалогии морали» (1887), ставшей затем своеобразными прологом к первой.

Исследование философии, христианской религии и аскетической морали приводит Ницше к выводу о том, что они уводят человека от истоков подлинного существования и самой жизни. Путь, по которому в итоге пошло европейское человечество, оказался поэтому чреват рядом чудовищных последствий, предсказанных Ницше. Ему удалось гениально приоткрыть завесу европейского будущего: распад духовности, девальвацию ее ценностей, «восстание масс» с воцарением «грядущего хама», тоталитаризм с его ужасающей нивелировкой человека под флагом всеобщего равенства. Более того, именно в этих, по его словам, «ужасных, проистекающих из его души — очень черных, книгах» Ницше, по сути дела, задает тональность всем философским направлениям XX в. — и самой философии жизни с ее пророчествами о «Закате Европы», и идей таких мыслителей, как Ортега-и-Гассет, Гуссерль, Хайдеггер, Ясперс, Деррида и др., прокладывая тем самым дорогу качественно новому типу философии и нормам европейской ментальности. Важно и то, что в этих работах закладываются принципиально иные методологические и языковые парадигмы, которые получают затем колоссальную развертку в феноменологических, герменевтических и постструктуралистских изысканиях XX в., воплотивших в себе основы деструктивной феноменологии и генеалогии Ницше. Можно говорить и об огромном воздействии его культурных идеологем, а также стилистики его языка на западное культурное самосознание эпохи модерна и постмодерна, о чем свидетельствует постоянное обращение к его творчеству виднейших мыслителей XX в. М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Дерриды и др.

Завершающим аккордом зрелого ницшеанства и в то же время своеобразным стержнем всей его философии стала концепция волюнтаризма, сделавшая главным принципом как самого бытия, так и его объяснения «волю к власти». Антисистематичность и антиметафизичность как характерные черты этой философии не сводятся у него, однако, к простому отказу от притязаний на целостность и полноту теоретического охвата реальности; они предполагают скорее формирование очень своеобразного типа метафизики, носящего во многом нетрадиционный и по преимуществу прикладной характер. Такой ее статус можно объяснить тем, что, во-первых, на место хрестоматийного бытия философов как основы и сущности всего существующего Ницше выдвигает «жизнь» с ее вечным движением и становлением, лишённую привычной атрибутики бытия. И, во-вторых, в основе создания такой метафизики лежит

все то же стремление основательно подкрепить ранее выдвинутый им идеал сверхчеловека, т. е. все та же титаническая жажда утверждения жизни и мощных людей, пронизывающая все разделы его философии и обуславливающая плавный переход онтологической и гносеологической ее частей опять же в плоскость морального творчества. Надо заметить, однако, что это подкрепление-обоснование не стало органически связанным с идеей сверхчеловека, более того, оно определенным образом деформировало последнюю в сторону худшего.

Итак, воля к власти становится основным принципом всего существующего. Во всех процессах, как физических, так и духовных, Ницше видит ее различные модификации, поэтому мир представляется ему в виде распадающихся на некоторые центры сил органической и неорганической жизни, соперничающих между собой. Сама жизнь, в данной трактовке, приобретает значение некоей части универсального мирового процесса, особого вида мировой энергии и потому — одного из проявлений воли к власти. Эта тенденция, просматриваемая им на всех ступенях органической жизни, приобретает постепенно вполне определенный морально-социальный пафос, особенно применительно к жизни человека, которая интерпретируется Ницше чисто виталистски. Опираясь на принцип воли к власти, философ разрабатывает и основы своей новой гносеологии как перспективистского учения об аффектах. Будучи только частью все той же жизненной силы и выражением единого жизненного принципа, человек, по Ницше, представляет собой множество «воли к власти» с множеством способов и форм их выражения, среди которых самой первой и естественнейшей выступают его аффекты-влечения, под влиянием которых он определенным образом истолковывает окружающий мир. И мышление, и познание, и разум приобретают в такой интерпретации исключительно прикладное значение — «выражения скрытых за ними аффектов» — и служат лишь повышению жизненности, схематизации и упрощению этого сложного окружающего человека мира, а не его познанию и поиску истины. Ницше и здесь осуществляет переоценку традиционных представлений об истине и заблуждении, не видя принципиальной разницы между ними, так как и то и другое носят, по его мнению, чисто служебный характер, способствуя исключительно жизнеутверждению человека. Как и все философы жизни, Ницше — иррационалист, крайне преувеличивающий элемент бессознательного, непосредственно-интуитивного в процессе познания. Разум чужд жизни, деформирует и умерщвляет ее, искажая показания органов чувств, которые, наоборот, «никогда не лгут». Только в инстинкте непосредственно выражен принцип воли к власти, поэтому физическая сторона человека оценивается им значительно выше, чем духовная. («Существуют только физические состояния, духовные — только следствия и символика».) Многие из такого рода его идей о несовершенстве человеческого организма и о человеке как «не установившемся животном» послужили исходной основой для построения чрезвычайно популярной в XX в. философской антропологии и особенно ее биологической ветви (Г. Плеснер, А. Гелен).

Ницше оказался сегодня удивительно современен не только потому, что многие из его идей продуктивно реализуются в творчестве многих философов-профессионалов и других представителей сферы гуманитарного знания. Думается, они необычайно актуальны для всех нас, загнанных историей в тупики чудовищных испытаний и трудностей. Я имею в виду гениальную прозорливость этого мыслителя, ощутившего более ста лет назад чудовищную опасность, нависшую над человечеством, — опасность вырождения человека и гибели цивилизации. Удивительно обнадеживающе звучат сегодня его слова о том, что человек еще не исчерпал себя для достойной жизни и правого дела, что человека еще можно «взлелеять», положив конец «измельчению человеческого рода». И спасение это — в колоссальном творческом труде, проникнутом пафосом созидания всего высокого, нравственного и духовного в человеке.

¹ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 75.

² Там же. Т. 2. С. 634.

А. П. МЕЛЬНИКОВ

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ В ТРУДАХ МАКСА ВЕБЕРА (1858—1920)

Сущность политики М. Вебер видел в стремлении «к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»¹. Власть же Вебер определял как возможность осуществления властной воли внутри общественных отношений, возможность, которая реализуется вопреки сопротивлению и независимо от того, на чем она основана. Это бихевиористско-инструментальный подход. Бихевиористский потому, что власть рассматривается как аспект поведения, а инструментальный — потому, что власть понимается как возможность применения набора средств, включая принуждение и физическое насилие, для реализации определенных социальных целей.

Из данного подхода вытекает такое понимание отношений власти, в котором только одна сторона проводит и навязывает свою волю, не подвергаясь ограничениям со стороны партнера. Объективности ради следует сказать, что Вебер не ограничивал проявление власти исключительно принуждением и насилием. Он не отрицал роли убеждения, влияния и авторитета. Однако доминирование в современном ему обществе принуждения вынуждало исследователя именно эту черту власти считать ее основным признаком.

Как видим, в веберовском и марксистском определении власти немало общего. Это прежде всего трактовка ее как общественных отношений, сущность которых определяется способностью или возможностью реализации властной воли, навязывания ее другим при помощи различных способов, в том числе и насилия. Однако между ними имеются и существенные различия в рассмотрении проблем генезиса, а также соотношения экономической и политической власти. В марксистской концепции категория «воля» означает прежде всего волю класса, которая детерминирует все другие виды волевых проявлений. В интерпретации же Вебера речь идет чаще всего о воле индивида или узкой руководящей группы, а «воля класса» выступает как один из многих видов власти, притом отнюдь не решающий.

Принципиально важны различия и в определении соотношения экономической и политической властей. Экономическую и политическую власти Вебер рассматривает как автономные явления, хотя нередко и взаимосвязанные². Он называл марксистское понимание экономики «последней инстанцией», которая «в конечном счете» детерминирует все другие общественные отношения, «монокаузальной позицией» вульгарного экономизма. Вебер не усматривал непреложной связи между экономикой и политикой, отрицая факт генетического предшествования первой, ее детерминирующей роли. Сама экономическая власть может явиться, по Веберу, результатом действия внеэкономических факторов.

В теории власти, исходя из мотивов повиновения, Вебер выделяет три типа легитимного господства³. Первый тип он называет легальным или формально-рациональным. В основе его лежат целенаправленные действия и подчинение праву. К такому типу он относит господство в

современных ему европейских государствах, в которых подчиняются не личности правителя, а законам. Правитель достигает руководящего положения на законных основаниях.

Второй тип господства Вебер называет традиционным. Он основывается не столько на вере в законность, сколько на силе и святости традиций. Это патриархальное господство. Верховная власть в данном случае переходит из одних рук в другие по наследству. Такой тип господства характерен для доиндустриальных обществ.

Вебер подчеркивает, что традиционный тип господства по своей структуре сходен со структурой семьи; это делает его особенно прочным и устойчивым. Основанием для назначения на должность здесь служит не столько деловая компетентность, сколько личная преданность.

Третий тип — так называемое харизматическое господство. «Харизма» в переводе с греческого — «божественный дар», некие сверхъестественные способности, выделяющие человека среди других людей. Это позволяет данному индивиду господствовать над себе подобными. Харизматическими качествами, по мысли Вебера, обладают великие полководцы, маги, пророки, выдающиеся политики⁴.

При всем различии и даже противоположности харизматического и традиционного типов господства между ними есть и нечто общее, а именно: и тот и другой опираются на личные отношения между господином и подчиненными. В этом отношении харизматический и традиционный типы господства противостоят формально-рациональному типу господства как безличному.

Таким образом, типы господства трактуются Вебером как разновидности целесообразных взаимодействий власти и общества. Традиция, харизма и право — идеально типические понятия, производные от идеального типа целенаправленного действия — основной методологической категории Вебера. В этом смысле типология господства есть система абстракций, сформулированных на основе отбора одних и исключения других аспектов политической действительности. Так, идеальный тип традиционного господства строится на основе допущения о том, что поддержка традиции — главная цель руководителей и подчиненных. Но принципы отбора одних и исключения других аспектов деятельности индивидов в системах господства неизбежно связаны с субъективными предпочтениями исследователя.

В научных кругах Вебера считают основоположником систематического исследования и творцом теории бюрократии. Но его теория принципиально отличается от наших отечественных представлений о бюрократии и бюрократизме.

Что такое бюрократизм? Термин происходит от французского слова «бюро», что в переводе означает «письменный стол, канцелярия», и от греческого «кратос» — власть. Следовательно, в буквальном переводе это понятие означает власть учреждений, канцелярии.

В принятом у нас представлении, «бюрократ» — это служащий средних звеньев государственного аппарата, чиновник. Бюрократизм же представляется нам как извращенная система, способ и стиль управления. Бюрократия понимается как слой людей, непосредственно обслуживающих систему. Бюрократизм в нашей жизни многолик и многообразен. Он может выступать в виде административного произвола, чиновничьего высокомерия, игнорирования добросовестного отношения к труду. Во всех этих случаях общественные интересы и интересы зависящих от его произвола людей в расчет не принимаются. На первый план выдвигаются эгоистические интересы «делания карьеры», получения разного рода льгот и привилегий. Служебное положение используется бюрократом в личных и групповых целях, а часто просто для того, чтобы «показать» кому-то свою власть. Вся эта деятельность, осуществляемая с помощью формализма и крючкотворства, якобы во имя всеобщего блага, прикрывается мнимой необходимостью выполнения указаний сверху, различных инструкций и нормативных документов. Чиновник-бюрократ всегда слепо следует букве закона. Он не видит за ней реальной жизни, живых человеческих нужд. Поэтому деятельность его, по сути, саботирует общественные интересы.

Превращаясь в неконтролируемую силу, бюрократия стремится под-

чинить законы общества своим собственным законам. А они формальны и порочны. И человек, в конце концов, лишается права выбора, а это значит, права свободы.

В исследовании данной проблемы у Вебера немало точек соприкосновения с марксизмом. Сближает Вебера с марксистами то, что бюрократия рассматривалась им как аппарат господства. Однако если марксисты рассматривали господство прежде всего и главным образом как политическое, опирающееся на вооруженное насилие, то Вебер видел в господстве не столько насилие, сколько нечто другое. Это другое, с точки зрения Вебера, связано с организационным аспектом господства. Данное господство обеспечивает упорядоченное существование общества как целого, что необходимо не только для сил, находящихся у власти и заинтересованных в ее сохранении, но и для всех членов общества. В этом социальном организующем аспекте господство получает свое функциональное оправдание, наделяющее в крайних случаях власти предрешающие правом применения прямого насилия в интересах всего общества, а не отдельного класса⁵.

Причину дальнейшего развития бюрократизации в различных сферах общественной жизни Вебер усматривал в процессах экономической и политической концентрации, которые везде сопровождались отчуждением «производителя» или непосредственного исполнителя от средств производства и продуктивной деятельности в целом. В связи с этим возникла необходимость в посреднике, восстанавливающем утраченную связь производителя со средствами производства, деятеля — с орудиями деятельности.

Учитывая все сказанное, веберовскую теорию бюрократии можно считать функционалистской, марксистский же взгляд на бюрократию, с его тезисом об отмирании бюрократии в процессе социалистических преобразований, можно назвать дисфункционалистским или деструктивным. Однако жизнь показала, что бюрократия в условиях революционных преобразований необычайно окрепла и разрослась. И наоборот, либеральные парламентские демократии, усвоившие уроки Вебера, сумели противостоять тотальному разрастанию бюрократии.

Вебер различал два типа бюрократии. Первый из них он называл «патримониальной» бюрократией, характерной для традиционных или доиндустриальных обществ. Отличительная особенность ее — иррациональность. Второй тип представляет современная, так называемая «рациональная бюрократия», свойственная развитому капиталистическому обществу⁶. Типы бюрократии Вебер соотносил с типами господства. В традиционных обществах, где главную роль играют традиции и с которыми он связывал прежде всего монархическую форму правления, господство может быть авторитарным или смягченно авторитарным. В таких обществах бюрократия не может действовать «незвизрая на лица»: в ее распоряжении нет формальных правил, играющих роль ее управленческого «свода законов». В этом и состоит специфика управления в традиционном обществе, где нет господства формально-рациональных начал.

По-иному обстоит дело в государствах, в которых и те, кто управляет (бюрократия), и те, кем управляют (массы), подчиняются не личности, а законам. Любой чиновник здесь должен управлять своим участком работы без оглядки на авторитеты, строго придерживаясь формальных и рациональных правил.

В работах Вебера современная бюрократия представлена как структура массового управления. А поскольку все сферы общества поступательно и неуклонно рационализируются, постольку роль и значение бюрократии в таком обществе будут возрастать.

Каковы особенности современной бюрократии? С точки зрения Вебера, бюрократия в ее наиболее развитой форме обладает следующими чертами: 1. Служебный персонал лично свободен, лишь его безличные официальные обязанности определяются властью. 2. Четко установлена иерархия должностей. 3. Должностные функции ясно определены. 4. Работают по контракту, т. е. на основе свободного выбора. 5. Чиновники-управленцы подбираются по профессиональной квалификации, в идеале подтвержденной дипломом. 6. Они получают вознаграждение в

денежной форме и обычно имеют право на пенсию. Зарплата выдается в соответствии с местом в иерархии. 7. Исполнение должности — единственное и главное занятие чиновника. 8. Делание «карьеры», т. е. повышение в должности, определяется специфичной четкой системой. 9. Должностное лицо не может присвоить ни должности, ни доходы в сфере его деятельности. 10. Строгая дисциплина и контроль регламентируют исполнение его должности⁷. Таковы основные характеристики рациональной бюрократии Вебера в ее идеальном варианте.

В современной западной политологии категория бюрократии не разделяется негативными характеристиками, и теория ее представляется в виде концепции научного управления обществом, в которой отражается реальный процесс бюрократизации всех его сфер. Понятие бюрократии определяется как профессиональный корпус должностных лиц. Последователи Вебера считают, что «бюрократ» может быть хорошим или плохим, но без него не обходится ни одно государство. Госчиновники служат всему обществу и общество заинтересовано в том, чтобы его интересы представляли квалифицированные, основательно подготовленные специалисты. Их права, обязанности и властные полномочия четко очерчены законом. В сфере власти не должно быть места неопределенности, случайности и произволу.

Можно по-разному относиться к Веберу и его учению. Можно соглашаться с ним или подвергать его основательной критике. Однако нельзя не согласиться, что его творчество и сегодня вызывает глубокий, неподдельный интерес.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

² См.: Шпакова Р. П. // Советское государство и право. 1990. № 3. С. 136.

³ Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966. S. 99 und weiter.

⁴ См.: Вебер М. Избранные произведения. С. 646—647.

⁵ См.: Там же. С. 648.

⁶ См.: Там же. С. 650, 657, 661, 664—665.

⁷ См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin, 1964. Bd. 2. S. 162—163.

Я. А. БЕЛОБРОДСКАЯ

МЫСЛИТЕЛИ ДРЕВНОСТИ О ПРОБЛЕМАХ ВОЙНЫ, МИРА И АРМИИ

Всестороннее исследование проблем мира, войны и армии, их связи с политическими, идеологическими и иными общественными отношениями возможно лишь с позиций исторического подхода, который способствует аналитическому рассмотрению становления и развития воззрений на эти проблемы в истории человечества, в общественно-политической сфере человеческой жизнедеятельности.

К одной из первых в истории человечества попыток теоретически обобщить взгляды на войну и ее роль в жизни общества можно отнести древнеиндийский сборник «Законы Ману» (VI в. до н. э.). Здесь проводится мысль о природной естественности войн в человеческой истории, а также высказаны догадки о взаимосвязи войны и политики, о наличии внутренней функции армии как инструмента укрепления господства правящего класса. Армия призвана контролировать подданных, подавлять выступления недовольных и бунты против правителей.

Позднее эти идеи были развиты древнеиндийским мыслителем Брахманом Чанакья (IV в. до н. э.), который в трактате «Артхашастра» утверждал, что война не является самоцелью, она служит политике, является ее средством. И хотя войну надлежит вести с помощью армии, используя оружие, однако более важной силой является политическая стратегия, которая призвана подрывать дух врага, разлагать его и подводить к крушению¹. Чанакья отмечал и отрицательные последствия войн, поскольку они сопровождаются уничтожением богатства и падением нравов.

Мыслителями Древнего Китая, Древнего Рима и особенно Древней Греции тщательно исследовались проблемы источников войн и их

происхождения; связи войны и политики; характера войн и их социальных последствий; путей к миру и актуальных проблем армии.

Наиболее значимым в истории военно-политической мысли Древнего Китая представляется «Трактат о военном искусстве» выдающегося полководца и мыслителя Сунь-цзы (VI—V вв. до н. э.), в котором предпринята попытка проникнуть в сущность войны, раскрыть ее связь с политикой государств, дать простейшую классификацию войн и сформулировать принципы их ведения.

Сунь-цзы разделяет традиционную точку зрения на войну как на вполне естественное явление. Более того, он считает, что «полководец, понимающий сущность войны, управляет судьбой народа и является владыкой безопасности государства»².

Китайский военный теоретик выдвигает и отстаивает принцип господствующего положения политики по отношению к войне, а политического руководства — к военному искусству. Армия при этом выступает лишь в качестве средства ведения войны (причем не самого эффективного).

Принцип взаимосвязи войны и политики, сформулированный Сунь-цзы, подчиненного положения войны по отношению к политике, стал исходным пунктом для предпринятой им (пожалуй, впервые в истории военно-политической мысли) классификации войн. Сунь-цзы выделяет три формы войны, первую из которых он называет идеальной. Ее суть заключается в том, чтобы, не применяя военной силы, исключительно политическими средствами заставить противника отказаться от заведомых целей, т. е. покорить чужую армию, не вступая в сражение.

Вторая форма также связана с использованием исключительно политических средств. Ее смысл состоит в том, чтобы попытаться разединить противника с союзниками, тем самым ослабить его и сделать уступчивым. Легко заметить, что Сунь-цзы не делает различия между политическими формами ведения борьбы и собственно военными, более того, китайский полководец отдавал явное предпочтение именно политическим методам. Он подчеркивал, что «покорить войско противника без боя — верх искусства»³.

Применение армии при решении политических вопросов Сунь-цзы относил к третьей форме ведения войны, причем считал ее наихудшей из всех, ибо в этом случае ни у одной из воюющих сторон нет и не может быть уверенности в победе. Такая точка зрения впоследствии получила название «политизации войны».

«Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы занимает поистине выдающееся место в истории военно-политической мысли и очень высоко оценивается современными исследователями. «Этот трактат, — по мнению современного американского историка Д. Коллинза, — стоит в ряду лучших работ всех времен, включая и труды Клаузевица, написавшего их более двадцати столетий спустя»⁴.

Значителен вклад в разработку исследуемой проблематики философов и мыслителей Древней Греции. Их взгляды оказали самое серьезное влияние на развитие военно-теоретической и политической мысли средневековья, нового и новейшего времени.

Такие выдающиеся умы, как Платон (427—347 гг. до н. э.), Аристотель (384—322 гг. до н. э.), были прежде всего выразителями идеологии рабовладельческого государства, поэтому их взгляды на проблемы мира, войны и армии отражали интересы рабовладельческой аристократии. Рабовладельческое государство не может существовать без рабов, а поэтому война в качестве законного средства их приобретения не только естественна, но и вечна. Платон считал, что в обществе, как и в природе, господствует естественное право сильного над слабым. Война — вечное естественное состояние человеческого общества, а мир вообще невозможен. «То, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная неустрашимая война между всеми государствами»⁵. Мир, с точки зрения Платона, представляет собой лишь абстракцию, существующую чисто умозрительно. «У всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами. Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в

частной жизни и каждый с самим собой»⁶. В этой войне, отмечал Платон, ни люди, ни государства не признают никаких моральных и нравственных норм.

Платон стремится обосновать законность войн, преследовавших цели порабощения «варваров» и подавления восстаний рабов. «Почести воздаются тому, — писал Платон, — кто отличился в величайшем виде войны — внешней войне»⁷. Такие войны Платон считал полезными для государства, конечно, с позиций рабовладельческой аристократии.

Подобных же взглядов на социальную роль войн придерживался и Гераклит Эфесский (ок. 544—483 гг. до н. э.). Правда, в отличие от Платона, он избегал этических оценок военных событий, но считал войну безусловным добром, ибо в ней побеждают более сильные и мужественные: «Война — отец всего и всего царь: одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала свободными, других — рабами»⁸.

Ряд мыслителей античности отмечали и отрицательные последствия войны. Такой точки зрения придерживались, в частности, Демокрит (460—370 гг. до н. э.), Эпикур (341—270 гг. до н. э.), а позднее Тит Лукреций Кар (99—55 гг. до н. э.). Они не считали войну вечным спутником человечества, а утверждали, что войны порождены рабовладельческим обществом. Тит Лукреций Кар утверждал, что пока люди были «дикими», войн не было и под военные знамена никто не звал тысячи людей.

Взгляды Платона на войну и мир, связь войны с общественными отношениями, с политикой в основном сложились под воздействием хода и результатов Пелопонесской войны (431—404 гг. до н. э.) между наиболее могущественными греческими государствами — Афинами и Спартой. Платон вынес из этой войны твердое убеждение, что всеми общественными делами государства руководит политика. Именно политику Платон называет господствующим, царственным искусством. Эту точку зрения он отстаивает в диалогах «Государство» и «Политика». «...Какую же науку решимся мы назвать владычицей всего этого великолепного и огромного воинского искусства, кроме науки подлинно царской?»⁹ — риторически спрашивает философ. Политика — это искусство, которое управляет всеми видами человеческой деятельности, в том числе и военной. В диалоге «Протагор» Платон еще раз подчеркивает, что именно военное искусство есть часть политического, а не наоборот: «Мы не признаем, что политическое искусство — это воинская наука, т. е. наука подсобная»¹⁰. Считая войну вечным и естественным состоянием общества, мыслитель видел и материальные корни этого явления: «А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело, которому мы по рабски служим»¹¹. Но поскольку страсти тела человеческого обусловлены природой, то и войны подчиняются вечным природным законам.

Во многом продолжил и развил мысли Платона о войне, мире и армии его ученик Аристотель. Он также считал войну благом для рабовладельческого государства, рассматривал искусство ведения войны как искусство приобретения рабов, без которых общество не может существовать. У Аристотеля явно просматривается тенденция оправдания войны, причем оправдания не только с политической, но и с моральной точки зрения. Именно Аристотель впервые увязал понятия нравственности и войны: «Наука о приобретении рабов... является чем-то вреде науки о войне или науки об охоте»¹². И военное искусство является лишь частью науки, в основе которой лежит политическое искусство. «Военное искусство может быть рассматриваемо до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, по крайней мере та часть военного искусства, которая имеет своим предметом охоту: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиниться. Такого рода война по природе своей справедлива»¹³. Итак, по мнению Аристотеля, война содействует развитию справедливости, а армия является естественным и необходимым атрибутом государства, без которого не может существовать.

Изучая наследие мыслителей Древнего Рима по проблемам войны и армии, можно легко обнаружить, что в основе их военно-политических концепций лежит стремление оправдать экспансионистскую политику рабовладельческого государства. Вслед за древнегреческими философами, известный римский политический деятель, оратор и писатель Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) в своих трудах «О государстве» и «О законах» особое значение придает политике, которую называет «величайшим искусством». Цицерон пытается дать свою классификацию войн, однако избирает для нее чисто формальный критерий справедливости — объявление войны. Понятие справедливости для него имеет ярко выраженный правовой акцент. «...Всякая война, которая не была возвещена и объявлена, признавалась несправедливой и нечестивой»¹⁴. Лишь после постановления Сената и повеления народа носители власти ведут «справедливые» войны. Однако о каком повелении народа идет речь? Ситуация проясняется, если мы вспомним, что в Древнем Риме правом голоса в комициях (своеобразном органе римской демократии) обладали лишь воины. Специфика развития государственных форм правления в Риме связана с тем, что изначально гражданские права здесь принадлежали воинам, а не жителям определенных территорий, как это было, в частности, в Афинах. Впоследствии гипертрофирование политической роли армии привело Рим к полному отказу от демократических традиций и установлению военно-авторитарного политического режима — диктатуры с опорой на вооруженные силы.

В некоторых современных источниках говорится об особой роли армии в политической жизни Рима и даже о ее изоляции от общества. Неудачным кажется нам и термин «деполитизация войны» в применении к Римской империи. На наш взгляд, можно говорить лишь об ослаблении здесь роли профессиональных политиков и о значительном усилении армии и военного руководства как реальной политической силы. В государстве появилась новая политическая сила, гораздо более сплоченная и могущественная, чем политики, — преданные своему полководцу легионы и их военачальники. Характерны в этом плане высказывания известных римских военачальников. Так, Гай Марий говорил, что до него «не может дойти глас законов, заглушаемый звоном оружия». Не менее откровенно высказывался и Гней Помпей: «Могу ли я помышлять о законе, когда я вооружен»¹⁵.

Взгляды античных мыслителей на проблемы мира, войны и армии впоследствии получили развитие в трудах средневековых философов и теологов, мыслителей нового и новейшего времени. О значении их работ для дальнейшего развития военно-политической мысли можно сказать словами Ф. Меринга: «Сущность войны во многих основных чертах ее можно познать уже из древней истории, в частности истории греков и римлян»¹⁶.

¹ См.: Н е р у Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 126—127.

² С у н ь - ц з ы. Трактат о военном искусстве. М., 1955. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ С o l l i n s J. Grand Strategy. Annapolis, 1973. P. XX.

⁵ П л а т о н. Соч. М., 1972. Т. 3. С. 86.

⁶ Там же. С. 86—87.

⁷ См.: Творения Платона. Т. XIII. Законы. Пг., 1923. С. 23—24.

⁸ Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 46.

⁹ П л а т о н. Соч. Т. 3. (2). С. 74.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 25.

¹² А р и с т о т е л ь. Этика. СПб, 1908. С. 4.

¹³ Он же. Политика. М., 1911. С. 21—22.

¹⁴ Ц и ц е р о н Марк Туллий. Диалоги. М., 1966. С. 42.

¹⁵ Г р о ц и й Г. О праве войны и мира. М., 1957. С. 45—46.

¹⁶ М е р и н г Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956. С. 98.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В ПРЕДДВЕРИИ ХХІ в.

В прошлом году Социологической научно-исследовательской лабораторией проблем социализации личности Белгосуниверситета завершено изучение темы, посвященной жизнедеятельности молодой семьи в Республике Беларусь. От того, какой сегодняшняя семья вообще, и молодая семья в частности, войдет в рыночные отношения, таким будет и наше общество. В силу этого изучение ее особенностей и основных тенденций развития представляет не только научно-познавательный, но и практический интерес.

Из опроса 3186 студентов старших курсов всех вузов Беларуси видно, что личная жизнь, семейное счастье, благополучие близких ставятся ими на первое место, в крайнем случае — на второе место среди других жизненных ценностей. И это не случайно. Не зря девизом года (1994), сформулированным ООН, избрана тема: «Семья: ресурсы и ответственность в изменяющемся мире». Одно из принципиальных положений программы Международного года семьи требует, чтобы все национальные программы развития личности содействовали укреплению семьи, стимулировали ее деятельность по самообеспечению, вживанию в общественные структуры, духовно-нравственные основы бытия людей.

Семья — ядро социокультурной среды, формирующей личность, первоэлемент общества. Важнейшие ее функции связаны с естественным и духовным воспроизводством жизни, воспитанием детей, хозяйственно-бытовым жизнеобеспечением людей, находящихся в кровно-родственных отношениях.

Вхождение Республики Беларусь в рыночные отношения порождает ряд трудностей, противоречий, крупномасштабных задач, решение которых требует дополнительных усилий всех властных структур и общественных организаций. Особого внимания заслуживают проблемы, связанные с судьбой подрастающих поколений, молодой семьи.

Так, согласно данным Социологической научно-исследовательской лаборатории проблем социализации личности БГУ, в настоящее время молодые семьи (супруги в возрасте от 18 до 30 лет со стажем семейной жизни до 5 лет) составляют 1/5 общего количества белорусских семей. Они-то и оказались менее всего подготовленными к самостоятельной жизни: супруги в большинстве своем не получили должных знаний по этике половых отношений, сексуальной культуре, принципах воспитания детей, ведения домашнего хозяйства, способах разрешения межличностных конфликтов. Поэтому необходимо создать систему подготовки молодежи к браку, включающую как половое воспитание и просвещение подростков, так и нравственно-правовое, медико-психологическое консультирование.

С целью выяснения основных проблем объективного и субъективного характера семей в период их становления социологами было изучено мнение 676 супружеских пар (196 со стажем брачной жизни до пяти лет и 580 — до десяти), проживающих в областных городах (393 пары), райцентрах (174) и селах (109). Оказалось, что 90 % их доходов уходит на питание, одежду и обувь, коммунальные услуги; каждая четвертая семья не имеет своей жилплощади; для многих из них недоступными стали покупка подарков и лакомств для детей. На рождение второго ребенка рискнула бы лишь каждая четвертая супружеская чета. Причины ограничения рождаемости: страх перед будущим (31 %), большие материальные затраты на ребенка (23), отсутствие жилищных условий (22), нездоровье мужа или жены (9), плохие взаимоотношения супругов (6), поздний брак (5), отсутствие потребности в детях (2,4 % ответов). Отмечая рост частоты заболеваемости детей (40 % ответов), респонденты указывают на ухудшение медицинского обслуживания (76) и дороговизну лекарств (91 %).

В качестве мер по активизации деторождаемости и укреплению молодой семьи респонденты называют прежде всего: выплату государственных пособий семьям; совершенствование системы детских и медицинских учреждений — как государственных, так и частных; развитие

инфраструктуры быта; улучшение торговли; создание условий для сочетания родителями профессионально-трудовой деятельности и домашней работы; развитие надомных видов труда для женщин-матерей; приоритетное развитие тех отраслей хозяйства, которые связаны с производством товаров и продуктов питания; создание условий (в том числе и через льготное налогообложение, кредитование) для того, чтобы молодые родители могли самостоятельно зарабатывать необходимые блага для своих детей и семьи. Далее следуют предложения этико-правового и психологического характера.

В настоящее время треть разводов в республике приходится на браки со стажем супружества до пяти лет. Причины их не только объективные, но и субъективные. Так, более половины разводов связано с пьянством и бытовой распушенностью. Социологами выявлен рост количества фиктивных разводов, цель которых состоит в охране семейного имущества и собственности; очевидно, назрела необходимость в углубленной правовой проработке проблем наследования.

Для стабильности брака немаловажен и духовный фактор, общность интересов. По данным нашего исследования, 31 % респондентов из семей, часто конфликтующих по поводу форм проведения свободного времени, не вступили бы снова в брак со своим супругом (супругой).

Устойчивость брачно-семейных отношений — интегральная характеристика, отражающая качество семейной жизнедеятельности и внутренних взаимоотношений. Высокое качество брака связано с высоким уровнем адаптации супругов, умением сознательно строить семейную жизнедеятельность, создавать нормальный психологический микроклимат. Важнейшей предпосылкой стабильности брака является психологическая установка на совместное сотрудничество в сфере семейной жизнедеятельности. При отсутствии такой установки и обоюдного желания супругов брак может оказаться нежизнеспособным.

В настоящее время изменение экономических условий привело к тому, что основная нагрузка по финансовому обеспечению семьи легла в основном на мужчину (42 %), на мужа и жену в равной степени (39 % опрошенных семей); в противовес этому на жену легла большая нагрузка по обслуживанию семьи (77,2 %); в равной степени вопросами обслуживания семьи муж и жена занимаются только в 15,5 % семей. Также только на жену теперь в значительной степени ложится и ответственность за воспитание детей (45,5 %). Лишь в 43,4 % опрошенных семей муж и жена в равной мере занимаются воспитанием.

Эти цифры не могут не насторожить. Ведь тот факт, что воспитание детей в большинстве случаев остается уделом женщины, является сам по себе довольно тревожным симптомом. В совокупности с другими факторами, такими, как неравномерное распределение домашних обязанностей, перегруженность женщины, этот фактор является веской причиной дестабилизации семьи.

Среди прочих проблем молодой семьи не последнее место занимает использование ею свободного времени. Проблема эта многогранна. С одной стороны, она обусловлена совпадением ценностных ориентаций молодых супругов в сфере досуга, их желанием заполнять его интересным и разнообразным содержанием. Несовпадение интересов, нетерпимость одного из супругов к увлечениям другого может привести к ситуации непонимания, психологической несовместимости и, как крайний результат, к распаду семьи.

Серьезным является противоречие между уровнем развития духовных потребностей и возможностью их удовлетворения. Брак сам по себе не ограничивает молодых супругов в стремлении удовлетворить их потребности в духовном развитии и развлечениях. Однако следствием брака, как правило, становится рождение ребенка и это резко меняет образ жизни супругов, сокращая до минимума их свободное время.

В результате значительного осложнения семейного быта появлением ребенка молодые супруги начинают рассматривать его рождение как определенное неудобство, препятствующее их приобщению к культурным благам. Проблема выбора в этой ситуации зачастую решается не в пользу ребенка. Если сегодня эту проблему обсуждают преимущественно с демографических позиций, то в недалеком будущем она может

перерасти в общегосударственную проблему — дефицита в обеспечении народного хозяйства трудовыми ресурсами.

В первые годы супружества и особенно после рождения ребенка наиболее благоприятные условия для отдыха имеют те молодые семьи, которые живут вместе с родителями одного из супругов. Однако это обстоятельство не удерживает молодых от стремления жить отдельно от родителей, т. е., по их мнению, самостоятельно. Наше исследование подтверждает это: количество молодых супругов, живущих совместно с родителями, составляет 17,9 % опрошенных. Но самостоятельность эта весьма относительна, особенно тогда, когда возникает вопрос об отдыхе.

Приходится с сожалением констатировать, что для большинства квартиры является основным местом досуга как в будни, так и в выходные дни. Характерными видами досуговой деятельности стали просмотр телепередач, прослушивание музыки, чтение книг, газет, журналов. Ограниченность досуга жителей городских микрорайонов вообще, и молодых супругов в частности, вызвана также такими обстоятельствами, как отдаленность жилья от культурного центра города, недостаточная развитость транспортного сообщения района с центром, отсутствие в нем театральных касс, недостаточная киноконцертная и театральная реклама, реклама выставок и других мероприятий, плохая организация досуга по месту жительства, отсутствие спортплощадок, наконец, определенная пассивность населения, отсутствие традиций активного отдыха и т. п. Наше исследование показало, что процент удовлетворенности организацией досуга в городе, селе, микрорайоне у молодых супругов невысок (около 14 %), 51,7 ответили, что они не удовлетворены организацией досуга, 34,5 % затруднились ответить, что с уверенностью можно считать показателем неудовлетворенности.

Чрезвычайно важным для укрепления семьи вообще, и молодой в частности, является внутрисемейное общение, которое предполагает совместное проведение досуга. Раздельность проведения свободного времени членами семьи приводит к их отчуждению. И наоборот, эмоциональное сопереживание в совместном досуге способно укреплять духовные контакты между супругами, создавать положительный психологический климат в семье, а значит, способствовать укреплению семьи.

Между тем на вопрос «Принято ли в Вашей семье всем вместе обедать по выходным и праздничным дням?» положительно ответили 18,8 % молодых супругов; принято всей семье гулять, ходить в кино, театры в 12 % молодых семей; обмениваться мнениями по вопросам семейной жизни, текущим событиям — около 16 % опрошенных; сообща занимаются домашними делами 15,4 %; проводят вместе отпуск около 15 %; и только традиция отмечать вместе семейные праздники объединяет (причем во всех возрастных группах с небольшими расхождениями) около четверти опрошенных семей. Цифры красноречиво говорят о том, что в большинстве семей, в том числе и в молодых, отсутствуют традиции потребности совместного времяпрепровождения.

Наши респонденты внесли много предложений по организации семейного досуга. Среди них такие, как: создать в микрорайонах семейные клубы, где бы можно было заниматься не только спортом, любимым делом, но и пообщаться с интересными людьми; создать клубы семейных встреч; проводить семейные культурные мероприятия; обеспечить доступность семейных путевок; проводить совместное озеленение и благоустройство микрорайонов; создавать семейные физкультурные базы и комплексы; давать в городских газетах и по радио больше рекламы и объявлений о культурных мероприятиях, проводимых в городе, выставках, работе учреждений культуры; выделять один день в неделю для бесплатного посещения музеев, выставок. Думается, что молодым родителям облегчат жизнь детские комнаты при учреждениях досуга и отдыха.

Необходимо также пропагандировать и поощрять формы межсемейной кооперации, при которых молодые семьи могли бы решать общие трудности совместными усилиями. Сегодня получает распространение организация надомных детских садиков, когда неработающая мать-кормилица берет уход за двумя-тремя чужими детьми на договорных началах. Особенно это полезно для детей, если женщина имеет специальное образование (педагогическое, медицинское, музыкальное и т. д.).

Итак, в ходе социологического исследования выявлено, что любовь, брак и семья занимают лидирующее положение среди множества жизненно важных ценностных ориентаций молодежи. Однако сегодня именно эти ценности подвержены испытаниям на нравственную прочность. Причины этого кроются не только и не столько в психолого-возрастных особенностях юношей и девушек и даже не в воздействии западной «массовой культуры» с ее атрибутами «свободных» нравов и секса, абсолютной раскованности и «независимости» личности, сколько в социальной незащищенности нашей молодежи. И это тревожно, ибо все социально-экономические эксперименты в масштабе республики не будут эффективны, если они не будут учитывать интересы и нужды молодежи.

В. В. КОВАЛЕВИЧ

ПОЛИТОЛОГИЯ ФЕМИНИЗМА

Факт существования политологических аспектов в современных доктринах феминизма не вызывает сомнения. Проблема в том, насколько можно говорить о возникновении такого научного феномена, каким является феминистская политология.

Вопросы власти всегда являлись краеугольным камнем теории феминизма. Это, естественно, привело к формированию системно-логической, аналитической доктрины, которая предполагает теоретическое осмысление и поиск практически оправданных методов решения женских политических проблем.

В целом политология феминизма может рассматриваться в двух ипостасях. Первая — традиционная, где политология феминизма рассматривается как частная проблема общей политологии. В этом случае изучение женской социальной группы, исследование феминистических проблем происходит только в русле общих исследований, что предполагает спорадичность, конъюнктурность, поверхностность. Такой подход направлен на сохранение устоявшихся, патриархально ориентированных стереотипов мышления, концепций, оценок женского политического участия, менталитета, интересов.

Второй подход более современен, более перспективен, но менее развит. Он предполагает рассмотрение политологии феминизма в качестве самостоятельного направления в рамках общей теории. В этом случае феминистская политология как специфическое направление общей теории оказывает на нее свое влияние. Она проливает свет на сложившиеся отношения между женщиной и политикой, указывая на две структурные особенности политической жизни, имеющей тенденцию отстранения женщины от политической власти и забвения скрытой истории женского поражения в политических действиях¹.

Политология феминизма представляет женскую спецификацию общей теории. Занимаясь политической теорией, изучением политических институтов, партий, групп, общественного мнения — т. е. всего того, что традиционно понимается под политологией, она рассматривает и интерпретирует их через систему взаимоотношений полов по поводу власти, дополняя тем самым политологию положениями, разработанными в рамках социальной теории пола.

Основными положениями политической доктрины феминизма являются доказательство необходимости равенства полов в политической сфере, перераспределение власти в современном мире, а также насущная потребность для самой же политики в женском участии, способном облагородить ее форму и сущность². Специфика подхода политологии феминизма в том, что характеристика власти и властных отношений базируется на политическом аспекте социальной теории пола. Власть определяется через ракурс господства одного пола над другим, через принципы функционирования государственных и общественных институтов, сохраняющих и воспроизводящих возможность диктата воли одного пола другому³.

В политологии феминизма дается многогранное и многомерное определение власти. По мнению ученых-политологов, корни властных отношений присутствуют уже на уровне догосударственной нормы отношений полов. Здесь наблюдается иерархия прав на обладание властными функциями и их использование в рамках семьи. Как отмечает М. Рендал: «...политические мыслители... начиная с Платона, много говорили о политическом значении и политической роли семьи. В историческом развитии значение семьи подтвердилось. Семья имеет и в большей степени имела в прошлом легальную основу формальных прав и возможностей установления контроля над собственностью и личностью»⁴. Как видим, соотношение между семьей и политикой представляется следующим: во-первых, «семья является основой политики, во-вторых — главным фундаментом властных отношений государства и политической системы, имеющих патриархальную заданность. Исходя из этого, возможность общественных и политических изменений определяется только посредством изменения традиционных ролей в семье, стереотипных установок социального формирования полов, ведущих к корректировке механизма политической социализации личности»⁵.

Проблема политической социализации женщин является достаточно серьезным аспектом политологического анализа феминизма. Принято считать, что уже к трем — четырем годам ребенок приобретает первые представления о политике. Но политическая социализация представляет собой постоянный процесс, воздействующий на все важнейшие изменения в жизни личности. Так, материнство, являясь заданностью социальной жизни женщины, вносит существенные коррективы в политические предпочтения, приоритеты и ценности, объясняет стимулы участия или неучастия в политической жизни.

Женщины-матери и не ставшие ими, а также опытные или молодые матери ведут себя по-разному. Однако традиционное патриархальное поведение женщины, ставшей матерью, сменяется стремлением к новой роли и статусу в семье и в обществе, как только она в минимальной степени освобождается от забот материнства⁶.

Проблема материнства является одной из задач политологии феминизма. Ведь только через ее решение возможно реальное изменение сложившихся отношений между: 1) семьей и политикой; 2) личностью и политикой; 3) женщиной и политикой.

Политическая социализация отчасти задает специфику женскому участию, поведению, стилю в политике. Политология феминизма рассматривает вопрос о силе как источнике властных отношений современного государства через анализ мужского и женского стилей в политике. Сильным, безальтернативным характеризуется «мужской политический стиль», который жестко нацелен на господство и подчинение, победителя и побежденного, тогда как «женский стиль» предполагает иное. Это многогранность в анализе явлений, дифференцированный подход к проблемам, необходимость обстоятельной подготовки принимаемых решений и возможность рассмотрения альтернативных вариантов. Преимущество «женского стиля» в политике обусловлено тем, что женщина переносит в политическую деятельность принципы, усвоенные ею в практике материнства. Принцип подчинения через стимулирование активности при его успешной реализации в процессе воспитания дает выигрыш обеим сторонам — матери и ребенку. И этим такого рода отношения отличаются от типично мужских⁷.

Благодаря этому обеспечивается создание горизонтальной сети (партинеров — участников), а не вертикальной иерархии (господства — подчинения), характерной для мужской политики. Изменение соотношения мужского и женского начала необходимо для гуманизации современной политики, основывающейся на силовых методах решения и своей деятельностью порождающей разрушительный эффект.

Важной тенденцией изменения качества политики, ее форм и методов является не только перераспределение и симметризация политической власти полов, но и включение в общественно-политическую сферу женской политической субкультуры. Поэтому не случайно культурный феминизм уделяет основное внимание «попытке изменения жизненного стиля и форм участия женщин в политической сфере»⁸.

С этой целью разрабатывается определенная политика женского движения. Она, во-первых, ориентирует политическую активистку на карьеру с «ограниченными амбициями», позволяющую уйти от «крайности» — полного отказа от общественной жизни или «от всего другого» — ради карьеры. Во-вторых, способствует и поощряет обучение женщин в вузах по профессиям, дающим «право на политику», как-то: адвокаты, юристы, политологи, журналисты. В-третьих, распространяет влияние политологической доктрины феминизма, ориентирующей женщин на участие в политике и привлечение их в ряды массового движения. В-четвертых, разрабатывает политическую стратегию женского движения, женских партий, а также и тактику женских движений среди других партий, способствующую вхождению их в руководящие органы⁹.

Политологи феминизма выделяют пять актуальных для женских организаций направлений деятельности: 1) принятие женщин в члены партии; 2) поддержка женщин в партии; 3) активизация подготовки женщин к высшим постам; 4) воздействие на политику партий; 5) установление связи с женщинами других групп¹⁰.

Но если женщинам не составляет большого труда вступление в рядовые члены партии, то переход от выполнения в ней канцелярской, вспомогательной работы затруднен не только из-за продолжающейся дискриминации со стороны мужчин, но и из-за отсутствия консолидации усилий самих женщин. Вообще, как подчеркивают политологи феминизма, конкуренция составляет основу отношений женщин друг к другу. Этим отчасти можно объяснить разобщенность феминистских групп. Ситуация осложняется тем, что, участвуя в деятельности партии, других общественных организаций, женщины не могут разобиться в собственной политике. Выдержать собственный политический курс сложно, ибо общепартийный (к разработке которого женщины имеют косвенное отношение, не будучи в достаточной мере представлены в руководстве, но который формально предполагает деятельность женской фракции) приводит к тому, что разграничить чисто женские интересы с общими социально-политическими очень трудно. Программный курс партии на решение проблемы равенства полов чаще бывает направлен во «вне», а не «внутри», стремится к достижению равенства в обществе, а не в собственных рядах¹¹.

Но жизнь не стоит на месте. Сегодня возникновение женских партий является политической реальностью, оказывающей воздействие на традиционную политику, заставляя признать статус женской политики как полноправной и легитимной. Главной целью таких партий является решение политических и женских проблем политическими же способами. Следует отметить, что женская политика — столь же тупиковый путь, как и мужская. Женская политика как политика только для женщин сегодня — необходимый, но временный экстенсивный подход к решению проблемы гуманизации политики и властных структур общества. Более перспективен другой подход, предполагающий не разобщение, а интеграцию усилий обоих полов для преобразования несовершенной практики. Уже сегодня политологи феминизма считают оправданным при разработке идеологии движения апеллировать не только к чисто женским политическим приоритетам, но и общедемократическим, общесоциальным.

Эффективным проявлением женского политического влияния является участие в выборах. Благодаря тому, что женщины преобладают в электорате большинства стран, они имеют возможность оказывать значительное влияние на официальную политику государства. Хотя выборы давно стали объектом пристального внимания политологов и социологов, политологами феминизма была внесена новизна в исследование этого вопроса. Они отметили изменение электорального поведения полов. Традиционно женщин считали более консервативными, более интересующимися моральными, чем политическими, вопросами, а в замужестве занимающими позицию своих мужей¹². Однако анализ результатов президентских выборов 1980 г. в США показал, что разрыв между представителями полов в оценке политических и социальных проблем, проблем разоружения составил от семи до девяти процентов. В ходе исследования определились следующие тенденции поведения женщин на

выборах: 1) между мужчинами и женщинами нет принципиальных различий в голосовании за кандидата-женщину; 2) за кандидата-женщину скорее отдадут голос те избирательницы, для которых существенное значение имеют «женские вопросы»; 3) при определении связи «пол — голосование» политическая платформа кандидата оказывается решающим фактором; 4) пол кандидата может оказать решающее воздействие на результаты голосования только при отсутствии у избирателя «твердой партийной принадлежности»¹³.

Проблема выдвижения женщины-кандидата очень сложная. Во многом она сводится к разработке действенной политической программы, что пока трудно разрешимо. Ведь поддержка со стороны партии и финансовых кругов у кандидатов-женщин традиционно ниже, чем у кандидатов мужчин. Возможно, положение изменится только тогда, когда финансово окрепнут женские партии и начнут открываться женские банки.

Итак, последние три десятилетия происходит активное формирование научной теории политологии феминизма, что можно рассматривать как закономерный процесс развития общей теории политологии.

¹ См.: R a n d a l l V. // The University of Chicago Press. 1987. P. 19.

² См.: Women Power and political Systems. London, 1981. P. 210.

³ Ibid. P. 218.

⁴ Ibid. P. 116.

⁵ Л и т в и н о в а А. И. // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1983. С. 158.

⁶ F l o r a C. B. and L y n n N. B. // Women in Politics. 1994. N. V. P. 38.

⁷ Актуальные проблемы западной Европы: экономика, политика, идеология. Вып. 4. М. 1989. С. 151.

⁸ Barkley etc. University of California press. 1989. XV. P. 123.

⁹ См.: Актуальные проблемы Западной Европы: экономика, политика, идеология. С. 150.

¹⁰ См.: Women in Politics. P. 62.

¹¹ Ibid. P. 83.

¹² Социально-политическое положение женщин в США. М., 1990. С. 56.

¹³ A b b o r t P. Q. Sapsford Women and social class. London, 1987.

Е. Г. КАШТАНОВА

НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НАЛОГОВЫХ СИСТЕМ

Налоговые реформы большинства промышленно развитых стран в 80-е гг. строились исходя из рекомендаций популярной неоклассической экономической школы. К ней принято относить течения экономической мысли, базирующиеся на идее о способности экономики к саморегулированию при потенциально полном объеме выпуска продукции¹.

Неоклассическая теория в качестве главной движущей силы экономики рассматривает норму чистой (за вычетом налогов) прибыли на капитал. В центре анализа — индивид, экономическая деятельность которого определяется его предпочтениями, субъективными мотивами и стимулами. Поскольку главным рыночным инструментом являются цены, то лучшей признается та налоговая политика, которая искажает их в меньшей мере².

Неоклассический подход предполагает существование интегральной функции общественного благосостояния, равной сумме оценок благосостояния каждого индивида. Поэтому при исследовании эффектов налоговой политики необходимо прежде всего определить реакции субъектов на те или иные изменения в налогах. Соответственно основным методом исследования в неоклассических моделях является микроэкономический анализ.

Известно, что в послевосное время рост налогов определялся необходимостью «дотраивать рынок» в случаях недопроизводства общественных благ, товаров с позитивными внешними эффектами, а также в случаях перепроизводства товаров с побочными негативными эффектами. Основываясь на теории общественного выбора (Д. Бьюкенен, К. Виксель, Э. Линдаль), неоклассики делают вывод, что равновесие в обществе не будет нарушаться, если предельные затраты на проведение государственных программ (затраты рассчитываются как потери каждого индивида от уплаты налогов) будут равны предельной выгоде, получаемой от них каждым человеком. Нобелевский лауреат 1986 г. Д. Бьюкенен выдвигает интересный тезис о том, что искажение поведения индивидов в результате государственного вмешательства в экономику будет минимальным, если условия функционирования государства близки к рыночным, т. е. механизм политических выборов должен быть настолько конкурентным, чтобы обеспечивать победу наиболее приемлемым с общественной точки зрения экономическим программам. Таким образом, сами налогоплательщики как избиратели могут оказывать влияние на решения о размещении ресурсов в общественном секторе³. Однако для того, чтобы предпочтения избирателей были верными, налоги не должны искажать спрос на общественные товары. Это достигается построением таких налоговых систем, которые ставят налогоплательщиков в равные условия.

В рамках неоклассического подхода выделяют ряд специальных теорий налогообложения, исследующих методы построения налоговых систем, а также методы проверки существующих налогов на предмет их

эффективности. Наиболее известные среди них — теория экономики предложения, теория оптимального налогообложения и теория избыточного налогового бремени. Все они базируются на оценке соответствия налоговых систем критериям эффективности налогов. В наиболее развернутом виде систему критериев сформулировали Масгрейв и Стиглиц. Общим критерием является адекватность налогов рыночному распределению ресурсов. Кроме того, налоги должны регулировать доходы, а также восприниматься как справедливые. Если налоги не признаются таковыми, то никто не будет их платить. Необходимо исследовать и возможность их воздействия на стабилизацию цикла и экономический рост⁴.

По Маршаллу, избыточное налоговое бремя состоит из потерь излишка потребителя вследствие повышения цены товара, а также из потери излишка производителя за счет снижения выручки от продажи продукции. Сокращение объема продаж из-за налога снижает и эффективность производства. Потери тем выше, чем больше ценовая эластичность спроса и предложения⁵.

Проблемой экономической теории является определение величины избыточного налогового бремени, поскольку в неоклассической интерпретации сокращение объема производства адекватно снижает возможности долговременного накопления капитала.

Теория избыточного налогового бремени позволяет определить искажения условий потребительского и производственного выбора при осуществлении налоговой политики и одновременно исчислить величину субсидий, необходимых потребителям и производителям для того, чтобы они не уменьшали объемов производства и потребления⁶.

Теория оптимального налогообложения, в свою очередь, видит целью определение возможных путей снижения избыточного налогового бремени без изменения суммы поступлений в государственный бюджет. Оптимальным налогом будет тот, который оказывает минимальное избыточное давление на экономику. И только при этом условии интегральная функция общественного благосостояния достигает максимума⁷. Для решения таких задач обычно строятся макроэкономические модели на основе классической равновесной Вальраса (1874).

Вальрасовская модель предполагает двухсекторную экономику — с частным и государственным секторами. Частный сектор производит многие товары, которые потребляются домашними хозяйствами, государство производит один общественный товар. Домохозяйства поставляют рабочую силу. От величины ее предложения зависит объем производства, а следовательно, и потребления. Поэтому значимыми считаются те налоги, которые влияют на предложение рабочей силы: налог на труд и налог на потребительские товары.

Основным методом построения моделей является составление оптимизационных задач, в которых максимизируется функция общественного благосостояния. Ограничениями задачи служат критерии эффективности налогов: предполагается, что налоги должны приносить определенную сумму средств бюджету, регулировать распределение доходов и т. д. Задача решается методом последовательного сравнения различных вариантов налоговых реформ, и лучшим признается тот вариант, который сокращает налоговые потери. Результаты решения дают возможность проводить так называемые реформы общего улучшения и реформы, не нарушающие равновесие по Парето.

Реформа общего улучшения предполагает такое перераспределение налогов, при котором объем государственного бюджета сохраняется, а изменение относительных цен товаров позволяет увеличить взвешенную сумму полезностей домохозяйств. Однако при таком варианте налоговой реформы кто-то получит дополнительную выгоду от снижения налогов, а положение остальных может сильно ухудшиться, как это происходило во время широкомасштабного снижения налогов в США в 1964 и в 1981 — 1983 гг., когда крупный капитал получил возможность пользоваться дополнительными денежными средствами, в то время как налоговое давление на основную массу населения значительно увеличилось.

В ходе реформы улучшения по Парето рост общественного благосостояния не должен ухудшать благосостояния каждого отдельного члена

общества. Исходя из того, что в реальной жизни перейти к новой налоговой системе за короткий промежуток времени невозможно, теория оптимального налогообложения предлагает не только наилучший вариант налоговой системы, но и серию промежуточных вариантов для того, чтобы политики успели разработать и принять так называемое «второе — лучшее решение» и осуществляли переход к эффективной налоговой системе поэтапно, малыми реформами.

Таким образом, задача теории оптимального налогообложения сводится к нахождению алгоритма проведения малых налоговых реформ, совершенствующих действующую систему налогов.

Обобщением и популяризацией разработок представителей этих двух теорий занимаются теоретики предложения. Логика рассуждений экономистов предложения такова: налоги влияют не на доходы экономических субъектов, а на относительную ценность тех или иных экономических альтернатив, в частности труда и досуга. Чем выше налог, тем ценнее досуг, тем меньше времени остается для работы, т. е. повышение налога вызывает замещение труда досугом⁸. Кроме того, налоговая система уменьшает ценность сбережений по сравнению с ценностью текущего потребления, так как потребление практически не облагается налогом, а доход от сбережений в момент его получения (напр., дивиденды) облагается.

Важнейшую роль в принятии решений о дополнительном заработке и сбережениях играют налоговые ставки. Их рост усиливает эффект замещения, сокращает предложение труда, а стало быть, и объем производства. Средние ставки влияют на принятие решений о сбережениях. Подсчитано, что при средней ставке 50 % стимулы сберечь деньги, заработанные дополнительным трудом, сокращаются на 3/4⁹.

Теория предложения акцентирует внимание на том, что для налоговой ставки существует предел, после которого не окупаются ни трудовые усилия, ни сбережения, так как налогообложение в запретительной зоне ослабляет побудительные мотивы индивидов к дополнительному труду. Эта зависимость, описанная впервые в 1844 г. Дапуитом и популярная сегодня среди неоклассиков как «кривая Лаффера», определяется эластичностью предложения рабочей силы по доходу и колеблется по группам рабочих и видам налогов. Чем выше эластичность предложения и меньше прогрессивность налога, тем ниже запретительная ставка, и наоборот¹⁰.

Итак, практические рекомендации неоклассиков в основном касаются оживления деловой, и прежде всего инвестиционной, активности путем радикального снижения налогового бремени через сокращение предельных и средних ставок налогов, сокращение различных видов налогов, а также уменьшение прогрессивности налоговой системы. Одновременно рекомендуется упрощать налоговую систему, ликвидировать льготы и налоговые лазейки, снижать долю подоходного налогообложения по отношению к косвенному.

Налоговые реформы 80-х гг. были призваны дать новый импульс развитию частного бизнеса, увеличить сбережения в экономике. В ходе реформ налоги были сокращены более чем на 50 %. Несмотря на то, что прирост темпов экономического развития оказался ниже ожидаемого, налоговые реформы улучшили условия капиталообразования, способствовали длительному и устойчивому подъему конъюнктуры.

Базируясь на анализе поведения экономических субъектов в условиях изменения налогов, фискальные теории неоклассического направления дают универсальный метод разработки экономической политики. При изменении условий хозяйствования достаточно определить наиболее вероятное поведение индивидов, чтобы выявить пределы изменений налогового законодательства, не нарушающих условий рыночного равновесия.

¹ Auerbach A. J., Feldstein M. Handbook of Public Economics. Amsterdam, 1990.

² Усоскин В. М. «Денежный мир» Милтона Фридмена. М., 1989.

³ Отмахов Г. А. // Проблемы американистики. М., 1990. Вып. 2. С. 327.

⁴ Musgrave R. A. The theory of public finance. New York. 1959; D u p u

С. Г. ГОЛУБЕВ, В. М. ТЫЧИНО
**НАРОДНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ НА БЕЛАРУСИ:
БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?**

Центральной проблемой создания социально-ориентированной рыночной экономики в Республике Беларусь является трансформация сложившихся при административно-бюрократической системе отношений собственности. В этой связи представляется принципиально важным выработать рекомендации и определить пути эволюции отношений собственности применительно к сложившимся в республике конкретно-историческим условиям. На наш взгляд, процесс преобразования отношений собственности в Республике Беларусь, ориентированный на социал-демократические концепции развитых западных стран, будет целесообразным и эффективным.

В самом общем плане собственность, как известно, есть социальная фиксация принадлежности условий и результатов производства, или, другими словами, их социальная определенность (персонификация). Какими же видятся необходимые изменения в персонификации условий и результатов современного производства с точки зрения социал-демократии? На современном этапе развития экономических систем эти изменения в отношении собственности должны базироваться на концепции «экономической демократии».

Сердцевиной этой концепции является идея наделения работников предприятий собственностью, т. е. создание так называемых «фондов трудящихся», в которые каждый год будет поступать определенный процент (от 10 до 20) прибыли предприятий. Таким образом, величина фонда будет пропорциональна величине получаемой каждым конкретным предприятием прибыли. Образующийся фонд будет обращаться в акции данного предприятия. По расчетам авторов этой концепции, через 25 — 75 лет (в зависимости от размера процента отчислений от прибыли) работникам будет принадлежать большинство акций компаний, на которых они трудятся¹.

Необходимо отметить, что в настоящее время в Республике Беларусь сложилась благоприятная обстановка для трансформации государственных предприятий в народные. Она рассматривается теоретиками права, а также большинством трудящихся как императив. Эта позиция находит поддержку и среди лидеров социал-демократии и профсоюзов республики.

Более того, в настоящее время принципы коллективизации собственности внедряют свыше 100 предприятий Республики Беларусь, в том числе производственные объединения «Беларускалий», БелВАР», «Бобруйскагромаш», тресты «Белэнергострой», «Белсантехмонтаж № 2», минские заводы «Транзистор», рессорный, «Электронмаш», Борисовский и Несвижский заводы медпрепаратов, ряд совхозов, колхозов, предприятий торговли, бытового обслуживания, других предприятий и организаций².

В статье 4 Закона «О собственности в Республике Беларусь» определено, что «право собственности возникает путем трудового участия в хозяйственной деятельности по использованию имущества», а в статьях 50, 51 конкретно для государственных предприятий предусмотрено, что «часть чистой прибыли может передаваться в собственность членов трудового коллектива в порядке и размерах, определяемых законодательными актами Республики Беларусь или уставом предприятия». «Сумма прибыли, принадлежащая члену трудового коллектива, может образовывать его вклад в предприятие».

Закон о собственности вступил в действие с 01.01.91 г., и с этой даты у членов трудовых коллективов государственных предприятий возникло право на часть чистой прибыли своих предприятий. Вместе с тем при формировании долевой собственности у работников белорусских государственных предприятий возникает множество проблем. Поэтому обращение к зарубежному опыту создания народных предприятий (так называемые программы ЭСОП) позволит нам избежать некоторых ошибок и, что не менее важно, не заниматься изобретением велосипеда собственной конструкции. В мировой экономической практике внедрение программ ЭСОП, т. е. создание долевой собственности работников, является одним из инструментов мотивации трудящихся, мощным стимулом повышения производительности труда. Вот почему планы ЭСОП получили столь широкое распространение во всем мире: их внедряют в 56 странах, в том числе в таких развитых государствах, как США, Великобритания, Франция. Обратимся к опыту США.

В середине 70-х гг. в Соединенных Штатах стала необычно быстро распространяться коллективная форма собственности — переход предприятий во владение их работников с помощью финансового механизма программ наделения работников акциями (ЭСОП). Эти программы, созданные впервые в 50-х гг., обеспечивают наемным работникам коллективное владение всем акционерным капиталом или его частью. В 60-е гг. программы ЭСОП были реализованы лишь в горстке фирм, на которых было занято всего несколько тысяч работников; однако с 1974 г., когда конгресс США утвердил около 20 законодательных актов, стимулировавших создание программ наделения работников акциями, создание коллективной собственности стало привлекательным делом и для работников, выкупающих предприятие для предотвращения его закрытия, и для владельцев компаний, желающих продать их своим рабочим, и для компаний, стремящихся вовлечь своих рабочих в предпринимательство, и, наконец, для фирм, вводящих у себя дополнительные, не облагаемые налогом программы частного социального обеспечения своих работников. Налоговое стимулирование государством программ ЭСОП способствовало быстрому росту компаний с коллективной собственностью. Сегодня работники полностью или частично владеют 10.500 фирмами. На них занято более 11 млн человек (т. е. около 10 % наемной рабочей силы США). Эта цифра ежегодно возрастает приблизительно на 10 %³.

Не следует, однако, преувеличивать значения этих данных. Совместная собственность работников может означать практически любую долю их участия в собственности: от десятых долей до 100 % акционерного капитала. При этом «долевые участники», оказавшись в меньшинстве среди держателей акций компании, которой якобы «владеют», могут вовсе не оказывать никакого влияния на принимаемые решения. Программы ЭСОП в таких компаниях — это не более чем средство для получения работниками дополнительных социальных выплат. Теоретически в таких компаниях была бы должна осуществляться схема партнерства своих работников с посторонними держателями акций. На практике же эти компании почти ничем не отличаются от обычных компаний, за исключением того, что некоторой частью акционерного капитала владеют их же наемные работники, получающие таким образом прибавку к заработной плате в виде дополнительного дохода — дивидендов от накопления капитала.

Однако есть и компании другого типа: примерно в 1500 из них работники (около 1 млн) составляют большинство держателей акций. Около 200 компаний выкуплены работниками под угрозой их закрытия; другие, как правило, вполне рентабельные предприятия и компании работники также выкупают у владельцев; третьи (заводы или отделения) отпочковываются от крупных корпораций. На таких предприятиях работники стараются создать наиболее демократичные структуры управления. Хотя новые фирмы представляют собой пока лишь небольшой сектор экономики США, они вполне успешно конкурируют с традиционными американскими компаниями⁴.

Современный американский опыт использования прямой коллективной собственности на средства производства, пожалуй, самое убедитель-

ное доказательство выгоды превращения рабочих и служащих в совладельцев предприятий и компаний. Там, где основными держателями акций являются собственные работники, наделенные правом принимать решения, все производственные показатели, в том числе и производительность труда, выше, чем у их конкурентов, не имеющих коллективной собственности.

В чем секрет успешного демократического самоуправления предприятий и фирм, являющихся собственностью их работников? Это — изменение отношений к собственности, изменение роли работников в процессе принятия решений, подготовка персонала предприятия к самостоятельным действиям в качестве совладельцев.

Программы ЭСОП по наделению работников акциями — наиболее распространенная в США форма становления предприятий с коллективной собственностью. Формально в рамках компаний создается траст или фонд накопления, в котором содержится доля акционерного капитала каждого работника. Фонд управляется доверенным попечителем, действующим от имени всех работников. Таким образом, коллективное совладение всем или частью предприятия его работниками сочетается с индивидуальной собственностью каждого работника, со всеми вытекающими отсюда финансовыми благами.

Фонд программы накопления ЭСОП создается за счет вкладов предприятий, которые распределяются на личные счета работников. Участвуя в процессе производства, работник получает дивиденды на вложенный им в предприятие капитал, однако право воспользоваться всем капиталом он получает лишь при выходе на пенсию.

Целью программы ЭСОП в США является децентрализация владения собственностью. Для того чтобы склонить компании к предоставлению своим работникам долевого участия в акционерном капитале и его накоплению, в программах ЭСОП предусмотрены соблазнительные для предприятий налоговые льготы.

Компания делает предпринимательский взнос в виде своих акций (или наличных средств для их приобретения) в программу ЭСОП. Доверенный попечитель ЭСОП или ее административный комитет имеют также право взять наличные средства в кредит для приобретения акций компании. Сумма предпринимательского взноса в программу ЭСОП (или объем выплат по кредиту на ее формирование) вычитается из облагаемого налогом дохода компании. Ставка федерального подоходного налога на американские корпорации составляет 34 %. Вдобавок, в большинстве штатов добавляется еще налог на прибыль корпорации, объем которого в итоге составляет до 40 % общей суммы доходов компании. Как видно, каждый доллар из суммы предпринимательского взноса в программу ЭСОП позволяет компании сэкономить около 40 центов на один доллар налогооблагаемой суммы. Получается, что неуплачиваемый компанией подоходный налог остается у ее работников, а не у прежних акционеров⁵.

Находящиеся в коллективном владении акции или денежные взносы, которые ежегодно помещаются компанией в фонд накопления, распределяются по индивидуальным счетам и приобретенная таким образом работниками доля зависит от числа проработанных часов, заработной платы или иных показателей, учитывающих затраты труда. Американский закон предоставляет компаниям право выбирать различные способы наделения рабочих их долей собственности, однако как только компания выбирает один из них, она обязана применять именно этот способ для всех работающих. Программы ЭСОП не предусматривают равного долевого участия в акционерном капитале всех работающих; скорее, они предоставляют приблизительно равные доли дохода за одинаковую работу в компании в течение года. Ежегодные начисления на индивидуальные счета — это поощрение работников, имеющих большей стаж работы. Чем дольше человек работает в компании, тем больше у него акций.

Для того чтобы иметь гарантированное право на свои акции, работник должен участвовать в программе ЭСОП в течение нескольких установленных программой лет. Причина, по которой работники не сразу становятся полноправными владельцами своей долевой собственности,

а лишь спустя определенное (до 7 лет) время, заключается в необходимости поощрять непрерывный стаж работы на данном предприятии. Акции тех работников, которые покидают предприятие до наступления срока приобретения гарантированного права, выкупаются компанией и распределяются на счета остальных участников программы ЭСОП.

Экономический механизм реализации отношений собственности на коллективных предприятиях таков. После наступления срока действия гарантий работники становятся полноправными владельцами акций, включенных в их счета, однако эти счета представляют собой неотъемлемую часть и коллективного фонда накопления программы ЭСОП. Поэтому права индивидуальной собственности ограничены коллективом. Отдельные работники, пока их акции находятся в коллективном фонде ЭСОП, не могут продать или заложить свою долю собственности. Если же они уходят на другое предприятие или на пенсию, они имеют право получить либо свои акции, либо соответствующую сумму наличными. Если эти акции покупаются и продаются на рынке ценных бумаг, их можно продать по усмотрению работника. Однако если данная фирма является «закрытой» (т. е. если ее акции не обращаются на рынке ценных бумаг), а такими, собственно, и являются почти все малые и большинство средних компаний, то в этом случае компания обязана выкупить акции уходящего работника. Цена выкупасмой акции устанавливается ежегодно независимой третьей стороной. Акции, выкупленные компанией, вновь поступают в фонд накопления программы ЭСОП для распределения на индивидуальные счета работающих. Таким образом, ежегодно на счета работников, в том числе и новых, начисляются дополнительные поступления.

Программа приватизации в Республике Беларусь, предполагающая преобразование государственных предприятий в коллективно-долевые, явилась бы мощным стимулом повышения производительности труда на предприятиях, ступенью к возрождению экономики республики. Этому учит мировой экономический опыт. Более того, в условиях нестабильности экономики нашей республики, когда угроза массовой безработицы становится реальностью, наделение работников предприятий собственностью должно стать гарантом их социальной защищенности.

¹ См.: Meidner R. I. Samarbete med Hedborg A. och Fond G. Löntagarfonder. Stockholm, 1975. S. 19.

² См.: Довгел Е., Голубев С., Твердохлеб В. Как работнику предприятия стать собственником. Мн., 1995. С. 6.

³ См.: Лог Дж. // США: Экономика, политика, информация. 1991. № 10. С. 34.

⁴ См.: Блейз Дж. // Проблемы теории и практики управления. 1992. № 5. С. 50.

⁵ См.: Лог Дж. Указ. статья. С. 35.

О. В. БЕРКОВА

ТОВАРЫ ДЛИТЕЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ И МИКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ

В последние годы в преподавании экономической науки особое внимание уделяется микроэкономике и макроэкономике. Изложение микроэкономики немыслимо без использования теории поведения потребителя. Эту теорию обычно излагают по стандартной схеме: изучение предпочтений потребителя, внедрение понятия бюджетного ограничения, совмещение этих двух понятий для определения потребительского выбора. Теория потребителя обычно представляется в терминах кривых безразличия и основывается на анализах Парето, Хикса, Самуэльсона¹.

Рациональное использование теории позволяет, в частности, увидеть, как потребители распределяют свои доходы и как это влияет на спрос разных товаров и услуг, какие сочетания товаров выберут потребители и т. д.

Теории Парето и Хикса строились на ряде допущений, которые, однако, не препятствовали решению указанных задач: потребитель тратил весь свой доход на покупку предметов потребления, которые он и потреблял в течение одного периода (Парето), потребитель мог плани-

ровать изменение своих доходов, а также своего потребления на целую жизнь вперед (Хикс).

В современной реальной жизни не все так просто. Как быть, если нам захочется проанализировать поведение потребителя, покупающего товары длительного пользования, служащие ему не «период», не два, а сколько конкретно — вообще неизвестно, да еще, если покупает он их в кредит? Как быть, если современный потребитель покупает акции, облигации, делает сбережения и избавляется от них тогда, когда ему вздумается, независимо от перспектив своего дохода? Как быть, если покупка квартиры, машины и многого другого становится способом делать сбережения, так как их можно продать, чтобы купить новые или пополнить свои финансовые активы?

В этом случае для анализа уже не хватает рамок традиционной теории поведения потребителя. Здесь нас уже не устраивает не только анализ Парето на микроэкономическом уровне, но и анализ Кейнса на макроэкономическом: сбережения не есть прямая функция дохода.

С такими проблемами столкнулась и западная экономическая мысль в 50 — 60-е гг. Возникла необходимость искать новые схемы потребительского выбора, учитывающие те изменения, которые привнесла жизнь. Эти проблемы не остались без внимания таких видных ученых, как Фридмен, Модильяни, Крамер².

Базируясь на анализе Парето, французский экономист Б. Пиганиол вводит свои допущения, которые зависят от того, какая задача решается на данном этапе³. Свой анализ он начинает с решения наипростейшей задачи: как будет выглядеть график потребительского выбора, если одно из выбираемых благ — предмет длительного пользования? Но сначала необходимо уточнить «переменную выбора», т. е. в каком виде потребляется этот самый предмет длительного пользования. В случае отдачи внаем «переменная выбора» есть количество полученных услуг, в случае покупки «переменная выбора» — количество купленных товаров длительного пользования.

Эта логика исследования не уведит далеко от анализа Парето: абсцисса может показывать количество товаров текущего потребления (ТТП), а ордината — количество товаров длительного пользования (ТДП), имеющиеся на конец исследуемого периода. Однако линия бюджетного ограничения претерпит некоторые изменения в своей формальной записи. Базовой может служить стандартная формулировка: $px + qy = R$, где R — денежный доход, предназначенный для потребления, x и y — соответствующие количества товаров в коротком периоде, p и q — соответствующие цены.

Но в нашем случае $y = Y - K$, где K — запасы ТДП в начале периода, Y — количество ТДП, имеющееся в конце периода. Отсюда $px + q(Y - K) = R$. Следовательно, линия бюджетного ограничения $px + qY = R + qK$. Допускается также, что семья:

- а) берется расходовать свой общий доход в течение изучаемого периода и продает, если нужно, часть своих запасов ТДП;
- б) максимизирует свое удовлетворение в функции дохода и цен благ;
- в) может купить или продать ТДП по той же цене в течение данного периода.

Уже на этом этапе исследования можно сделать некоторые интересные выводы. Семьи могут использовать свой растущий доход, а могут, например, продавать свое наследство. Поэтому у молодых и стариков может быть одинаковый доход, но различное потребление. Следовательно, знание величины дохода недостаточно, чтобы определить при существующих ценах выбор потребителя. Необходимо учитывать, что существуют одновременно политика использования доходов и политика «управления» своим состоянием, которые тесно связаны.

Если же рассматривать спрос не как функцию дохода и состояния, а как функцию цены, то изменения цены на ТТП и ТДП дадут разные результаты. Изменение цены на ТТП и ТДП дает уже известные нам эффекты субституции и дохода: когда цена ТТП уменьшается, мы можем купить их больше (бюджетная линия сдвигается), но не всегда этого хотим. Если мы стали относительно богаче, то можем купить новое соотношение ТТП и ТДП.

В нашем случае может возникнуть зона цен на ТТП, когда потребитель, чтобы достичь максимума удовлетворения, будет продавать часть своих запасов ТДП. Эта зона может существовать или не существовать: все будет зависеть от уровня запасов. Таким образом, изменение цен ТТП может вести потребителя от положения, где он продавец, до положения, где он покупатель, и наоборот.

При изменении цены на ТДП, мы получаем новый эффект — эффект искусственного повышения стоимости нашего состояния (*l'effet de valorisation de patrimoine*).

Чтобы понять его, вначале можно допустить, что доход потребителя, запас ТДП в начале исследуемого периода и цены на ТТП постоянны, а цена на ТДП изменяется. А затем рассуждать следующим образом.

Если потребитель покупает ТДП, когда цены на них растут, удовлетворение потребителя уменьшается. Когда же потребитель продает ТДП по возрастающим ценам, его удовлетворение тоже прогрессивно растет. Потребитель достигает все большей и большей суммы ликвидности для одного и того же количества проданных ТДП, т. е. суммы, на которую он может купить все больше и больше ТТП.

Из этого можно сделать вывод, что удовлетворение потребителя минимально, когда цены на ТДП таковы, что $Y = K$. Если он оставляет эту позицию, его ситуация может только улучшаться.

Таким образом, при повышении цен на ТДП мы имеем эффект искусственного повышения стоимости состояния, ощутимый только тогда, когда потребитель находится в позиции продавца.

Дополнив теорию Парето таким образом, мы получили возможность учитывать важность «состояния» при покупке товаров как длительного, так и текущего пользования. Эффект состояния может интегрироваться в анализ поведения сберегающих-потребителей, а также поведения покупателей и продавцов на рынке недвижимости.

Следующий немаловажный вопрос в нашем анализе: какую форму примет кривая безразличия, принимая во внимание, что ТДП имеют форму целых неделимых единиц, за исключением тех случаев, когда в результате отдачи вносим «переменная выбора» есть количество полученных услуг.

Рассмотрим наборы, сформированные из двух типов благ — делимых и неделимых.

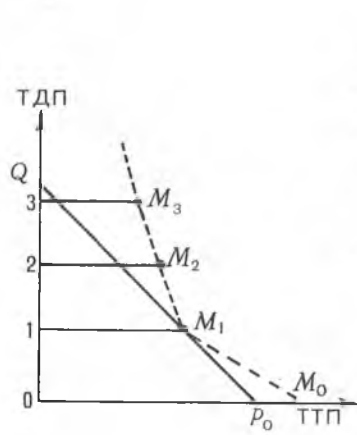
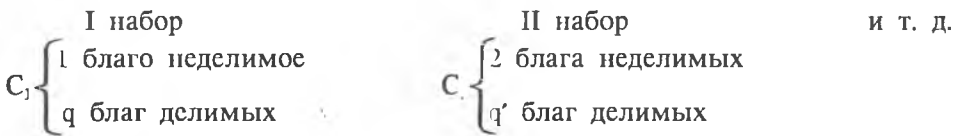

Рис 1

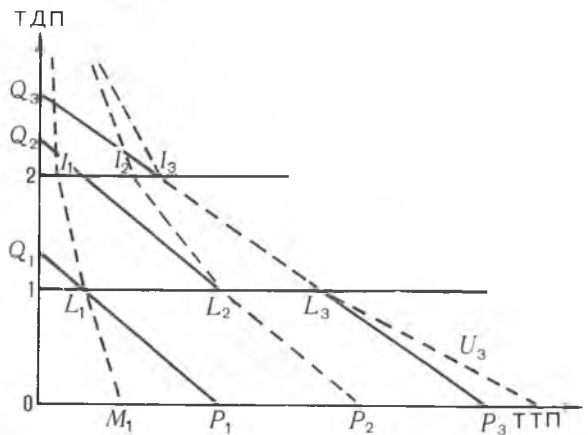

Рис. 2

На кривой безразличия точки, расположенные между C_1 и C_2 , являются несуществующими, ибо они соответствуют совокупности потребления, где количество неделимых благ не является целым числом (рис. 1). Предельная норма субституции двух благ (MRS) в этом случае

будет величиной прерывистой. Для каждой точки существует две нормы субституции. Например, в M_1 :

$$MRS_{M_2 M_1} = -\frac{dn}{dq} = -\frac{1}{q_2 - q_1}; \quad MRS_{M_2 M_3} = -\frac{dn}{dq} = -\frac{1}{q_2 - q_3}.$$

Напротив, для каждого интервала существует только одна норма субституции (предельная норма замещения), причем $MRS_{M_2 M_1} < MRS_{M_3 M_2}$.

Теперь встает вопрос о равновесии потребителя, выбирающего между благами делимыми и неделимыми. Если изобразить этот процесс геометрически, то это будет выглядеть в виде сети точек, имеющей общую точку с линией бюджета. Эта точка существует и она единственна, если сеть равных точек выпукла. Удовлетворение потребителя максимально для этих платежных средств.

Напомним, что когда кривые безразличия непрерывны, MRS в точке равновесия равна соотношению цен, т. е. наклону линии бюджета. Здесь же соотношение цен находится в промежутке $MRS_{M_1 M_2} < \frac{q}{p} < MRS_{M_3 M_2}$.

Особый вид кривой безразличия как результат анализа ТДП подводит нас к вопросу, который в традиционной теории поведения потребителя не мог рассматриваться. Это вопрос минимального порога обладания. Допустим, потребитель приобретает совокупность благ, максимизируя полезность. Здесь возможны три случая (рис. 2).

Первый случай: потребитель располагает средствами D_1 , соответствующими линии бюджета $P_1 Q_1: D_1 = R_1 + V = px + qn$, где R_1 — доход за исследуемый период и V — «состояние».

На этой линии расположены две возможные позиции L_1 и P_1 , соответствующие либо покупке единицы ТДП, либо отказу от них вообще. Потребитель предпочел P_1 , так как если он разместится в L_1 , эта позиция, расположенная на сети точек безразличия $I_1 L_1 M_1$, будет эквивалентна M_1 . Так как точка M_1 расположена ближе к началу координат, чем P_1 , то эта последняя есть точка оптимального равновесия.

Второй случай: потребитель располагает средствами D_2 , соответствующими линии бюджета $P_2 Q_2: D_2 = R_2 + V = px + qn$. Эта линия имеет особую позицию, так как ее угол наклона $\frac{q}{p}$ равен $MRS_{P_2 L_2}$ на сети безразличия

$P_2 L_2 I_2$. Две точки P_2 и L_2 — являются эквивалентными: потребитель может выбрать любую из них, так как расходы и полезность этих двух точек равны (этого не будет при непрерывности кривых безразличия). Такая позиция является первой, которая позволяет потребителю покупать ТДП, не ощущая уменьшения своего удовлетворения. Это линия располагаемого финансового минимума, соответствующего порогу обладания первой единицей ТДП для данной системы цен.

Третий случай: потребитель использует финансовые средства D_3 , соответствующие $P_3 Q_3$. Точка равновесия на этот раз L_3 или I_3 , так как наклон линии бюджета равен MRS между L_3 и I_3 . Потребитель может приобрести две единицы ТДП. Он пересекает порог обладания, соответствующий второй единице ТДП.

Таким образом, неделимость ведет к порогу обладания для каждой единицы неделимого блага. Эти пороги связаны для системы данных цен со средствами платежа и предпочтения семей, т. е. они являются персонализированными. Когда средства платежа располагаются между двух порогов, число купленных единиц не меняется, пока новый порог не достигнут. В этом интервале спрос на неделимые блага не зависит от изменений количества средств платежа. (Хотя в реальной жизни бывает и так, что, достигнув необходимого порога, люди не покупают того, в чем нуждаются).

В наших условиях различные манипуляции с бюджетной линией позволяют обнаружить еще некоторые интересные явления. Например, бывает, что цена неделимого блага падает. Линия бюджета поворачивается вокруг P_1 и проходит из позиции $Q_1 P_1$ в позицию $Q_4 P_1$ (рис. 3).

В позиции $P_1 Q_1$ линия бюджета пересекает в точке L_1 сеть точек безразличия $I_1 L_1 M_1$. Здесь L_1 не является точкой оптимума, так как сеть

точек безразличия находится по разные стороны от линии бюджета. До позиции P_1Q_1 потребитель использует только ТТП. Точка равновесия располагается только на горизонтальной оси в P_1 . В позиции P_1Q_2 две точки L_2 и P_1 являются возможными для потребителя, так как угол наклона линии бюджета равен MRS между P_1 и L_2 . Для позиции непосредственно между P_1Q_1 и P_1Q_2 точкой равновесия всегда будет P_1 .

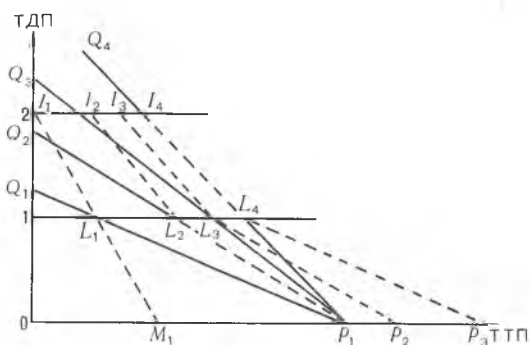

Рис. 3

Существует таким образом область изменения цены (для располагаемой величины финансов), которая несколько не меняет выбор потребителя. Отсюда и вытекает понятие максимальной цены покупки. Оно существует для каждой единицы ТДП. Предприятие, продающее ТДП, может приблизительно определить количество возможных покупателей, учитывая два критерия: обладания потребителя финансовым минимумом и максимальной цены покупки.

¹ См.: Gould J.-P., Ferguson C. E. Theorie microeconomique. Paris, 1984.

² См.: Milleron J.-C. Introduction a la microeconomie. Paris, 1979.

³ См.: Piganiol B. Consommation, epargne et biens durables. Paris, 1969.

М. В. НАУЧИТЕЛЬ, Б. В. СОРВИРОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Уровень теоретического осмысления проблем перехода к рыночной экономике, достигнутый на сегодняшний день экономической наукой, следует оценить как явно недостаточный и весьма неопределенный. Если даже предположить, что существует специальная область экономической теории, занимающейся переходом к рынку, то вполне очевидно доминирование ее рекомендательной части над описательной. В большинстве работ на эту тему проблема перехода к рынку ставится так, будто все уже давно ясно и остается только определить программу конкретных действий. За период так называемой перестройки к такой ситуации все настолько привыкли, что просто перестали замечать ее абсурдность. Ведь та теоретическая основа, на которой базировалась и продолжает основываться работа по хозяйственным преобразованиям не только в нашей республике, но и в других странах СНГ, зиждется, по сути дела, на отдельных догадках, наблюдениях, прожектах и пожеланиях. Не более!

Как правило, в такой интерпретации переход к рынку, сама реформа предстают либо специфическими сторонами, доступными пониманию лишь небольшой группы профессионалов, либо в виде общих деклараций о преимуществах рыночного хозяйства. При этом последние, вероятно, могут вдохновить на проведение преобразований, но не дают цельной картины сопутствующих процессов. В то же время, если отбросить в сторону крайности, средний уровень обобщения переходных процессов, когда накопленный теоретический и эмпирический материал позволяет дисциплинировать наши размышления о реформе и не застопоривать их на каком-либо частном вопросе, практически отсутствует. А это верный признак того, что с экономической теорией, точнее, теорией, изучающей и описывающей переходные процессы, не все благополучно.

Однако в том, что переход от одного типа экономики (командно-административного) к другому (рыночному) практически не опирается на теорию, есть своя закономерность. Похожим образом осуществлялся и предыдущий переход — от рынка к плану в 20-е годы. Тогда, как и теперь, реформаторам лучше виделась конечная цель, чем трудности и пути ее достижения. В этой связи возникает закономерный вопрос: а стоит ли вообще тратить время на разработку самой теории перехода к рынку? При такой постановке вопроса видятся и возможные аргументы в пользу этой точки зрения.

Во-первых, переход к рынку представляет собой уникальное событие, которое повторяется в истории страны один раз. Однако уникальными виделись в свое время и другие хозяйственные катаклизмы, хотя и меньшего масштаба: первый биржевый крах, первая гиперинфляция, первый экономический кризис. А эти события, как показывает история, имеют тенденцию повторяться.

Во-вторых, отсутствие теории перехода к рынку отнюдь не мешает реформаторам и авторам программ рыночных преобразований и вариантов путей преодоления переходного кризиса дискутировать на темы становления рынка и определения даже временных показателей появления рыночной экономики. Наоборот, ее наличие вынуждало бы их якобы вписываться в ту или иную систему постулатов и выводов, ограничивало бы саму реформаторскую мысль «специалистов» рыночной экономики, что привело бы к снижению эффективности их пропагандистских усилий.

В-третьих, «экономика» на времени разработки теории перехода к рыночной экономике позволит сразу же перейти к решению практических задач по «вводу» рынка в республике, поскольку для успешного перехода к рыночной экономике достаточно, мол, знать, как она устроена. А поскольку этих знаний накоплено много и они тиражируются средствами массовой информации, то создается иллюзия, что и реформы основываются на прочном теоретическом фундаменте.

Ошибочность подобной точки зрения и представлений о необходимости разработки и изучения теории переходного периода к рынку очевидна: одно дело — понимать устройство рыночного механизма, его функционирование, другое — уметь его создать. «Иронией судьбы, — писал профессор Йельского университета В. Нордхауз, — является то, что Советский Союз второй раз за это столетие вынужден идти по нехоженой тропе. Хотя в отличие от первого раза сейчас, переходя от командной к рыночной экономике, он движется по направлению к хорошо изученной территории. Мы можем многое сказать о том, как экономика стран Восточной Европы будет функционировать после того, как она осуществит переход к рынку. Неясности возникают главным образом по поводу самого перехода от централизованно-планируемой к рыночной экономике»¹.

В наших же условиях — симбиоза командно-административной экономики и извращенных форм рынка, рудиментов «дикого капитализма» XIX века — рекомендации некоторых специалистов-рыночников бывают порой неконструктивны и ошибочны. Своей несбыточностью или преждевременностью некоторые из них, быть может, скорее мешают, чем помогают делу.

Вместе с тем обилие рекомендаций и постоянное повторение некоторых из них в дискуссиях экономистов создают впечатление существования теории рыночного перехода. Этому способствуют категоричность и решительность формулировок предлагаемых мероприятий, детальная проработка программ перехода к рынку, расписанные по времени и объему сроки преодоления кризисных явлений в экономике, после которых (наконец-то!) наступит вожделенный рынок.

Однако ни обилие идей, ни число и авторитет их приверженцев не способны отменить печальный факт незавершенности наших взглядов на процесс перехода. Детали, возможно, и ясны, но целостной картины нет. И прежде всего в той ее части, дать которую должна экономическая теория. Безусловно, давно уже изучаются такие проблемы, как инфляция, налогообложение, эмиссия денег, конвертируемость и многие другие, которые остро стоят перед экономикой республики. Эти проблемы в течение длительного времени не привлекали внимания нашей экономической науки. Но вполне очевидно и то, что они все-таки не имеют непосредственного отношения к рыночному переходу. Это вторичные признаки, сопутствующие основной работе, но не составляющие ее суть.

Основная работа ассоциируется у нас по традиции не столько с теориями, сколько с программами, в том числе и перехода к рынку. Наличие таких программ, скрупулезность разработки их некоторых разделов способствуют тому, что теоретические идеи, их логические построения выглядят слишком отвлеченными, не учитывающими мно-

гих важных факторов. Теория — не программа, и требовать от нее ответов на конкретные вопросы неправомерно. В такой постановке данный тезис не встречает особых возражений. Но в своем развернутом виде «программа — не теория» он менее убедителен. Складывается впечатление, что многие экономисты-практики искренне верят в то, что если выбрать из зарубежного опыта реформирования все, давшее позитивные, с их точки зрения, результаты, то в итоге как раз и получится более или менее законченная теория рыночного перехода.

Подобные представления достаточно широко распространены, хотя и не сформулированы в явном виде. В этой связи следует заметить, что, во-первых, опыт уже проводимых реформ относится больше к эмпирической, чем к теоретической стороне проблемы. Полагать, что путем простого отбора удачных мероприятий можно получить теорию рыночного перехода, весьма наивно и опасно для будущих реформ.

Во-вторых, даже если реформа закончилась успешно, это еще не означает правильности и обоснованности программы. Всегда остается вероятность, что преобразования могли бы быть проведены проще, быстрее, безболезненнее, без негативных социально-экономических и политических ошибок. Предварительные теоретические знания играли бы здесь не последнюю роль.

В-третьих, нет гарантий того, что программа, осуществленная в одной стране, не натолкнется на непреодолимые трудности в другой. И дело здесь, прежде всего, не в национальной специфике, а в разных масштабах решаемых задач. Теоретические ошибки реформаторов, к примеру в Польше, усугубляя хозяйственные трудности в своей стране, могут не влиять в целом на позитивный результат преобразований. Но, повторенные в наших условиях, те же ошибки способны, возможно, надолго затормозить процесс реформирования или даже повернуть его вспять.

В-четвертых, понимание, куда идти, далеко не равнозначно вопросу, как идти. Если в первом случае зачастую достаточно веры, убеждения, житейского опыта сравнения современного уровня развития двух систем, то во втором нужны не только глубокие познания в области экономической теории и практики развития капиталистического мира, но и не менее глубокие и всеобъемлющие познания закономерностей функционирования командно-административной системы, равно как и ее распада.

Ни для кого не секрет, что на такую систему знаний не опиралась еще ни одна из многочисленных экономических программ, принятых за последние годы. Мероприятия же, осуществленные в этот период, не только не достигали целей, но часто имели результаты, прямо противоположные тем, которые они преследовали. И дело здесь не только в отсутствии необходимого научного потенциала в республике и соответствующих институциональных структур, способных оперативно абсорбировать поток научной и прочей информации и принимать на ее основе решения. Эффективность тех или иных программ, помимо запаса знаний, на который они опираются, зависит еще, по всей вероятности, от самого состояния хозяйственной системы (в статическом или динамическом состоянии она находится), уровня теоретического обобщения предшествующих этапов и периодов развития экономики и разработки теоретических основ экономики переходного типа.

Мы живем в стремительно меняющемся мире, и лишь небольшим преувеличением будет мнение, что наши знания об этом мире устаревают раньше, чем объективно могли бы быть накоплены. Степень неопределенности перспектив развития хозяйства, безусловно, сейчас наиболее высокая за последние годы, и она еще многократно усиливается за счет неопределенности социально-политических процессов: формирования новых политических структур, социальных конфликтов и т. п.

В этой связи закономерен вопрос, в какой мере, вырабатывая концептуальные основы перехода к рынку, мы, в нашей ситуации, можем опираться на мировой опыт? При постановке такого вопроса отнюдь не подвергается сомнению важность использования достижений западной экономической мысли, опыта перехода от военной к мирной экономике в странах Западной Европы, опыта рыночных реформ в развивающихся странах и многого другого. Проблема же заключается в том, как этот опыт приложить. При всей сложности этой проблемы очевидно, по

крайней мере, то, что применение мирового опыта будет тем эффективней, чем полнее будет знания о нашей хозяйственной системе — ее недавнем прошлом, изменчивом настоящем, т. е. о том, к чему этот опыт должен быть приложен.

Наряду с явно недостаточным уровнем наших знаний о бывшей хозяйственной системе и высокой степенью неопределенности перспектив ее развития как факторов, ограничивающих возможность целенаправленного воздействия на ход общественно-экономического развития, отчетливо виден и еще один важнейший момент — пробел в теоретическом обосновании перехода к рынку, вернее — преодоления кризиса переходного периода экономикой республики.

Но что считать теорией перехода к рынку: либо систематизированные и по необходимости отвлеченные логические построения, либо эклектический набор конкретных рекомендаций типа «финансовой стабилизации», «приватизации государственной собственности», «либерализации цен» и т. п.?

Многие предпочтут, пожалуй, второй вариант, обосновывая это скоротечностью перемен, недостатком отпущенного времени и прочими причинами практического характера. В пользу же первого варианта трудно отыскать, наверно, столь веские аргументы. А вместе с тем именно первый вариант позволил бы, абстрагируясь от чисто идеологической и политической конъюнктуры, определить, обосновать все трудности, опасности (с точки зрения социального взрыва) на пути реформирования командно-административной экономики в рыночную, помог бы избежать тех «ловушек», в которые постоянно попадают наши реформаторы.

Следует, впрочем, заметить, что недоверие к потенциальным возможностям экономической теории — явление далеко не новое. Было бы ошибочным выводить его из особенностей переживаемого момента. Еще Ж.-Б. Сэй, оценивая состояние и перспективы развития своей науки, писал: «В Политической Экономии, как и во всякой другой науке, начала суть истинно полезная часть, способная к важнейшим приложениям. Теория рычага и наклонной плоскости предала во власть человека всю природу; теория обменов и сбыта изменит политику мира. Время систем прошло; время неясных теорий — также»².

Слова эти были написаны почти два века тому назад, когда многим, в том числе и Ж.-Б. Сэю, казалось, что после А. Смита экономическая теория в основном завершена, по крайней мере, в своей полезной для практики части. С тех пор возникло много новых «систем» и «неясных теорий». Назовем лишь несколько наиболее известных имен: Дж. С. Милль, К. Маркс, А. Маршалл, Дж. Кейнс, Й. Шумпетер. Но чувство достаточности уже добытых знаний благополучно дожило до сегодняшнего дня, определяя в той или иной мере наше восприятие проблем рыночного перехода.

¹ Economic reform and integration. Collaborative paper. Proceedings of 1—3 March 1990 meeting, International Institute for Applied Systems Analysis. Laxenburg, 1990. P. 165.

² Сэй Ж.-Б. Катехизис политической экономии или краткое учение о составлении, распределении и потреблении богатств в обществе. СПб., 1883. С. XIII—XIV.

В. М. БУСЬКО

КРЫТЫКА ФАШЫСЦКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ПАЛІТЫКІ І ІДЭАЛОГІІ ВУЧОНЫМІ БЕЛАРУСІ

(1922—1929 гг.)

Сёння нярэдка можна пачуць выказванні некаторых грамадазнаўцаў аб блізкасці камуністычнай і фашысцкай ідэалогій. Прыхільнікі другога напрамку не толькі адмаўляюць падабенства гэтых ідэалогій, але гавораць аб іх карэннай сацыяльнай супрацьлегласці: камунізм — ідэалогія пралетарыяту, фашызм — ідэалогія найбольш рэакцыйнай часткі буржуазіі. Цікавым, на нашу думку, будзе азнаямленне з поглядамі на гэту праблему беларускіх навукоўцаў-грамадазнаўцаў 20-х гадоў, калі якасці

абедзвюх ідэалогій правяраліся ў практычным жыцці шэрагу краін Еўропы, дзе да ўлады прыйшлі камуністы ці фашысты.

Аналіз эканамічнай думкі Беларусі таго перыяду паказвае, што ўжо ў 1922 г. з'яўляюцца першыя спробы асэнсаваць фашысцкую ідэалогію. Так, нарком працы рэспублікі В. А. Нодэль¹ звязаў з'яўленне гэтага феномена з заняпадам капіталістычнай гаспадаркі, у выніку якога, на яго погляд, у пошуках выйсця з палітычнага і эканамічнага крызісу буржуазія перайшла да ліквідацыі дэмакратычных свабод, выкарыстоўваючы абсалютную дыктатуру буйнога капітала. Для доказу такой высновы Нодэль абапіраўся на выказванні лідэра італьянскіх фашыстаў Б. Мусаліні.

Больш грунтоўна і глыбока гэта пытанне разгледзеў праф. БДУ М. Канаплін² у канцы 20-х гадоў, калі фашызм канчаткова сфарміраваўся і з'явілася магчымасць тэарэтычнага асэнсавання яго сутнасці. Беларускі вучоны даследаваў практычна ўсю ідэалогію фашызма, асабліва яе палітычны, эканамічны і сацыяльны бакі, выкарыстоўваючы погляды Б. Мусаліні і праграму італьянскіх фашыстаў «Харція працы», ідэалагічна італьянскага і нямецкага фашызму — М. Рока, Д. Джынцэлі, В. Парэта, В. Зомбарта, О. Шпана, Л. Мізэса і нават прэзідэнта Польшчы Ю. Пілсудскага.

М. Канаплін лічыў, што згодна з фашысцкай ідэалогіяй, жыццё мае не індывідуальны, а калектыўны пачатак, які адлюстроўваецца ў дзяржаве, яе культуры і менталітэце нацыі. Апошняе дазволіла фашыстам разглядаць грамадства як біялагічную істоту, у якой няма нічога для асобы (індывіда), а ўсё — для дзяржавы, паколькі асоба з'яўляецца сродкам, інструментам дасягнення галоўнай мэты — арганізацыі і абароны грамадства ад распаду.

Беларускі крытык спыніўся на думцы Б. Мусаліні, згодна з якой асноўная памылка марксізма — азначэнне класавай барацьбы як рухавіка развіцця грамадства. Дучэ не абвяргаў супярэчнасцей паміж рабочымі і буржуазіяй, але яны, па яго сцвярджэнню, часавыя, а галоўнае — іх супрацоўніцтва ў межах, якія вызначаюцца воляй усёй нацыі. Адсюль, па М. Канапліну, вынікала затушоўванне фашыстамі класавай барацьбы, наяўнасці супрацьлеглых класавых інтарэсаў, тады як у аснове развіцця грамадства ёсць адзін аб'ядноўваючы пачатак — нацыяналізм.

Звярнуў увагу Канаплін і на негатыўныя адносіны фашыстаў да парламента як формы дэмакратыі. У доказ прывёў разважанні В. Парэта, які прыпадабняў парламент псіхалагічнаму інструменту для народа, кіраваць жа павінна абмежаваная колькасць таленавітых людзей, здольных аб'ядноўваць інтарэсы дзяржавы і народа. Аднак прыняццём ісрархічнасці, па Канапліну, вядзе, наадварот, да ўмацавання ролі мясцовых органаў улады, што праявілася ў дзейнасці італьянскіх прэфектур, якія праводзілі жорсткія дырэктывы партыі. Такую пазіцыю адносна змсны механізма дзяржаўнага кіравання ён выводзіў з умацавання эканамічнай улады буржуазіі, якая вядзе да неабходнасці станаўлення і ўмацавання яе палітычнай улады. На практыцы ж гэту палітыку можа праводзіць толькі партыя, якая зрастаецца з дзяржаўным апаратам, выказваючы тым самым інтарэсы не народа, а буржуазіі.

У даследаванні Канапліна шмат увагі надаецца ідэі італьянскіх фашыстаў пра «карпаратыўную дзяржаву», ператворанай імі ў жыццё. Гаворачы пра такую якасць карпарацый, як адначасавы прымусовы ўдзел у іх дзейнасці ўсіх пагалоўна працоўных і падпрымальнікаў пры кіруючай ролі прадстаўнікоў партыі, ён зрабіў выснову: «Не могуць яны рэальна існаваць па той прычыне, што заклікаюць наладзіць супрацоўніцтва класаў, прымірыць класавыя супярэчнасці», г. зн. у аснову крытыкі ім быў пакладзены тэзіс аб непрымірымасці інтарэсаў рабочых і буржуазіі. У той жа час беларускі вучоны, на наш погляд, не закрануў зусім іншую якасць карпарацый, а менавіта прымусовасць удзелу ў іх працоўных і падпрымальнікаў, што ўшчамляла свабоду дзейнасці суб'ектаў рыначных адносін.

Паспрабаваў беларускі крытык выявіць і сацыяльныя сілы, якія высунулі на авансцэну грамадскага жыцця ідэалогію фашызма. На яго думку, першапачаткова фашысцкія ідэі падтрымала дробная гарадская

буржуазія і тая частка рабочага класа, якая хацела ўдзельнічаць у кіраванні дзяржавай, але па розных прычынах была пазбаўлена гэтага. Як бачым, Канаплін лічыў, што азначаныя групы насельніцтва выступілі адначасова як супраць буйнога капіталу, так і той часткі рабочага класа, якая ўжо дабілася некаторых праў у кіраванні прадпрыемствамі і забяспечыла сабе пэўныя сацыяльныя гарантыі. Пры гэтым беларускі вучоны паказаў эвалюцыю поглядаў Б. Мусаліні, які пачынаў сваю палітычную кар’еру з абароны прагрэсіўных патрабаванняў аб неабходнасці ўвядзення васьмігадзіннага працоўнага дня, устанавлення дзяржаўнага мінімуму заробтнай платы для ўсіх наёмных рабочых, абавязковага страхавання беспрацоўных, удзелу рабочых у тэхнічным кіраванні вытворчасцю (перш за ўсё права кантролю), увядзення прагрэсіўнага падаткаабкладання і г. д., а ў выніку закончыў рэпрэсіямі ў адносінах да тых груп насельніцтва, якія яго падтрымалі. Па Канапліну, дробная буржуазія, якая імкнулася такімі сродкамі змагацца з рыначнай стыхіяй, ідэалізавала эканамічную сістэму, заснаваную на прыватнай уласнасці, паколькі лічыла яе здольнай развівацца чалавека як асобу, абуджаць яго ініцыятыву і пагэтаму на пэўным этапе выступаць разам з буйным капіталам супраць пралетарыяту, які адвяргае інстытут прыватнай уласнасці.

Беларускі вучоны не адмаўляў часовыя поспехі эканамічнай палітыкі фашыстаў у Італіі, якія аднак хутка змяніліся зніжэннем тэмпаў росту вытворчасці, павелічэннем беспрацоўя, скарачэннем рэальнай заробтнай платы, ростам падаткаў, мілітарызацыяй эканомікі, залежнасцю краіны ад замежнага капіталу. Усе гэтыя з’явы, на яго погляд, садзейнічалі росту агрэсіўнасці палітыкі такіх дзяржаў, як Італія і Польшча.

У той перыяд, з лёгкай рукі І. Сталіна, да прыхільнікаў фашызму камуністычныя тэарэтыкі адносілі і сацыял-дэмакратыяў. М. Канаплін зрабіў таксама некаторы ўклад у гэту тэарэтычную скабонку. Так, ён ваяўніча абвяргаў разважанні Генеральнага сакратара II Інтэрнацыянала Ф. Адлера, згодна з якімі міжнародны рабочы клас, улічваючы вопыт СССР, павінен ажыццявіць пераход да сацыялізму інакш: надзеі на сусветную рэвалюцыю не апраўдаліся ў многім з-за ўстанавлення ў Расіі дыктатуры пралетарыяту, што адштурхнула працоўных іншых краін. Менавіта бальшавікі, па Ф. Адлеру, павінны ў расколе міжнароднага рабочага руху ў выніку ліквідацыі ў сваёй краіне палітычнай дэмакратыі, што садзейнічала пераходу сусветнай ліберальнай буржуазіі да палітыкі рэакцыі і ўстанавленню рэжыму фашызму ў шэрагу буйных краін.

М. Канапліна не задаволілі таксама выказванні К. Каўцкага, што пакуль прыватная уласнасць патрэбна не толькі буржуазіі, але і працоўным, каб паміж імі склалася раўнавага сіл, а захаванне стабільнасці грамадства неабходна як тым, так і другім. Крытыкуючы разважанне К. Каўцкага, беларускі вучоны, натуральна, спасылаецца на вучэнне К. Маркса аб дзяржаве і выдзяляе галоўнае — органам якога класа яна з’яўляецца. А паколькі ў буржуазным грамадстве дзяржава — гэта орган буйнага капіталу, то яна і з’яўляецца зброяй падаўлення эксплуатаемых мас. У доказ ідэалагічнай блізкасці фашыстаў і сацыял-дэмакратыяў М. Канаплін прывёў тэорыі «карпаратыўнай дзяржавы» першых і «гаспадарчай дэмакратыі» другіх і паказаў, што іх агульная аснова — ідэя мірнага супрацоўніцтва класаў пры захаванні эксплуатацыі працы. Зыходзячы з гэтага, ён залічыў лідэраў заходняй сацыял-дэмакратыі, незалежна ад правай ці левай арыентацыі, ды прыхільнікаў фашыстаў, дакладней, да катэгорыі сацыял-фашыстаў (па класіфікацыі І. Сталіна).

Як вядома, у канцы 20-х гадоў на Беларусі таксама прайшла вялікая прапагандысцкая хваля выкрыцця прыхільнікаў ідэалогіі фашыстаў у рэспубліцы і сярод беларускай эміграцыі. Так, А. Сталевіч³ зрабіў спробу паказаць гэта на прыкладзе эвалюцыі поглядаў А. Луцкевіча і Р. Астроўскага, што тлумачыў узростаннем ролі нацыянальнай буржуазіі ў эканоміцы Заходняй Беларусі і, перш за ўсё, у вёсцы. Ростам уплыву нацыянальнай буржуазіі ён тлумачыў змену палітычнай тактыкі польскага ўраду ў Заходняй Беларусі, якая зводзілася да хуткай ліквідацыі сервітутаў, павелічэння аб’ёму дробнага крэдыту, абмежавання вайсковага асадніцтва, што прывяло да паступовай дыферэнцыяцыі

беларускага сялянства, з'яўлення кулацтва. Змену гэтай тактыцы А. Сталевіч бачыў у імкненні польскага ўраду стварыць на ўсёй тэрыторыі краіны сацыяльную базу фашызму. Аднак аргументаваных доказаў скачвання А. Луцкевіча і Р. Астроўскага да прыхільнікаў фашызму гэты аўтар не прывёў, а толькі галаслоўна зрабіў выснову: «Сацыяльныя карані беларускага нацыяналізму выходзяць з сельскай буржуазіі і вярхоўкі заможнай дробнай буржуазіі. Палітычнае афармленне яны атрымоўваюць праз беларускую інтэлігенцыю». Вывад, відаць адразу, кан'юктурны, звязаны з пераходам КП(б) Беларусі да ліквідацыі рыначных адносін, гвалтоўнай калектывізацыі, а адсюль — да агульнага абвінавачвання большасці вядомых дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў у нацыянал-фашызме, спробе аднавіць капіталізм у рэспубліцы. Відаць, зусім не выпадкова, менавіта ў канцы 20-х гадоў, на пераломным этапе ў эканамічнай думцы Беларусі, шмат ўвагі надавалася даследаванню фашысцкай ідэалогіі.

¹ Гл.: Н о д э л ь В. // Польша. 1922. № 1.

² Гл.: К а н а п л і н М. // Польша. 1929. № 7; Е н ж а. // Большевик Беларуси. 1929. № 5; Е н ж а. «Дэмакратыя» на абарону диктатуры буржуазіі. Мн., 1930; Е н ж а. Прынцыпы пабудовы «карпарацыйнае» дзяржавы. Мн., 1930; Е н ж а. Фашызм і фашысцкая дзяржава. Мн., 1930.

³ Гл.: С т а л е в і ч А. // Польша. 1929. № 1, 4.

А. В. ШАВЦОВА

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Суверенитет играет важную роль в политической жизни любого общества и государства. Как феномен, отражающий определенное состояние народа, нации и государства, суверенитет складывался постепенно в ходе исторического развития и изменения структуры общества, приобретая на разных этапах свои особенности как в содержании, так и формах проявления.

На протяжении всей истории человечества со времени возникновения государства суверенитету всегда отводилась доминирующая роль в политической борьбе и идеологических схватках между различными социально-политическими силами, народами, государствами.

Споры о суверенитете принимали наиболее острый характер в критические, революционные, периоды истории, когда вопрос о государстве и о том, кому должна принадлежать государственная власть, в какой форме должно осуществляться политическое господство в обществе, становился центральным в политической и идеологической борьбе.

Идея суверенитета возникла более или менее одновременно в различных странах на исходе средних веков, в период разложения феодализма и зарождения капитализма, консолидации наций и образования национальных государств. Для возникновения доктрины суверенитета в более ранние эпохи не было достаточных социально-политических условий.

Нет сомнения, однако, в том, что и в государствах древнего мира суверенитет существовал. История таких государств, как Китай, Индия, Египет, Вавилон, Греция, Рим, Персия и др., не оставляет сомнений в том, что они осуществляли свои внутренние и внешние функции на основе верховства и независимости власти, т. е. суверенитета.

Однако понятие государственного суверенитета как политический феномен и государственно-правовая доктрина осталось неизвестным древнему миру, так как ни внутри этих государств, ни вне их не было таких сил, которые облекали бы свои притязания на государственную власть в политические и правовые формы. Имевшая место борьба за власть между государствами и внутри них носила преимущественно прагматически-примитивный характер, не обосновывалась правовыми идеями, решалась безоговорочно на основе сложившегося соотношения сил. Признавалось естественным и закономерным, что власть принадлежит тому, кто обладает силой, чтобы ее захватить и удержать. Апелляция к праву в тех условиях казалась противоестественной и беспредметной. Поэтому в политическом и правовом лексиконе древних государств отсутствовало понятие суверенитета.

Теоретическому и юридическому оформлению понятия суверенитета в древнем мире препятствовали и объективно существующие при рабовладельческом и феодальном строе формы господства. Дело в том, что в указанных формированиях власть рабовладельцев и феодалов как бы предшествует государственной власти. Не государственная власть — основа рабства или крепостничества, а, наоборот, властные потребности

рабовладельцев и крепостников обуславливают само появление государства. Хотя государство санкционирует власть рабовладельцев, даже отчасти ее регулирует, она тем не менее осуществляется эксплуататором самостоятельно и не от имени государства, не в «публичных» интересах, а в своих, частных.

Кроме того, высшей властью в указанный исторический период обладает и родовая знать. Государство не отменяет сразу родовых и общинных связей, сложившихся в предшествующий период и превратившихся накануне образования государства в орудие эксплуататорской верхушки. После появления государства родовая знать не отказывается от использования своей власти, гарантирующей ей особые привилегии.

Формированию теории государственного суверенитета мешала также средневековая феодальная раздробленность, отсутствие единой высшей государственной власти. Существовали также еще две всемирные власти — церковь во главе с папой и Священная Римская империя во главе с императором. В отличие от феодальной иерархии власть Священной Римской империи и церкви номинально строилась на основе централизации, что было обусловлено материальной и духовной силой¹. На деле несравненно более могущественной, чем «фикция правового верховенства империи», была церковь, которая в средние века по своим экономическим ресурсам, идеологическим возможностям и организованности превосходила империю². Она также в гораздо большей степени, чем государство, являлась носителем римской правовой традиции. Средневековая политическая идеология и философия защищали и обосновывали идею верховенства церкви над светской властью.

Однако нельзя в этой связи согласиться с выводом Б. Л. Манелиса о том, что «тут речь идет об ограничениях полновластия государства, которые несовместимы с суверенитетом государства. При этом это не ограничения, имеющие своим источником само государство, а ограничения, вытекающие из факта существования наряду с государством других форм господств, факта, обусловленного особенностями докапиталистических способов производства»³.

Б. Л. Манелис видел обособленное существование государства и «других форм господства» в виде родовой и общинной знати, церкви и Священной Римской империи, экономически сильных слоев общества. Однако эти «формы» являлись элементами государства и не могли существовать в отрыве от него, самостоятельно. Они не являлись «формами» государственной власти, хотя и «сохраняли свою самостоятельность в отношении государства и осуществляли непосредственную власть над людьми...»⁴. Эти формы не имели характера государственной власти со всеми присущими ей признаками, а следовательно, не могли ограничить ее. Такова была сложная система государственной власти в эпоху феодализма.

Для разработки проблемы суверенитета требовался новый подход к проблемам политики и права, свободных от феодальных традиций. В то время как юридическими консультантами феодального дворянства выступали священнослужители, юридическими консультантами королевской власти стали юристы, философы, как правило, не принадлежащие к духовному сословию.

К концу средних веков уже образуется представление о высшей и независимой государственной власти, субъектом которой являлся монарх или народ, и которая находила себе границы лишь в религии и естественном праве.

Подтверждение этой мысли содержится у знаменитого итальянского мыслителя Никколо Макиавелли (1469—1527) в сочинении «Государь». Он дал теоретические обоснования современной ему политики деспотизма и абсолютной государственной власти. Макиавелли утверждал безусловное господство государства не только в делах светских, но и духовных. Политическое учение Макиавелли сыграло важную роль в идеологической расчистке почвы, из которой выросла доктрина суверенитета. В теоретической идее абсолютного суверенитета он дал обобщение современной ему действительности, обоснование абсолютизма и суверенитета.

Таким образом, уже в эпоху возрождения происходит становление

идеи абсолютной государственной власти и государственного всемогущества. Оставалось лишь точно сформулировать понятие суверенитета и определить его отношение к государству.

Наиболее полную разработку доктрина суверенитета получила в знаменитом сочинении французского юриста Жана Бодена в его «Les six livres de la Republique» (1576 г.). Идея единства и безусловного верховенства государственной власти, понятие суверенитета получают у него впервые ясную юридическую формулировку. Боден указывает, что суверенитет состоит не только в верховенстве внутри государства, но и независимости извне.

Боден подверг анализу сущность суверенитета и установил, что ему присущи такие свойства, как постоянство, верховенство, независимость, неограниченность, несвязанность законами, неделимость, абсолютизм. Он отверг умаление суверенной власти посредством дробления ее, отчуждения и утраты из-за давности тех или других верховных прав властвования. Боден требовал полного единства суверенитета и существования единоличного или коллективного его носителя. Он первый объединил все признаки суверенитета в одном определении и решительно доказал, что внешняя независимость — необходимый признак суверенной государственной власти.

Доктрина суверенитета, разработанная Боденом, была в той или иной мере воспринята почти всеми политическими мыслителями XVI и XVII вв. В политической и правовой науке она оставила глубокий след.

Замечательным произведением германской публицистики XVII в. и выдающимся трудом в истории учений о суверенитете является вышедшая в 1603 г. «Политика» Ивана Альтузия.

Подобно Бодену Альтузий утверждает, что суверенная власть, как душа в теле, едина, неделима и неотчуждаема. Он развивает учение в строгой последовательности, утверждая принцип неотчуждаемого народного суверенитета, основанного на общественном договоре. Но народ может уполномочить определенного субъекта, который осуществляет не свое, но чужое право; народ может даже разделить осуществление власти между многими субъектами, но это будет лишь деление управления, сам же суверенитет всегда принадлежит народу.

Несмотря на существенные оттенки в трактовке суверенитета и серьезные различия в его теоретическом обосновании, западноевропейскими мыслителями XVI и XVII вв. была заложена основа доктрины суверенитета.

Дальнейшее развитие теории суверенитета показало, что каждая новая эпоха дополняла содержание понятия «суверенитет». Это особенно ярко проявилось в XVIII в., в период созревания и проведения французской буржуазной революции, имевшей огромное историческое значение для всей Европы. В этот период суверенитет приобретает буржуазно-демократический характер. На место королевского выдвигается идея народного суверенитета.

Доктрина народного суверенитета, признающая народ субъектом суверенной власти и источником полномочий всех органов власти в государстве, зародилась еще у Марсилия Падуанского в XIV в., получила свое развитие и обоснование у Локка в XVII в. и особенно у Ж.-Ж. Руссо в XVIII в., у деятелей буржуазных революций во Франции, Англии и других странах.

Наиболее полное обоснование идея народного суверенитета получила у Руссо. Вслед за Боденом Руссо развивает теорию абсолютного суверенитета. Но в противовес концепции Бодена о королевском суверенитете, Руссо вкладывает в суверенитет буржуазно-демократическое содержание. Он исходит из того, что абсолютный суверенитет принадлежит не королю, а народу. С точки зрения Руссо, единственным носителем суверенной власти является народ. Выражением общей воли народа является закон. Поэтому законодательная власть и составляет содержание суверенитета.

Руссо отверг доктрину Монтескье о разделении властей, согласно которой верховная власть разделяется на три независимые друг от друга власти. Он же различает две власти, проводя резкую грань между сувереном и правительством. Суверен — это законодатель, которому

принадлежит вся полнота власти. Правительство — исполнительная власть, действующая по поручению и под строгим контролем суверена.

Руссо выступал противником принципа народного представительства. «Суверенитет заключается в общей воле, а воля не может быть представлена»⁵. Последовательно отстаивая принцип народного суверенитета, Руссо признавал единственную государственную форму — демократию. Вместе с тем он высказал сомнение в возможности осуществления совершенной демократии: «Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы демократически»⁶.

Учение Руссо о народном суверенитете явилось кульминационным пунктом развития демократической тенденции в доктрине суверенитета. Эта теория в различных комбинациях с воззрениями других просветителей XVIII в. оказала большое влияние на политические события в Европе того времени и получила признание не только профессиональных юристов, но и философов, политических деятелей.

В России представители передовой политической мысли XVIII в. (Н. И. Новиков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, А. П. Козельский) придерживались демократических взглядов на суверенитет. Наиболее яркий представитель плеяды русских просветителей XVIII в. А. Н. Радищев был страстным обличителем абсолютизма и крепостничества, горячим и последовательным защитником идеи народного суверенитета и демократии. В противовес теории разделения властей он отстаивал идею полновластия народа. Идеи народовластия оказали большое влияние на последующее развитие прогрессивной общественно-политической мысли в России.

В XIX в. (в период домонополистического капитализма) доктрина суверенитета претерпела дальнейшую эволюцию. В теории и на практике начинается процесс выхолащивания его демократического существа, которое было так сильно выражено в период революционных бурь и потрясений XVIII в.

История развития общественно-политической, научной мысли позволяет заметить, что научные идеи, теории, дошедшие до нас из прошлого, объективность которых проверена временем, остаются не просто научной платформой, но и получают развитие в трудах современных исследователей.

Наиболее насущные проблемы государственного права: об отношении международного права к национальному, о природе союзного государства, о пределах власти государства, о носителе высшей власти в государстве, о «разделении властей» самым непосредственным образом связаны с проблемой суверенитета.

Сегодня, как и в прошлом, понятие суверенитета является важнейшим, кардинальным понятием государственного права. Трудно найти тему, которая была бы более актуальна, важна и одновременно сложна не только в научном, но и практическом плане. Потребность в свежем, современном подходе к этой теме может быть реализована только при условии тщательного и глубокого анализа истории идеи суверенитета.

¹ Б р а й с Д. Священная Римская империя. М., 1891 (пер. с англ. Д. М. Петрушевского).

² К о т л я р е в с к и й С. А. Власть и право. М., 1915. С. 197.

³ М а н е л и с Б. Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент, 1964. С. 16.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Р у с с о Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 82.

⁶ Там же. С. 58.

Ю. А. КЛЮЧНИКОВ

ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Механизм уголовно-процессуального регулирования на стадии предварительного следствия может эффективно функционировать, если в действующем законодательстве четко определены предмет и метод уголовно-процессуального регулирования.

В теории по-разному определяется предмет уголовно-процессуально-го регулирования. Однако утвердилось представление о предмете регулирования как совокупности общественных отношений, возникающих, развивающихся и прекращающихся в данной сфере общественной жизни¹. Поскольку речь идет об общественных отношениях, регулируемых нормами уголовно-процессуального права, постольку содержание предмета регулирования в уголовном процессе ограничивается таким образом уголовно-процессуальными отношениями. В таком подходе к определению предмета регулирования в уголовном процессе явно обнаруживается влияние ошибочного тезиса о том, что в процессе упорядочения общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства действуют только нормы уголовно-процессуального права.

Ограничение предмета правового регулирования уголовно-процессуальными отношениями не согласуется со смысловым значением термина «предмет» и с определением понятия правового регулирования как уголовно-процессуальной деятельности, направленной на упорядочение общественных отношений. Предметом принято считать то, что служит объектом, источником или орудием какой-либо деятельности, состояния или отношения, а под объектом понимается явление, предмет, на которые направлена чья-либо деятельность, чье-либо внимание. Отсюда следует, что предметом (объектом) правового регулирования в уголовном процессе являются как уголовно-процессуальные, так и иные общественные отношения, на установление и упорядочение которых направлена уголовно-процессуальная деятельность суда, прокурора, следователя, органа дознания.

В связи с приведенными соображениями неизбежно возникает вопрос о том, почему регулирование на стадии предварительного следствия называется правовым, если упорядочение общественных отношений осуществляется следователем?

Отвечая на этот вопрос, следует обратить внимание на то, что предмет правового регулирования на стадии предварительного следствия — это сложносоставное, комплексное понятие, включающее в себя предмет регулирования норм уголовно-процессуального (и иных отраслей) права и предмет регулирования, осуществляемого следователем.

В литературе под предметом регулирования уголовно-процессуального права понимают: общественные (правовые, процессуальные) отношения в сфере уголовного судопроизводства; деятельность (действия) соответствующих государственных органов; поведение субъектов уголовно-процессуальных отношений; деятельность (действия) органов следствия, прокуратуры и суда, а также возникающие при этом общественные отношения.

Анализ механизма возникновения, развития и прекращения конкретных уголовно-процессуальных отношений на стадии предварительного следствия приводит к выводу, что между нормами уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальными отношениями отсутствуют причинно-следственные связи. В современной философской науке общественные отношения, т. е. многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности, рассматриваются либо как форма, либо как результат человеческой деятельности². Это положение распространяется и на стадию предварительного следствия, где уголовно-процессуальные отношения не возникают только потому, что законом определены полномочия следователя по привлечению к участию в производстве предварительного следствия и обязанность граждан выполнять законные требования следователя. Если бы это было так, то все следователи и граждане находились бы в перманентном состоянии уголовно-процессуальных отношений. Однако в реальной действительности наличие общепризнанных предпосылок возникновения правоотношения (норма права, правосубъектность, юридический факт), по справедливому замечанию В. Г. Даева, означает появление не самого правоотношения, а лишь его «модели». Превращение же правоотношения-модели в фактическое правоотношение происходит лишь при посредстве правоприменительного процесса, в ходе которого устанавливается (определяется) наличие соответствующих отношений и их характер³.

Право воздействует непосредственно не на общественные отношения и даже не на поведение участников данных отношений, а на волю сторон, их способность сознательно и целеустремленно руководить своим поведением, направлять его к достижению нужного результата⁴. Существует точка зрения, что поведение участников общественных отношений является непосредственным предметом правового регулирования⁵. Влияние правовых норм на поступки людей через посредство их воли и сознания дает основание рассматривать регулиющую роль права первоначально как нормативное воздействие вне правовых отношений, а затем и как регулирование в правовом отношении⁶. И наконец, нельзя не согласиться с тем, что свое регулятивное действие норма приобретает с момента восприятия правоприменителем ее содержания в связи с конкретным юридическим фактом⁷.

Воздействие правовых норм, юридических и социально-психологических факторов на правосознание следователя представляет собой сложный процесс детерминации его уголовно-процессуальной деятельности. Это тема отдельного разговора. В данном же случае ограничимся следующей формулировкой.

Уголовно-процессуальная деятельность следователя, как всякая человеческая деятельность, состоит из двух подсистем: а) управляющей, которая представляет собой психические процессы, протекающие в мышлении человека, и б) управляемой, т. е. совокупности действий, выполняемых в соответствии с командами, поступающими от управляющей подсистемы. Все факторы, в той или иной мере детерминирующие уголовно-процессуальную деятельность следователя, интегрируются в его психике, которая и осуществляет свою главную функцию — непосредственного управления конкретными процессами следственной деятельности. Воля следователя представляет собой всего лишь один из элементов энергетического блока управляющей подсистемы, в которой, кроме того, существуют мотивационный, ориентационный, операционный и оценочный блоки, а также психологический субстрат всех перечисленных блоков — характер.

Следовательно, непосредственным предметом регулирования норм уголовно-процессуального права на стадии предварительного следствия является психика следователя как управляющая подсистема его уголовно-процессуальной деятельности.

Психика следователя является предметом регулирования и уголовно-правовых, гражданско-правовых и иных норм упорядочения общественных отношений на стадии предварительного следствия. Так же, как и уголовно-процессуальные нормы, они не могут порождать общественные отношения, а тем более не могут урегулировать возникшие общественные отношения без вмешательства следователя. Поэтому, когда речь идет о правовом регулировании на стадии предварительного следствия, это вовсе не значит, что право непосредственно регулирует (упорядочивает) складывающиеся здесь общественные отношения. Это значит, что урегулирование (упорядочивание) осуществляет следователь путем установления обстоятельств, связанных с возникшими общественными отношениями, и применения к этим обстоятельствам норм соответствующих отраслей права. Результаты регулиющей деятельности следователя удостоверяются актами индивидуально-правового регулирования, регламентирующими способы упорядочения сложившихся общественных отношений.

Рассматривая складывающиеся на стадии предварительного следствия общественные отношения с точки зрения их соответствия понятию предмета регулирования как явления, на установление и упорядочение которых направлена уголовно-процессуальная деятельность следователя, можно прийти к выводу о том, что предметом правового регулирования на этой стадии уголовного процесса являются: уголовно-правовые отношения, складывающиеся между следователем и лицом, совершившим преступление; гражданско-правовые отношения, возникающие между лицами, которым преступлениями причинен имущественный ущерб, и лицами, которые обязаны возместить этот ущерб; уголовно-процессуальные отношения, возникающие между следователем и лицами, привлекаемыми к участию в расследовании преступлений.

Предмет правового регулирования на стадии предварительного следствия не исчерпывается перечисленными отношениями. Дело в том, что урегулирование (упорядочение) уголовно-правового отношения предполагает полную доказанность факта совершения преступления конкретным лицом. Между тем на определенном этапе предварительного следствия вывод о совершении преступления тем или иным лицом, а значит, и о существовании уголовно-правового отношения, является только прогностическим. В ходе предварительного следствия может быть также установлен факт совершения общественно опасного деяния лицом, находившимся в состоянии невменяемости, что исключает возникновение уголовно-процессуального отношения, но не освобождает следователя от обязанности упорядочить сложившуюся ситуацию. И наконец, могут быть установлены обстоятельства, опровергающие предположение о существовании уголовно-процессуального отношения, или обстоятельства, не позволяющие сделать однозначный вывод.

Таким образом, в указанных случаях предметом правового регулирования на стадии предварительного следствия является социальная ситуация, возникающая в связи с обнаружением признаков преступления (общественно опасного деяния). Уголовно-правовое отношение между государством и гражданином, совершившим преступление, становится предметом правового регулирования с момента составления следователем постановления о привлечении конкретного гражданина в качестве обвиняемого.

Завершая рассмотрение вопроса о предмете правового регулирования на стадии предварительного следствия, необходимо отметить способы упорядочения (урегулирования) следователем социальных ситуаций и правоотношений.

Социальные ситуации на стадии предварительного следствия, возникшие в связи с обнаружением признаков преступления, упорядочиваются путем вынесения постановления о прекращении уголовного дела (п.п. 1 и 2 ст. 5, п. 2 ст. 208 УПК РБ) либо постановления о направлении дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 222 УПК РБ).

Уголовно-правовые отношения упорядочиваются путем прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ст.ст. 5¹—5⁶ УПК РБ) или составления обвинительного заключения (ст. 207 УПК РБ). В первом случае следователь признает гражданина виновным в совершении преступления и, реализуя делегированное ему государством право, с согласия прокурора, освобождает обвиняемого от уголовной ответственности, возлагая на него обязанность претерпевать административное или общественное воздействие. Во втором случае правовое регулирование имеет предварительный характер, так как выводы следователя о существовании уголовно-правового отношения в каждом случае проверяются в судебном разбирательстве и только в случае их подтверждения суд принимает решение, каким способом должно быть упорядочено уголовно-правовое отношение (назначает наказание, освобождает подсудимого от уголовной ответственности или от отбытия наказания).

Компетенция следователя по урегулированию гражданско-правовых отношений ограничена обязанностью установить размер причиненного преступлением имущественного ущерба (п. 4, ч. 1 ст. 61 УПК РБ) и принять меры по обеспечению его возмещения судом (ст.ст. 136, 174 УПК РБ). Кроме того, следователь может урегулировать гражданско-правовые отношения, предложив обвиняемому или лицам, которые несут имущественную ответственность за действия обвиняемого, добровольно возместить имущественный ущерб. В предусмотренных законом случаях следователь может урегулировать гражданско-правовые отношения путем уголовно-процессуальной реституции, т. е. возвращения владельцам вещественных доказательств (ч. 2 и ч. 3 ст. 80 УПК РБ).

Таким образом, определение предмета правового регулирования имеет важное значение для выявления коэффициента полезности механизма правового регулирования на стадии предварительного следствия и разработки мер по его совершенствованию. Эффективный функционирующий механизм правового регулирования способствует выполнению в полном объеме главной задачи стадии предварительного следствия — установлению объективной истины.

¹ См.: Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 8; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 6 и далее; Зусь Л. Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1984. С. 26 и далее.

² См.: Айзикович А. С. // *Философские науки*. 1979. № 6. С. 32; Фонов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 238; Андреев Ю. П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов, 1985. С. 169.

³ См.: Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 21.

⁴ См.: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 81—82.

⁵ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 213.

⁶ См.: Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. С. 26.

⁷ См.: Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 77.

В. С. УСС

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современном белорусском законодательстве встречаются положения, заметно отличающиеся от остального нормативно-правового массива, что свидетельствует о неоднозначности статуса принципов права. Поясним на примерах.

Так, в Гражданском кодексе Республики Беларусь часть 1 статьи 4 «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей» гласит: «Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, а также из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности». В Гражданском процессуальном кодексе в части 4 статьи 11 «Разрешение дел на основании действующего законодательства» говорится: «Суд обязан разрешать дела на основании законов Республики Беларусь...»

В случае отсутствия закона, регулирующего спорные отношения, суд применяет закон, регулирующий сходные отношения, а при отсутствии такого закона суд исходит из общих начал и смысла законодательства».

Эти статьи с незначительными изменениями перенесены в законодательство суверенной Беларуси из Основ гражданского законодательства (ст. 4) и Основ гражданского судопроизводства (ст. 12) бывшего Союза ССР и союзных республик соответственно.

В ч. 1 ст. 4 ГК Республики Беларусь не разъясняется, какое конкретно поведение влечет гражданские права и обязанности, если действия граждан и организаций «не предусмотрены законом». Но образец поведения все же в законе дан: это поведение, порождающее гражданские права и обязанности «в силу общих начал и смысла гражданского законодательства». Здесь должное поведение граждан и организаций выражено принципами гражданского законодательства, так как «общие начала и смысл гражданского законодательства» — не что иное, как его принципы. В отличие от правила, являющегося образцом должного поведения как такового, принцип отражает «дух» поведения¹. В ст. 4 ГК законодатель не называет принципы гражданского законодательства, а отсылает к гражданскому законодательству в целом. Содержание принципов статьи 4 ГК выводится из правил гражданского законодательства. Это: равенство граждан перед законом, социальная справедливость, защита интересов граждан и организаций при выполнении ими гражданского долга и др. Нередко принципы приводятся в преамбулах и начальных статьях нормативно-правовых актов.

Сказанное относится и к ч. 4 ст. 11 ГПК Республики Беларусь.

Принципам гражданского законодательства и законодательства Республики Беларусь в целом придана непосредственная регулятивная функция. Определенное поведение порождает гражданские права и обязанности, и суд обязан руководствоваться принципами при рассмотрении соответствующих дел. Указанные принципы — минимальные части права, регулирующие общественные отношения. Все это означает, что принципы, предусмотренные ст. 4 ГК и ст. 11 ГПК Республики Беларусь,

представляют собой составные элементы системы гражданского права² наряду с его правилами.

Следует отметить, что принципы, содержащиеся в ст. 4 ГК и ст. 11 ГК Республики Беларусь, не во всем тождественны принципам, воплощенным в правилах гражданского права и права Республики Беларусь в целом. Да, принципы-элементы являются принципами гражданского права и белорусского права в целом. Но в ст.ст. 4 и 11 названных кодексов принципы гражданского законодательства и законодательства в целом выражены отдельно, в «чистом» виде. В таком виде принципы увеличивают правовую «ткань», расширяют право. Принципы же, воплощенные в правилах, в этом смысле частью права не являются: они не обладают прямой регулятивной функцией и действуют только через правила. Они рассчитаны лишь на общественные отношения, предусмотренные этими правилами, и не могут покрыть отношения, отраженные в ст.ст. 4 и 11. Принципы-элементы составляют отдельные самостоятельные части права, в указанных же статьях они изложены отсылочно: законодатель отсылает к принципам, воплощенным в правилах. Надо различать поэтому принципы гражданского законодательства и законодательства в целом, выраженные в правилах и элементами гражданского права не являющиеся, и принципы гражданского законодательства, как и законодательства в целом, существующие отдельно, в «чистом» виде (ст.ст. 4 и 11), и представляющие собой элементы гражданского права.

Следующий пример. Принцип является элементом и в трудовом праве Республики Беларусь. Ст. 5 КЗоТ гласит: «Наниматель вправе по согласованию с трудовым коллективом устанавливать за счет собственных средств дополнительные по сравнению с законодательством трудовые и социально-бытовые льготы работникам». Здесь не говорится, какие именно могут быть дополнительные льготы, здесь выражена их общая направленность в виде принципа дополнительной льготы. Как элементу системы права ему свойственны регулятивность и минимальность, т. е. неразложимость, неделимость. Ведь элемент системы права — это его минимальная регулятивная часть.

Современное конституционное право Республики Беларусь включает и принципы-элементы. Это вытекает из ст. 112 Конституции Республики Беларусь: «Суды осуществляют правосудие на основе Конституции, законов и принятых в соответствии с ними иных нормативных актов. Если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он принимает решение в соответствии с Конституцией и законом и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным».

Но что значит принимать решение в соответствии с Конституцией? Наряду с конкретными положениями (правилами) Конституция включает в себя и принципы, и, следовательно, в силу ст. 112 эти принципы должны изменяться при рассмотрении дел в судах. Таким образом, ряд принципов входит в состав элементов системы конституционного права. Принципы-элементы содержатся, например, в статьях 2, 4, 7, 8, 10, 11, 13—16, 18, 21, 22, 32, 41, 47 Конституции.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в некоторых случаях система права Республики Беларусь, особенно при рассмотрении права в аспекте «элемент и система», включает принципы³. И это именно принципы, а не правила поведения. Если правило конкретно определяет, каким должно быть поведение, то принцип отражает должное поведение с точки зрения его общей направленности, с точки зрения его «духа». Принцип — второй вид элемента системы права (после правила). Подчеркиваем, что речь в данном случае идет о первичных элементах права. Известно, что одна и та же система может распадаться на элементы по нескольким критериям в зависимости от того, в каком качестве она выступает⁴. Поэтому элементами системы права являются части разного масштаба, в том числе институты, подотрасли, отрасли. Рассматриваемые же нами принципы относятся к первичным, исходным элементам, элементам-«клеточкам» права.

Принципы-элементы системы права не следует смешивать с декларативными положениями, также встречающимися в текстах норматив-

ных актов. В отличие от принципов-элементов декларации не обладают регулятивной силой.

Принципы-элементы необходимы в праве в тех отраслях, где это не ставит под угрозу законные права и интересы граждан и организаций (обычно в гражданско-правовой сфере). С их помощью ликвидируются пробелы в правовом регулировании. Законодатель не в состоянии предусмотреть все правозначимые ситуации, где требуется правовая защита. Право не сплошь состоит из правил. Принципы дополняют правовое регулирование, обеспечивая защиту общественных интересов. На основе правоприменительной практики законодатель может формулировать правила поведения, заменяя ими принципы, так как благодаря конкретности и ясности регулирование правилами предпочтительнее.

Итак, система права многих государств состоит не только из правил, но и из принципов. Правила и принципы — два вида правовых регуляторов, два вида образцов поведения, два вида элементов системы права. Должно поведение отражается или как таковое, с точки зрения его «плоти», в виде правила, или через образ «духа», т. е. принцип поведения. Другое дело, что право не сводится к положениям, содержащимся в текстах законов, и что не все в содержании нормативных актов имеет прямой регулятивный характер. Так, кроме писаного права, существует право неписаное. Правила и принципы, как уже говорилось, — первичные элементы системы права, из которых создаются все остальные структурные образования права: институты, подотрасли, отрасли. Однако если правила поведения признаются элементом системы права почти всеми правоведами, то во взгляде на принципы этого единства нет. Может быть, это обусловлено и тем, что принцип занимал скромное место в советской правоприменительной практике.

Наличие принципов-элементов делает принципы права двоякими. Во-первых, — это принципы, воплощенные в правилах и не существующие отдельно от них. Они подразделяются на принципы права в целом, отраслевые, межотраслевые и принципы отдельных институтов. Во-вторых, это принципы, являющиеся отдельной частью права, принципы-элементы системы права (отрасли, подотрасли, института).

Выделение принципа как элемента системы права требует уточнения определения понятия «право». Определение права только как правил поведения представляется уже неточным. Высказываются мнения, что принципы входят в право. Но тут важно, какие это принципы: те ли, что являются элементами системы права? Кроме того, признавая принцип элементом системы права, необходимо конкретизировать его содержание. Ведь если продолжать считать слова «норма» и «правило» синонимами, то для общего названия элемента системы права термин «норма» не подойдет, потому что право состоит не только из правил поведения. Возможно, следует считать «норму» наименованием элемента системы права вообще, а «правило» и «принцип» — видами «нормы». Соответственно подверглось бы изменению понятие «нормативность», содержание которого шире правовых правил поведения. Нормативность подразумевает долженствование, способность быть образцом, масштабом, мерой, эталоном поведения.

Исследование элементарной стороны права имеет не только теоретическое значение. Выделение принципа как элемента системы права является непременным условием совершенствования законодательной и правоприменительной деятельности, обеспечения прав и интересов граждан и организаций. Для успешного разрешения судами конкретных дел на основе Конституции Республики Беларусь, ее правил и принципов необходимы соответствующие теоретические исследования и практические рекомендации специалистов.

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 98.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 793; Шептулин А. П. // Философские науки. 1980. № 1.

³ См.: Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. С. 22.

⁴ См.: Блауберг И. Б., Садовский В. П., Юдин Э. Г. // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 39—40.

НОВАЕ У ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

Л. М. КУЛЕШ

ВЫВУЧАЕМ ГІСТОРЫЮ СУСВЕТНАЙ ЦЫВІЛІЗАЦЫІ

Будучыня дзяржавы, народа, чалавецтва залежыць ад умельства правільна арганізаваць жыццё сёння і прадбачыць тое, што чакае нас. Нямецкі філосаф К. Ясперс сцвярджаў: «У гісторыі знаходзімся мы і наш час. Сучаснае здзяйсняецца на выснове гістарычнага мінулага, уздзеянне якога мы адчуваем на сабе» (Ясперс К. // Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып. 1. С. 22). Сацыяльна-гістарычны вопыт, вопыт пакаленняў, гістарычных эпох — галоўнае не толькі ў жыцці асобнага чалавека, але і ў лёсе грамадства.

У апошні час дыдактыка ВНУ займаецца пошукам аптымальнага варыянта выкладання гістарычных дысцыплін. Прызнанне крызісу фармацыйнай тэорыі прывяло да з'яўлення розных мадыфікацый традыцыйных сістэматычных курсаў. Так, калектыў кафедры сусветнай і айчынай гісторыі прапануе ўпершыню распрацаваны курс «Гісторыя сусветнай цывілізацыі», заснаваны на цывілізацыйным падыходзе да даследавання гісторыі.

Гісторыя сусветнай цывілізацыі заўсёды выклікала і выклікае вялікую грамадскую цікавасць, таму што гістарычны працэс для ўсіх дзяржаў узаемазвязаны і ўзасмаабумоўлены. Вось чаму гісторыю любой дзяржавы, краіны, у тым ліку і гісторыю Беларусі, неабходна вывучаць праз прызму сусветных працэсаў.

Гэты гістарычны курс з'яўляецца спробай рэфармацыі ўяўленняў аб гістарычным працэсе з пазіцыі апошніх дасягненняў сусветнай гістарычнай навукі.

Аўтары гэтага гістарычнага курса плануюць вырашыць наступныя задачы:

— замяніць фармацыйны падыход да гісторыі цывілізацыйным, пры гэтым адмовіцца ад прымітыўнага погляду на цывілізацыйні мінулага як ступені, якія вядуць да вышэйшай фармацыі;

— паказаць шырокую панараму цывілізацый, якія папярэднічалі сучаснай. У тым ліку і тыя, што стаялі на прынцыпова адметных ад еўрапейскіх шляхах развіцця;

— даць ключ да расшыфроўкі самога паняцця «цывілізацыя».

Апошняя з пералічаных задач абумоўлена адсутнасцю ў гістарычнай навукі адзінага погляду на пытанне, што такое «цывілізацыя». Практыка паказвае, што звычайна гэта слова ўжываецца ў трох значэннях:

1) 'Вызначаны гістарычны тып грамадства';

2) 'Характарыстыка культуры, узроўню сацыяльна-эканамічнага развіцця, асветы найбольш перадавых дзяржаў';

3) 'Пэрыяд развіцця чалавецтва, наступны за эпохамі дзікасці і варварства'.

Для гісторыка зразумела, аб чым ідзе гаворка ў першым выпадку. Гэта асобныя грамадствы са сваёй культурай, рэлігіяй, геаграфічным месцазнаходжаннем, са сваімі часавымі рамкамі — напрыклад, крытамікенская цывілізацыя, асіра-вавілонская, рымская, мусульманская,

еўрапейская і г. д. У аснову класіфікацыі можна пакласці геаграфічны, часавы, рэлігійны прызнакі.

У любым выпадку гісторыя цывілізацый даўно створаная, устойлівая галіна гістарычнай навукі са сваімі традыцыямі і дасягненнямі. А. Тойнбі, А. Шпэнглер, М. Вэбер, М. Барг, Л. Гумілёў і іншыя вучоныя ўнеслі буйны ўклад у развіццё гэтай сферы навуковых ведаў.

Слову «цывілізацыя» да цяперашняга часу надаецца і другое значэнне, якое мае ненавуковы характар і абазначае дзяржавы, дзе людзі жыўць па-чалавечы, дастойна.

Трэцяе значэнне слова «цывілізацыя» шырока выкарыстоўвалася тады, калі ідэя прагрэсу толькі пачынала авалодваць масавым розумам і ўмацоўвалася вера ў тое, што дзікасць і варварства адышлі ў мінулае.

Але вопыт XX ст. паказаў, што гэта не так і дзікасць (дзікунства) можа праявіцца ва ўмовах суцэльнай пісьменнасці.

Мы трактуем цывілізацыйны працэс як сацыяльны прагрэс, як удасканалванне грамадства. У гэтым сэнсе канцэпцыя цывілізацый ўключае тры асноўныя моманты.

1. Мерай цывілізацыйнага працэсу аб'яўляецца чалавек, яго свабода, магчымасці, яго самаразвіццё, самарэалізацыя. Другімі словамі: агульнацывілізацыйнымі працэсамі прызнаюцца толькі тыя, што садзейнічаюць рэалізацыі агульначалавечых каштоўнасцей.

2. Мы лічым, што ўсім гэтым крытэрыям адпавядае вопыт развіцця заходняй цывілізацыі, у рамках якой склаўся капіталізм.

3. Нарэшце, канцэпцыя цывілізацыйнага працэсу заснавана на перакананні магчымасці стварэння адзінай сусветнай цывілізацыі. Пры гэтым асноўная ўвага аўтараў удзяляецца каштоўнасцям духоўнай культуры і сацыяльнай псіхалогіі.

У канцэптualaльнай частцы нашага гістарычнага курса разглядаецца развіццё поглядаў на цывілізацыйны працэс, суадносіны цывілізацыйнага і фармацыйнага падыходаў, высвятляюцца асноўныя каштоўныя аспекты.

У раздзеле «Цывілізацыі старажытнасці» у цэнтры ўвагі — усталяванне светаадчування чалавека, усведамленне ім сябе як індывідуальнасці, афармленне ўяўленняў аб асноўных духоўных каштоўнасцях. Старажытныя цывілізацыі даследуюцца дваяка: як з пункту гледжання іх самакаштоўнасці, так і з пункту гледжання ўкладу ў гістарычны працэс.

Пры асвятленні варварства і сярэдневячча робіцца спроба выкрыць духоўны свет людзей таго часу, асаблівасці іх успрымання навакольнай рэчаіснасці. Падкрэсліваецца, што свет варвараў абаяўся на ваенную ідэалогію, якая з'яўлялася асноўным стымулам развіцця гэтага грамадства. Пераасэнсцоўваецца характар узаемаадносін варвараў з рымскай цывілізацыяй. Дэталёва аналізуецца каштоўнасныя сістэмы асноўных слаёў сярэдневяковага грамадства. Дзецца прыняцыва новая ацэнка ролі каралеўскай улады і хрысціянства, канцэпцыя чалавека і яе мадыфікацыі ў рыцарскай і гарадской культуры.

У раздзеле «Еўропа ў пераіндустрыяльны перыяд» даследуецца сістэма каштоўнасцей новага часу, сфарміраваная Адраджэннем, Рэфармацый і развіццём капіталістычных адносін. У сувязі з ідэалогіяй пратэстанства, асветнікаў, вялікімі геаграфічнымі адкрыццямі і тэхнічнымі дасягненнямі XV—XVIII стст. высвятляюцца перадумовы ўзнікнення сучаснай індустрыяльнай цывілізацыі.

Цывілізацыя Усходу падаецца, натуральна, як альтэрнатыўны еўрапейскаму шлях развіцця. Асноўны акцэнт тут робіцца на прыняцывавай розніцы псіхалогіі еўрапейскай і прадстаўніка ўсходняй цывілізацыі.

У раздзеле «Цывілізацыя Расіі» дзецца абгрунтаванне асобага шляху Расіі ў сусветным цывілізацыйным працэсе з прычыны асаблівасцей яе геаграфічнага становішча, гістарычнага развіцця і псіхалогіі насельніцтва.

У наступных раздзелах гэтага курса аналізуецца ўздзеянне на стан грамадства індустрыяльнай цывілізацыі. Прыводзяцца як агульныя рысы, так і канкрэтныя сюжэты сучаснага этапа цывілізацыйнага развіцця. У прыватнасці, дзецца азначэнне сацыяльнай структуры грамадства, выяўляюцца сутнасць і змест, асноўныя элементы і ўнутраныя працэсы,

супярэчнасці і тэндэнцыі яго развіцця. Разам з тым тут знайшлі адлюстраванне і сацыяльна-палітычныя праблемы асобнага чалавека.

Шмат увагі ўдзяляецца таксама сучасным праблемам вайны і міру, рэформаў і рэвалюцый, дэмакратыі і таталітарызму. Асобная глава вучэбнага курса прысвечана актуальнейшаму пытанню сучаснасці — стану нацый і нацыянальным адносінам.

Інтэрэс прадстаўляюць і праблемы палітычнай улады, каранёў яе структуры, суадносін паняццяў «улада» і «масы», узаемадзеянасць палітычнай сферы з іншымі сферамі грамадскага жыцця, сутнасць улады ў нашым грамадстве. Значнае месца займае даследаванне духоўных каштоўнасцей сучаснай цывілізацыі. Асобны раздзел курса прысвечаны глабальным праблемам сучаснасці: выжывання на зямлі ў сувязі з ядзернай пагрозай, лакальнымі канфліктамі і войнамі, знішчэннем прыродных рэсурсаў, экалагічнай, дэмаграфічнай, энергетычнай праблемамі, адмоўнымі вынікамі НТР і г. д.

Завяршае курс кароткі гістарычны агляд «Беларусь у сусветным гістарычным працэсе», дзе асобнымі штрыхамі акрэсліваецца месца Беларусі ў сусветнай гісторыі, вызначаецца яе асаблівасць у гістарычным развіцці ў параўнанні з іншымі краінамі.

Знешняя разнастайнасць матэрыялаў курса не парушае іх унутранага адзінства. Уважлівае вывучэнне гэтых матэрыялаў дапаможа студэнтам асэнсоўваць сусветна-гістарычны працэс у яго непасрэдным дачыненні да гісторыі Беларусі.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ

(публікацыі і пераклады)*

Часопіс пачынае знаёміць чытачоў з праграмнымі дакументамі сучасных палітычных партый Беларусі. Абвяшчэнне незалежнасці рэспублікі, ліквідацыя манополіі КПБ выклікалі да жыцця шэраг палітычных партый. Сёння яшчэ залішне вузкая іх сацыяльная база. Цяжка сцвярджаць, што за той або іншай партыяй стаяць адпаведныя сілы. Як правіла, усе яны абапіраюцца на інтэлегенцыю, студэнтаў і навучэнцаў, прадстаўляюць грамадскія інтарэсы рабочых і сялян. Погляды многіх сучасных палітыкаў разыходзяцца з інтарэсамі і палітычным вопытам грамадзян рэспублікі. Данесці свае мэты да шырокіх колаў насельніцтва рэспублікі, згуртаваць яго вакол сябе імкнуча ўсе сучасныя партыі.

Беларуская гуманітарная партыя, праграма якой публікуецца, галоўнай сваёй мэтай лічыць барацьбу за дабрабыт і шчасце грамадзян краіны. Гэта партыя ідэй, альтэрнатыўных афіцыйным; яна кіруецца тым, што неабходна прапаноўваць лепшыя, больш эфектыўныя і дзейныя сродкі вырашэння грамадскіх праблем. Партыя заклікае да супрацоўніцтва ўсіх, хто дбае аб будучым Беларусі і гатовы самааддана працаваць на карысць яе народа.

ПРОГРАММА БЕЛОРУССКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПАРТИИ¹

Критическое положение, в котором оказался народ Беларуси на рубеже всков, не имеет исторических прецедентов, тем более в мирное время. Поэтому решение всего комплекса социальных, экономических и культурных задач, стоящих сегодня перед нашим обществом, находится за пределами уже известных стереотипов.

Новое время ставит перед народом Беларуси новые задачи. А значит, и пути преодоления трудностей должны быть новыми, неожиданными, доселе неизвестными.

Все беды сегодняшнего общества Беларуси определяются словами «хаос», «дезорганизация», «бессконтрольность». Политика — высшее выражение управленческих и организационных способностей индивидуумов и групп, а потому задачу переустройства общественной жизни в интересах всех и каждого мы считаем политической. Именно это и дает нам право называться Белорусской Гуманитарной Партией — Партией политики с человеческим лицом.

Мы убеждены, что жизнь общества может быть в исторически краткие сроки реорганизована таким образом, что для достижения высокого социального, экономического, психологического и культурного благополучия не понадобится ни жертв, ни притеснений, ни насильственных разрушений привычных форм общественной жизни. Единственное, что потребует для изменения нашего существования к лучшему, — это приложение разума к любой из вставших перед нами проблем. В конечном счете ни один трезво мыслящий человек не стремится к конфликтам и конфронтациям, к распряму и войнам. Понимание этого факта и вселяет в нас уверенность в том, что оптимальный результат в преобразовании общества Беларуси может быть достигнут действительно эффективными путями.

* Раздзел вядзе прафесар У. К. Коршук.

I. Цели Белорусской Гуманитарной Партии

- 1) Построение гражданского общества;
- 2) создание социально-ориентированной рыночной экономики;
- 3) обеспечение условий сохранения, упрочения и развития генетического, экономического и культурного наследия народа.

II. Задачи Белорусской Гуманитарной Партии

- 1) Реорганизация системы власти (децентрализация и регионализация систем управления хозяйством и социальными процессами);
- 2) реформа систем здравоохранения, образования, социального обеспечения;
- 3) разработка и внесение в порядке законодательной инициативы проектов законов и постановлений, направленных на защиту прав и свобод формирующегося в Республике Беларусь «среднего класса»;
- 4) объединение всех лиц, заинтересованных в активном участии в процессе реформ и обновления общества;
- 5) востребование творческого потенциала народа Беларуси путем консолидации представителей различных профессиональных кадровых корпусов.

III. Средства для решения задач и достижения целей Белорусской Гуманитарной Партии

- 1) Организация мероприятий по защите прав и свобод граждан и лиц, заинтересованных в становлении и развитии общества Беларуси;
- 2) активное участие в выборах и деятельности представительных органов власти всех уровней для реализации программных целей Белорусской Гуманитарной Партии в сотрудничестве со всеми политическими силами Беларуси;
- 3) пропаганда в обществе программных целей и гуманитарных концепций Партии с использованием средств массовой информации;
- 4) последовательная выработка предложений о реорганизации сфер образования, охраны здоровья населения и культуры;
- 5) проведение независимой экспертизы всех масштабных экономических, политических и социокультурных проектов;
- 6) создание региональных структур и местных отделений Партии в населенных пунктах Беларуси с целью адаптации стратегических проектов Партии к местным условиям;
- 7) осуществление подготовки профессионалов в рамках Партии, способных активно участвовать в реализации иницилируемых Белорусской Гуманитарной Партией программ и проектов;
- 8) учреждение средств массовой информации и осуществление издательской деятельности с целью доведения до сведения граждан информации о проектах и мероприятиях Белорусской Гуманитарной Партии;
- 9) содействие в организации и финансировании гуманитарных и просветительских акций, направленных на повышение самосознания народа и имеющих целью востребование находящегося в пассиве творческого потенциала;
- 10) сотрудничество с политическими силами Беларуси, с партиями и общественными организациями других государств с целью реализации своих программных целей и задач;
- 11) осуществление комплекса мер по расширению пределов информационной свободы граждан и общественных объединений, в частности, за счет включения заинтересованных лиц и групп в сети мировых информационных систем, а также за счет обеспечения контроля за соблюдением прав на свободу слова, свободу печати и свободу распространения информации.

Дополнения

I. Экономическая политика

Приоритетом экономической стратегии Белорусской Гуманитарной Партии нам представляется становление и развитие «среднего класса», ибо только люди, реально владеющие собственностью, способны отстаивать интересы всех тех, с кем они связаны. Для этого необходимо проведение следующих организационных мер:

1) определение приоритетных направлений развития белорусской экономики (приборостроение, наукоемкая промышленность, туризм, транспорт, народные промыслы и др.);

2) использование организационных технологий, применяемых в развитых странах мира, для стимулирования развития товаропроизводящих отраслей (хотя бы с целью обеспечения потребностей населения Беларуси);

3) определение стратегии обмена имеющегося в республике сырья на техноёмкие и наукоемкие производства, прямо поставляемые наиболее успешно действующими компаниями мира;

4) разгосударствление и уменьшение контроля государства за сферой производства (приведение налоговой сетки к общеввропейским стандартам, упорядочивание отношений между финансовыми и товаропроизводящими структурами);

5) формирование целевых товаропроизводительных программ (госзаказ), поддерживаемых государством, за счет средств налогоплательщиков, ориентированных не столько на почти обанкротившиеся бывшие госпредприятия, сколько на зарождающиеся и развивающиеся частные фирмы;

6) конверсия высокотехнологических предприятий и наукоемких производств;

7) поиск и направленный маркетинг изобретательской информации (сбыт интеллектуальной продукции);

8) более рациональное использование получаемой в республике сельхозпродукции (благодаря развитию технологий обработки, сохранения и распределения продукта);

9) привлечение экономистов и социологов к изысканию путей определения научно обоснованной цены наемного труда (поиски баланса между размерами зарплаты, уровнем жизни и интересами субъектов хозяйствования).

Мы убеждены, что ни один человек не хочет жить плохо. В то же время никто сознательно не желает зла ближнему. Весь спектр проблем, стоящих сегодня перед обществом Беларуси, порожден малопрфессиональной, невежественной, неразумной организацией общественных сил человеческого потенциала.

Основательно изучив частные, групповые и сословные интересы и стремясь применять современные технологии социального дизайна, мы стремимся упорядочить взаимоотношения всех граждан Республики Беларусь таким образом, чтобы в конечном итоге сумма счастья и удовлетворенности оказалась максимальной.

Главным недостатком руководителей старого типа явилось невнимание ко всему спектру частных, групповых и сословных интересов, а также отказ от исследования последних и неумение использовать достижения современной организационной науки для поисков баланса интересов различных социальных групп.

Мы убеждены, что «средний класс» на Беларуси может быть успешно сформирован в продолжение ближайшего пятилетия за счет системной, законотворческой и экономической стимуляции творческой инициативы граждан путем реализации гуманитарных проектов и при массовой поддержке средств массовой информации.

Мы убеждены, что все необходимое для преобразования нашей общей жизни есть в распоряжении каждого из живущих на Беларуси людей — это умение трудиться, желание творить, интерес к жизни, интеллектуальные способности и воля к созиданию. Нужно лишь помочь людям поверить в себя, подсказать им лучшие пути для использования собственных возможностей, обеспечить их всей информацией, необходимой для исследования, пробуждения и раскрытия таящихся в глубинах души талантов.

Ключевым звеном преобразования социальной действительности и фокусом процесса трансформации сегодняшней жизни является сам человек с его представлениями, оценками и желаниями. Для пробуждения внутренней мощи граждан и организации их творческих устремлений — созидательного начала общества, сосредоточенного в людских сердцах, — и направлена деятельность Белорусской Гуманитарной Партии.

II. Общественное устройство

- 1) Необходимо проведение комплекса мероприятий по началу формирования Гражданского Кодекса Беларуси;
- 2) необходимо выделение бюджетных средств на проведение начального периода формирования гражданского общества, а также для организации процесса налаживания широких связей между субъектами гражданского общества Беларуси с родственными организациями мирового сообщества;
- 3) требуется проведение комплекса юридических мероприятий по предотвращению вмешательства государственных структур в деятельность общественных (в том числе и неправительственных) организаций;
- 4) необходимо создание широкой сети оповещения общественности о нарушениях отношений между государством и обществом (при обязательном создании экспертного совета юристов и представителей госаппарата и общественных организаций);
- 5) необходимо проведение комплекса мероприятий по демократизации государственного устройства (с учетом опыта государственного строительства в странах СНГ и во всем мире);
- 6) необходимо планирование и претворение в жизнь принципа разделения властей;
- 7) необходимо проведение мер по гуманизации и демократизации избирательной системы (в частности, налаживание регулярного проведения прямых свободных всеобщих выборов при тайном голосовании, а также становление службы опросов общественного мнения);
- 8) необходимо принятие жестких законодательных мер, предусматривающих административную и уголовную ответственность государственных чиновников за те или иные нарушения;
- 9) требуется осуществить комплекс мероприятий по контролю и реализации общепризнанных мировым сообществом прав и свобод человека. Эти мероприятия должны осуществляться параллельно реализации комплекса мер по ограничению функционального вмешательства государственных структур при определении сферы общественных отношений там, где такое вмешательство может и должно быть усилено (борьба с преступностью, с наркоманией и коррупцией). Необходимо предотвратить подобным образом оправдываемое вмешательство государства в деятельность общественных организаций и частную жизнь граждан;
- 10) необходимо провести ревизию государственных органов с целью выявления должностных несоответствий (с широким оповещением населения о результатах проверки в средствах массовой информации);
- 11) настоятельно требуется включение информации, находящейся в распоряжении спецслужб и силовых министерств, в процесс разрешения вопросов реорганизации госаппарата (при широких консультациях с представителями власти соседних государств с целью поиска наиболее эффективных технологий организации госуправления);
- 12) настоятельно требуется повысить профессионализм государственных чиновников всех сфер за счет:
 - системы мер отбора, контроля и экспертизы кадров;
 - мероприятий, направленных на повышение престижа государственной службы;
 - создания системы тарифной сетки, позволяющей в будущем защититься от коррупции посредством повышения должностных окладов чиновников;
 - создания спецподразделений, задачей которых будет контроль за работой руководителей госаппарата;
 - повышения эффективности воздействия материального вознаграждения в зависимости от труда госслужащего (создание общественных комиссий по определению эффективности деятельности чиновников с привлечением к контролирующей деятельности комиссий представителей судебных органов);
- 13) необходимо осуществление комплекса мер по формированию общественного мнения (с использованием средств массовой информации) о наиболее престижных направлениях деятельности государства и

их пользы для жизни общества и отдельных граждан (полиция, спецслужбы, налоговая инспекция — госструктуры, занимающиеся борьбой с преступностью и защитой жизни граждан и их собственности);

14) необходимо создание комиссии по связи общественных (в том числе и неправительственных) организаций с руководителями госаппарата, в частности, для решения вопроса о бюджетном финансировании используемых ими средств массовой информации, а также для решения всех спорных вопросов.

III. Национальный вопрос

В настоящее время национальный вопрос, к сожалению, является центральной темой спекуляций и домыслов. Белорусская Гуманитарная Партия сознательно устраняется от попыток категорического формулирования путей разрешения национального вопроса, ибо, как и вопрос свободы совести, национальная принадлежность является личным делом каждого человека.

На самом деле, национальный вопрос не имеет ни малейшего отношения к суверенитету РБ. Национальный вопрос должен решаться в школах, в вузах и в творческих объединениях.

Мы убеждены в том, что сей вопрос не касается государственной политики, тем более, что к настоящему времени в сопредельных к Беларуси странах изломано слишком много копий на полях битвы с этой проблемой. Поэтому во избежание дестабилизации социальной ситуации Белорусская Гуманитарная Партия не пытается навязать кому бы то ни было какое-либо мнение, но оставляет решение национального вопроса за каждым из ее членов и граждан республики (в соответствии с совестью, культурной ориентацией и представлением о правах и свободах человека). Повторяем, проблема возрождения белорусского языка — проблема культурная, гуманитарная, психологическая, но никак не политическая!

IV. Безработица

1) Необходимо создание республиканского кадастра, в точности отражающего реальное положение дел в сфере занятости. Необходимо формулирование и организационное проведение целевых инвестиционных программ, направленных на обеспечение условий для создания новых рабочих мест;

2) необходима выработка стратегии использования бюджетных средств для поддержки лиц, проходящих профессиональную переподготовку;

3) необходима интенсификация поисков частных зарубежных партнеров и государств-инвесторов, способных оказать помощь Беларуси в создании новых рабочих мест;

4) требуется провести комплекс мероприятий по организации планомерного выезда граждан Беларуси за рубеж (при поддержке государства);

5) необходима организация системной правовой защиты безработных (при юридической и финансовой поддержке процесса их переориентации за счет средств налогоплательщиков).

V. Социальная защита

Белорусская Гуманитарная Партия ратует за создание социально-ориентированной рыночной экономики, потому наиважнейшим из вопросов, стоящих перед ее членами, является вопрос организации механизмов справедливого распределения средств из фондов общественного потребления. Возможно создание фондовых структур, защищаемых государством и им же финансируемых. Необходимо четко выделить конкретные социально-ориентированные направления распределения поступающих на социальную защиту средств с четко выраженной реализацией принципа адресности.

Конкретные программы должны реализовываться при конкретной именной ответственности лиц, взявших на себя груз реализации этих программ. Необходимо организовать комплекс социологических исследований для того, чтобы выяснить — куда, для чего и зачем расходуются средства фондов.

При этом необходимо создать оптимальные условия для привлечения представителей слоя малоимущих (для подключения многих) в широкое предпринимательство.

Мы отдаем себе отчет в том, что в течение длительного времени принцип патернализма будет являться главенствующим в определении мотивов и интересов большей части населения РБ. Потому главным мы считаем принятие законодательных мер и освоение методов распределения средств, которые позволят упорядочить движение финансов и материальных ресурсов и избежать потерь, предотвратить возможность паразитического существования причастных к распределению лиц.

Повторяем, распределение средств должно гарантироваться целевым адресованием средств нуждающимся. В то же время государство будет стимулировать (по возможности) вовлечение самих нуждающихся в сферу создания общественно-полезного продукта. В медицине — это разумное сочетание принципа страхования с принципом государственного здравоохранения. В образовании — это синтез негосударственных (частных школ, институтов и колледжей) с параллельно существующими государственными учреждениями, финансируемыми из бюджета.

Баланс интересов в сфере социальной защиты должен быть предельно персонифицирован — средства должны поступать к тому, кто в них действительно нуждается. Для этого необходимо провести гласную ревизию всех существующих в Беларуси фондов и определить эффективность их деятельности с целью реформирования независимых фондовых структур и принудительного отсоединения подставных фирм от бюджетных источников средств.

(Совет Белорусской Гуманитарной Партии)

¹ Белорусская Гуманитарная Партия. Устав. Программа. Обращение. Мн. 1994.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В ПОСТТОТАЛИТАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

В феврале 1995 г. в Минске в рамках Национальной Ассамблеи прогрессивных сил Республики Беларусь состоялась научная конференция «Проблемы социальной динамики в посттоталитарных обществах», в работе которой приняли участие ведущие ученые республики, ближнего и дальнего зарубежья, а также представители деловых кругов, заинтересованные в поиске оптимального выбора цивилизованных приоритетов развития Республики Беларусь.

Актуальные проблемы современной социальной динамики Беларуси обсуждались в четырех секциях («Феномен тоталитаризма и социальная философия»; «Стратегия современных реформ и социально-культурные традиции», «Философия бизнеса и эволюция социального менталитета»; «Экология и политика в постчернобыльскую эпоху»), а также на заседаниях двух круглых столов («Национальная идея и перспективы авторитаризма в современном мире» и «Становление посттоталитарного общества как культурологическая проблема»).

В докладе на пленарном заседании доктор философских наук профессор А. И. Зеленков осветил посттоталитарную перспективу для Беларуси и проблемы социального радикализма. Важнейшим параметром, определяющим вектор современного цивилизованного процесса, подчеркнул он, является переход от индустриальных форм социальной организации к постиндустриальному стилю жизни, органично включающему в себя подлинно демократические нормы и принципы функционирования общества. Знание и компетентность — вот та дилемма, которая будет определять критерии выбора как при формировании правящих политических элит, так и важнейших социальных институтов общества. По мнению докладчика, перспектива социального развития Беларуси в направлении постиндустриальной модели может реализоваться лишь в случае использования подлинно цивилизованных форм и методов общественной модернизации, в принципе исключающих обращение к революционно-радикальным программам выхода из кризисного состояния.

Исследованию политической стратегии Украины на рубеже веков был посвящен доклад доктора философских наук профессора Киевского университета В. П. Андрущенко. Украина, как и другие страны СНГ, ищет оптимальные пути цивилизационного развития, включения в мировое экономическое и политическое пространство, используя общественное согласие, гуманистические ориентиры развития общества, принципы социальной справедливости. Политическая стратегия Украины, реализация ее геополитических интересов должны определяться стремлением к духовной независимости, рациональным синтезом национальных и общечеловеческих ценностей, совершенствованием международного сотрудничества в решении важнейших социальных проблем, созданием социальных условий для гармоничного развития человека.

Доктор философии Лех Закшевски (Польша) рассмотрел некоторые проблемы социальных трансформаций в его стране, которые содействовали развитию политической гласности и гражданской свободы. Однако неудачи реформы и политический хаос ухудшают общественную ситуацию.

В обсуждении сущности тоталитаризма, его признаков, механизмов преодоления тоталитарной культуры и политики на заседаниях первой секции приняли участие доктор философских наук Ю. А. Харин, Ч. С. Кирвель, Я. С. Яскевич, кандидаты философских наук Г. Я. Миненков, М. И. Вишневикий, доктор исторических наук В. С. Кошелев. Участники конференции с интересом познакомились с современными проблемами социальной динамики и механизмами преодоления тоталитаризма в Болгарии (доктор философии М. Димитрова).

Стратегия современных реформ в контексте социокультурных традиций рассматривалась на заседаниях второй секции, где с докладами выступили доктор политологических наук С. В. Решетников, доктор философских наук А. Д. Гусев, кандидат философских наук А. В. Макаров. Участники дискуссии, анализируя стратегию современных реформ, подчеркивали, что ее движущими рычагами должны быть: сотрудничество и взаимопонимание, социальное согласие и уважение к образу жизни и культуре других народов, ориентация на интеграцию Республики Беларусь в мировое социальное пространство.

В обсуждении проблем философии бизнеса и эволюции социального менталитета на заседаниях соответствующей секции приняли участие философы В. И. Чуешов, Е. А. Дудко, В. Т. Новиков, предприниматель В. Н. Карягин и др.

На заседании круглых столов бурно обсуждались проблемы национальной идеи, перспективы становления посттоталитарного общества, в частности: концепции коэволюции гражданского общества и государства как альтернатива неототалитаризму (д. ф. н.

И. Я. Левяш), белорусской государственности и элиты Беларуси (д. и. н. В. Е. Снапковский), проблемы реформации политической системы Беларуси (к. и. н. М. А. Ермолицкий) и др.

Представители разных, зачастую противоположных точек зрения, высказали на конференции общую озабоченность деструктивными процессами в сфере производства, науки, образования, культуры, предлагали свои обоснования новой социальной стратегии социального развития, демократические альтернативы тоталитаризму, способные консолидировать все прогрессивные силы Республики Беларусь.

Я. С. Яскевич, В. К. Коршук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР В ВЮРЦБУРГЕ

В прошлом году в Вюрцбурге (Германия) под девизом «Права женщин — права человека» состоялся международный семинар «Социальные изменения на Востоке и Западе. Женщины — женские исследования — женская политика», в котором участвовали представительницы Болгарии, Чехии, Словакии, России, Беларуси, Германии, Словении, Аргентины и США. Здесь обсуждались проблемы участия женщин в политике, занятости и предпринимательства, распределения домашних обязанностей и ценностных ориентаций. Участники семинара сравнивали социальное положение женщин в различных странах и формулировали требования по его улучшению.

Степень участия женщин в политике — важная характеристика уровня демократии в обществе. Если в парламенте Беларуси женщин 3,7 %, то в Германии их 21,4 %. Еще больше женщин в парламентах германских земель и в местных органах власти. Такая активность женщин в политике достигнута в Германии естественным путем и за счет квот, определяющих долю женщин во всех органах власти. Однако, как отметила немецкая исследовательница Магда Ширм, квоты реальны только при определенных условиях. Первое, они должны действовать на всех уровнях иерархии. Второе, они возможны лишь при наличии конкуренции между претендентками. И третье, они должны сопровождаться санкциями. К этому нужно добавить еще одно условие. Квоты уместны в том обществе, где доминируют либеральная политика и рыночная экономика, в отличие от общества, где имитируется социализм и отсутствуют институциональные и рыночные нормы. Отсутствие конкуренции при выдвижении женщин, подмена профессионального критерия другими создали отрицательное отношение населения к квотам, и поэтому в посткоммунистических странах они пока неуместны.

Кроме естественного продвижения женщин в политику, существуют еще три модели, которые условно могут быть названы как «скандинавская» (социал-демократическая, квотная), «кризисная» и «азиатская». Такую интерпретацию восхождения женщин на политический Олимп напомнила российская исследовательница Эльвира Новикова. Благодаря системе квот в скандинавских и некоторых других странах доля женщин в органах власти довольно высока (30—40 %). В странах с развитыми демократическими традициями политика уступает место экономике, и соответственно участие женщин в политике здесь не рассматривается как важнейший показатель равноправия полов. В кризисный период в этих странах может быть принято нетрадиционное решение — избрание женщины-лидера в надежде на смену политического и экономического курса. Так, по «кризисной» модели оказались у власти Голда Меир, Маргарет Тэтчер, Токадо Дои, Казимира Прунска, Ханна Сухоцкая, Танзу Силлер и др. По «азиатской» модели женщина становится политическим деятелем, будучи вдовой или дочерью прежнего лидера государства. Женщине-политику оказывается доверие не только за ее личные качества, но и как члену уважаемой семьи (Индира Ганди, Корасон Акино, Беназир Бхутто).

В посткоммунистических странах продвижение женщин в политическую сферу ограничивается различными факторами: бытовыми, психологическими и институциональными. Несмотря на высокий уровень производственной занятости женщин (более 50 % занятого населения), домашняя работа в основном также выполняется женщинами. Их двойная занятость (на работе и дома) не способствует профессиональной карьере и продвижению в сферу политики.

Институциональный фактор, ограничивающий доступ женщин в политическую сферу, — это особый характер согласования решений и оценки деятельности кадров, существующий в органах власти посткоммунистических стран. Органы власти как иерархические организации могут функционировать по-разному: на основе определенных норм, в соответствии с которыми принимаются решения и оценивается деятельность работников, и на основе иерархического торга, когда нормы отсутствуют и решения принимаются путем согласования личных интересов договаривающихся, начальника и подчиненного. Второй принцип согласования решений и оценки деятельности кадров ограничивает карьеру любому профессионалу и в большей степени женщине (из-за патриархальных стереотипов).

Таким образом, естественный, эволюционный способ продвижения женщин в политику возможен только при существенных социально-экономических и духовных преобразованиях общества. Так, уменьшение сверхзанятости женщин за счет облегчения домашней работы требует более развитой сферы услуг и более высокой средней заработной платы, преодоление патриархальных стереотипов — развития культуры и особенно средств массовой информации, а нормативное функционирование органов власти — проведения рыночных и демократических реформ. Равноправие и партнерство женщин и мужчин в политической сфере — длительный и комплексный процесс, не сводимый к системе квот.

Сфера оплачиваемой занятости — одна из областей, где наблюдается гендерное неравенство. Об этом говорят не только результаты социологических опросов, согласным которым женщинам труднее найти работу и им меньше платят, но и статистические данные, свидетельствующие о низкой доле женщин среди высокооплачиваемых работников

и о более распространенной женской безработице. Однако рост незанятости женщин не должен оцениваться только отрицательно. Для одних — это вынужденное снижение жизненного уровня, для других — облегчение «двойного бремени» за счет сокращения оплачиваемой занятости. Возможно, таким образом восточноевропейские страны сравниваются с западноевропейскими по показателю занятости женщин.

Во всем мире заметен рост числа женщин среди предпринимателей и особенно в сфере малого бизнеса. Таким образом, как говорила немецкая участница Эрика Клопейн, женщины пытаются реализовать свои способности, невостребованные на прежнем рабочем месте, более эффективно сочетать общественные и семейные обязанности. Иногда специфика женского бизнеса переоценивается, например предпринимательство женщин характеризуется как более честное, более лояльное и менее авторитарное. Такие утверждения свидетельствуют не просто о поверхностном подходе или позитивной дискриминации, а о неверном методологическом основании, согласно которому поведение человека определяется биологическими, а не социальными причинами. Результаты белорусского исследования показали явную дифференциацию женщин-предпринимателей по социальным признакам. Те, кто раньше не был связан с номенклатурой, занимаются в основном малым бизнесом, а те, кто был близок к номенклатуре, сегодня представляют экономическую элиту. В сфере малого бизнеса наблюдается гендерное равенство, здесь почти половина предпринимателей женщины. Такая ситуация фиксируется и общественным мнением, согласно которому степень равенства женщин и мужчин в сфере бизнеса составляет 6,3 балла, что выше, чем при продвижении кадров (5,0) и в сфере политики (4,2). Реальное вовлечение женщин в бизнес возможно за счет формирования цивилизованного предпринимательства, государственного регулирования прав частной собственности и стимулирования конкуренции.

Особенность положения женщин в общественной деятельности определяется их статусом в семье. Для большинства женщин во всех странах характерна высокая занятость в домашнем хозяйстве и воспитании детей. Женщинам постоянно приходится решать проблему сочетания профессиональных и семейных обязанностей, выбирая из трех основных вариантов: занятость только дома, занятость на работе и дома, занятость только на работе. В формирующейся рыночной экономике уменьшится спрос на рабочую силу и увеличатся доходы, что даст возможность более свободного выбора женщинами того или иного варианта занятости на работе и дома.

Однако не только экономические причины влияют на статус женщины в семье и занятость в домашнем хозяйстве, но и стереотипы общественного сознания, закрепляющие за женщинами и мужчинами определенные общественные и семейные роли. В посткоммунистических странах, по словам словенской участницы семинара Мацы Йоган, возобладали идеология «одного кормильца в семье», не поощряющая активную профессиональную деятельность женщин.

Патриархальный ренессанс проявляется и в сфере школьного воспитания. Так, в Словакии создаются школы для девочек старших классов, где их обучают ведению домашнего хозяйства и феминизированным профессиям. А в школьных учебниках Словении воспроизводятся устаревшие образцы гендерного разделения труда. По подсчетам Мацы Йоган, в учебниках со 2 по 8 класс мужчина как представитель той или иной профессии или общественной деятель упоминается в 7,4 раза чаще, чем женщина, хотя степень гендерного неравенства в общественной жизни страны не столь значительна. Средства массовой информации и система школьного образования навязывают обществу патриархальные стереотипы разделения труда в ущерб новым представлениям о свободе личности и равноправии полов.

Выступление каждой из участниц семинара отражало определенную методологическую позицию в области женских исследований. Тем не менее большинство склонилось к тому, что женщины не могут рассматриваться как однородная социальная группа, противопоставляемая мужской группе. По мнению болгарок Марианы Драгановой и Анны Михайловой, абсолютизация гендерного подхода привела к фрустрации женщин, к путанице в оценке их положения. Женщины — это дифференцированная социальная группа, различающаяся не только по своему статусу, но и по системе ценностей и менталитету. Как отмечала Магда Ширм, работающие женщины, в отличие от домохозяек, схожи с мужчинами в электральных решениях.

Гендерный подход — не системный, ибо ориентирован только на анализ через дихотомию половых различий. Он предполагает концентрацию внимания исследователя только на тех формах социального проявления женщин, которые заданы гендерной проблематикой. Такой подход может быть методически оправдан как один из путей анализа исходной проблемы, как проработка традиционного варианта (теория пола Аристотеля) в ее аппликации на современность. Однако гендерный подход не должен рассматриваться как единственно возможный и продуктивный, ибо в любом случае он не может выявить все варианты бытия социального ангажированного человека — ни мужчины, ни женщины. Поэтому нужен следующий шаг — системно-функциональный анализ, предполагающий выявление как можно большего числа связей, форм жизни и функций женщин через широкое социальное поле.

Л. Н. Грязнова

Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры: сборник научных трудов. Мн.: «Белорусский государственный университет», 1994. 278 с.

Среди работ последних лет, посвященных социально-гуманитарному познанию, рецензируемый сборник занимает особое место. Не только потому, что рекомендуется широкому кругу читателей. Его авторы анализируют проблему формирования новой мировоззренческой парадигмы и модели развития человека в системе современной культуры. В ней природа рассматривается не как объект эксплуатации и потребления, а как неотъемлемый компонент коэволюции человека и среды его обитания.

Авторский коллектив реализует общий замысел в трех разделах. В первом из них осуществляется анализ методологических и аксиологических аспектов социально-гуманитарного знания. В нем раскрываются специфика и тенденции развития знания, рассматриваются ведущие исследовательские парадигмы в динамике мировоззренческого поиска.

Во втором разделе раскрываются механизмы формирования альтернативных экопрограмм, анализируются различные культурные традиции (западная, русская, белорусская) и соответствующие им образцы природы и моделей природопользования.

Третий раздел посвящен возможным решениям перспективных проблем гуманитарного познания, динамики и содержательных особенностей исторического знания. Его содержание включает онтологические характеристики сознания и его экзистенциальных проекций, антиномичности бытия современного человека и его нравственного самоопределения на рубеже веков.

Несмотря на большое количество статей, сборник отличается определенной целостностью, которая достигается системообразующей идеей первого раздела «Логико-методологические и аксиологические компоненты в структуре социального познания». Стратегию исследования в нем задает статья А. И. Зеленкова «Философия социокультурного синтеза и становление нового методологического сознания», выделяющаяся аналитико-методологической новизной. В своем анализе автор исходит из констатации кризиса ценностей и деградации старых культурных форм, что отражает

очевидные реалии современной жизни. Последние «инициируют поиск принципиально новых философских, методологических, культурологических ориентаций и нормативов жизнедеятельности». По мнению автора, одной из возможных стратегий такого поиска могут стать перспективы «нового глобального синтеза» и создания «универсального стиля мировосприятия. Иными словами, это задача конструирования культуры всеединства». Отсюда следует, что важнейшей функцией философии представляется поиск и экспликация синтетических идей, воззрений, стилей жизни, представленных в различных культурах, религиозных доктринах, научных концепциях. По мнению автора, задача современной философии должна сводиться не столько к эвристическому конструированию, сколько к внимательному и бережному реконструированию тех феноменов, «которые обоснованно связываются с разработкой синтетической, антиредукционистской методологии мышления и мироинтерпретации». В этом плане автор целеполагающей статьи обоснованно считает весьма перспективным исследование феномена русского космизма.

Содержание статьи А. И. Зеленкова существенно дополняют, с точки зрения новых задач философского анализа, материалы Я. С. Яскевич, Г. Н. Соколовой, Е. Е. Дубко и других авторов. В них затрагиваются такие актуальные проблемы, как специфика и приоритеты развития социально-гуманитарного знания, механизм функционирования и познания социологических законов, технология принятия решений в условиях нестабильности социозкосистем.

Значительной новизной отличаются статья и второго раздела сборника «Парадигмы экологического сознания в динамике культуры», в которых продолжается и углубляется аналитика предыдущего раздела. В этой связи представляется заслуживающим серьезного внимания анализ альтернативных экопрограмм в западной культуре (А. П. Ждановский), особенностей экологического сознания в культуре русского и белорусского народов (Е. В. Хомич, В. В. Анохина). В контексте проблем природопользования рассматривается также соотношение традиции и современности в экологической культуре (А. В. Барковская), раскрывается роль идей русского космизма в формировании современной экологической культуры (О. В. Шубаро). Из-за

ограниченности объема издания авторы не смогли представить все исследовательские наработки, однако это не снижает ценности статей. Они характеризуются не только постановкой проблем, но и поиском наиболее адекватных подходов и путей их реализации. Все это вместе взятое дает представление о компетентности авторов, их творческой позиции.

Также высоко следует оценить и материалы авторов заключительного раздела «Гуманитарное познание и социокультурные традиции». Так, в статье Л. Е. Лойко «Феномен исторической памяти и методологический статус культурных традиций в гуманитарном познании» справедливо отмечается особая актуальность проблемы соотношения истории и современности, значение детерминирующей, эвристической функции философии в процессе исследования прошлого. Вызывает интерес основная идея статьи «Динамика цивилизации: перспективы синергетического подхода» (Л. В. Дорогетский). Так же, как и в предыдущей статье, внимание читателя обращается на привлечение нетрадиционного аппарата для раскрытия содержания учения о цивилизации. Не менее интересны статьи М. Р. Жбанкова, Т. В. Самушица, И. К. Игнатьева, М. А. Можейко, И. Н. Свидуновича, А. В. Круковского, каждая из которых содержит значительные элементы новизны, приглашает к творческому обмену мнениями. Полезным для читателя новшеством мы считаем и объемный список литературы по основной проблематике (около 200 наименований) в конце сборника.

Приветствуя выбор темы и стремление авторского коллектива раскрыть ее, не можем не высказать некоторые критические замечания.

На наш взгляд, в сборнике не всегда четко очерчена связь между традицией и современностью, тем более, что речь идет об исследовании «авангарда проблем науки и культуры». В чем состоит новая, «реинтеграционная», функция философии в их решении? Как вписывается в нее диалектика? Не нуждаются ли современные исследования социальных процессов в принципиально новой методологии? Хотелось бы получить на эти вопросы более аргументированные и содержательные ответы.

Авторы нередко заявляют о необходимости введения в методологию исторического анализа «неполностью» детерминированных систем. Эта заявка также требует пояснения. В последнем разделе жлательно было бы более подробно осветить проблемы социальной экологии, ибо они сегодня доминируют в жизни, определяя уровень культуры экологического сознания.

На отдельных страницах встречаются стилистические погрешности и не совсем корректные выражения. В целом же работа содержит немало продуктивных идей, способствующих углублению постижения современных социально-гуманитарных процессов.

Следует пожелать авторскому коллективу продолжить исследование проблем человеческого бытия в контексте сложных и противоречивых процессов современной культуры, самоутверждения человека и человечества на пороге грядущего тысячелетия.

Ю. А. Гусев,
В. А. Васильев,
В. В. Позняков.

Основы религиоведения: Учебник / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков и др.; Под ред. И. Н. Яблокова. М.: «Высшая школа», 1994. 368 с.

В современных условиях кризиса, охватившего все стороны жизнедеятельности общества, когда рушатся сложившиеся за годы советской власти представления о мире, принципы морали и идеалы, когда расцветают мистика, астрология и религия, а сущность их антипода — атеизма — всячески искажается, надо было иметь смелость и мужество, чтобы создать совершенно новый учебник по такой сложной во всех отношениях дисциплине, как религиоведение. Правда, до перестройки религия и атеизм в учебных планах вузов рассматривались в целом верно, но нередко односторонне, чаще всего в плане поспешного, досрочного «изживания» религии и победы массового атеизма.

И вот уже год, как преподаватели и студенты вузов имеют серьезный, качественно новый и в то же время объективно излагающий основные проблемы учебник по религиоведению, созданный коллективом известных религиоведов и атеистов. Написание учебника большим коллективом — очень сложный труд: сочетать стиль, манеру, образ мышления каждого автора, чтобы изложить материал на одном дыхании, в одном ключе. А если добавить к этому и весьма ограниченный объем каждого раздела, то станет понятным, сколь трудную задачу решал коллектив.

И надо отметить сразу, что задача решена успешно. Учебник получился удачным во всех отношениях: по структуре, по охвату материала, по доступности изложения самых сложных проблем, что позволяет пользоваться им не только студентам-философам, но и студентам других специальностей. Более того, он является не просто хорошим ориентиром, а надежным пособием и для преподавателей вузов. И в этом, несомненно, огромная заслуга, прежде всего, научного редактора И. Н. Яблокова. Жаль только, что такой прекрасный учебник, весьма нужный в наши дни, вышел тиражом всего 15 тыс. экземпляров.

Весьма ограниченный объем рецензии не позволяет дать глубокий анализ учебника. Поэтому выскажу о нем самые общие положения.

Новый учебник полностью соответствует требованиям вузовской программы курса религиоведения. Основой для его написания послужили фундаментальные исследования в отечественной и зарубежной науке.

В структурном плане учебник делится на шесть разделов. В первом из них — основы теории религии — приводятся различные типы определений религии и ее существенные характеристики, раскрываются основные факторы и предпосылки социального, психологического и гносеологического характера возникновения религии, ее основные элементы, структура и функции. Очень важным и новым в этом разделе является глава IV, посвященная месту религии в системе культуры.

Второй раздел посвящен истории религии. В нем раскрывается эволюция от первобытных религиозных верований до современных мировых религий. Положительным моментом является здесь то, что раскрывается многообразие национальных религий (индуизм, джайнизм, сикхизм, парсизм, конфуцианство, даосизм, синто, иудаизм), а

также наряду с мировыми религиями (буддизм, основные конфессии христианства, ислам) рассматриваются и современные нетрадиционные культы, включая неоориенталистские («Общество Сознания Кришны», «Тихоокеанский дзэн-буддийский центр», «Миссия Божественного света» Макарай Джи, «Трансцендентальная медитация»), неохристианские объединения (Церковь «Унификации», «Дети Бога», «Церковь Тела Христова»), сайентологическое направление, новая магия, спиритизм и так называемые сатанинские группы.

В третьем разделе изложены основные направления религиозной философии, включая буддийскую, православную, католическую, протестантскую и мусульманскую. Очень ценным для наших дней является введение в этот раздел главы о так называемой надконфессиональной синкретической религиозной философии, включающей теософию, антропософию, Агни Йогу, основанные на мистицизме, оккультизме, спиритуализме. Это поможет молодежи разобраться в истинной сущности многих ныне модных течений.

Богат по содержанию и глубоко аргументирован четвертый раздел «Свободо-

мысле в истории духовной культуры», который хорошо вписывается в таком плане в курс религиоведения. Заслуживает всяческого одобрения как по постановке проблемы, так и по содержанию пятый раздел, посвященный диалогу религиозных и нерелигиозных мировоззрений о человеке, обществе, мире. Завершается учебник хорошо аргументированным разделом о свободе совести, включая этапы формирования этой проблемы в мировой науке и в истории Отечества.

Учебник выдержан и в научном плане, дает конкретные представления о различных подготовках к изучению религии. Но хотелось бы пожелать авторам не только излагать различные трактовки и оценки такого сложного феномена, как религия, а прежде всего акцентировать внимание на своей позиции, высказывать свою точку зрения на проблемы. Ведь все авторы учебника — известные ученые и их точка зрения представит не меньший интерес, чем взгляды зарубежных мыслителей.

А. А. Круглов

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Гарбачова В. В.</i> Нацыянальна-вызваленчы рух на Беларусі ў канцы XVIII — перааі трэці XIX ст.	3
<i>Раманоўскі І. Ф., Жаркоў М. Г.</i> Барацьба народных мас Беларусі супраць самадзяржаўя ў рэвалюцыі 1905—1907 гг.	6
<i>Васільева А. М.</i> Да пытання аб узнікненні беларускага каталіцкага руху	10
<i>Лученкова Е. С.</i> Подготовка кадров потребительской кооперации Беларуси в 20-е гг.	14
<i>Еутухоў І. А.</i> Вобраз Рыма ў познеантычным менталітэце (па творах Прудэцыя і Намацыяна)	16
<i>Шутова О. М.</i> Основы психологической детерминированности исторического процесса (историографический обзор)	20

ФІЛАСОФІЯ

<i>Гаршавоз В. Дз., Лойка А. І.</i> Дынаміка цывілізацыйных працэсаў: рацыяналізацыя грамадства і духоўнасць	26
<i>Фурс В. Н.</i> Модель коммуникативной рациональности в философии конца XX в.	30
<i>Рулянцева Т. Г.</i> Фридрих Ницше и его философия жизни	34

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Мельников А. П.</i> Вопросы политологии в трудах Макса Вебера (1858—1920)	39
<i>Белобродская Я. А.</i> Мыслители древности о проблемах войны, мира и армии	42
<i>Лаптенок С. Д.</i> Молодая семья в преддверии XXI в.	46
<i>Ковалевич В. В.</i> Политология феминизма	49

ЭКАНОМІКА

<i>Каштанова Е. Г.</i> Неоклассический подход к исследованию налоговых систем	53
<i>Голубев С. Г., Тычино В. М.</i> Народные предприятия на Беларуси: быть или не быть?	56
<i>Беркова О. В.</i> Товары длительного пользования и микроэкономическое поведение потребителя	59
<i>Научитель М. В., Сорвилов Б. В.</i> Современные проблемы становления теории перехода к рыночной экономике	63
<i>Бусько В. М.</i> Крытыка фашыскай эканамічнай палітыкі і ідэалогіі вучонымі Беларусі (1922—1929 гг.)	66

ПРАВА

<i>Шавцова А. В.</i> История развития теории государственного суверенитета	70
<i>Ключников Ю. А.</i> Предмет правового регулирования на стадии предварительного следствия	73
<i>Усс В. С.</i> К вопросу о принципах права Республики Беларусь	77

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Кулеш Л. М.</i> Вывучаем гісторыю сусветнай цывілізацыі	80
--	----

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ (публікацыі і пераклады)

Программа Белорусской Гуманитарной Партии	83
---	----

ХРОНКА

<i>Яскевич Я. С., Коршук В. К.</i> Проблемы социальной динамики в посттоталитарных обществах	89
<i>Грязнова Л. Н.</i> Международный семинар в Вюрцбурге	90

РЭЦЭНЗІ

<i>Гусев Ю. А., Васильев В. А., Позняков В. В.</i> Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры	92
<i>Круглов А. А.</i> Основы религиоведения	93

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи представляются в редакцию, напечатанными на пишущей машинке через два интервала.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, включая приложения.

3. К статье должны быть приложены: рекомендация кафедры, рецензия и сведения об авторе (место работы, должность, адрес, рабочий и домашний телефоны).

4. Формулы и буквенные обозначения необходимо аккуратно и разборчиво вписать в два экземпляра от руки темными чернилами и разметить карандашом: греческие буквы обвести красным карандашом; латинские подчеркнуть волнистой чертой; прописные — двумя черточками снизу (\tilde{A}), строчные — двумя черточками сверху (\tilde{a}). Следует

различать буквы \tilde{O} (прописную), \tilde{o} (строчную) и 0 (ноль), для чего буквы \tilde{O} и \tilde{o} помечают двумя черточками (снизу или сверху), ноль отмечают квадратной скобкой снизу

(\tilde{O} , \tilde{o} , $\overset{\sim}{0}$). Необходимо различать в написании буквы \tilde{l} (эль), \tilde{e} , а также \tilde{I} и \tilde{J} (Йот), для чего букву \tilde{I} пишут, как римскую единицу, подчеркивая ее двумя черточками снизу (\tilde{I}).

5. Рисунки (не более 3 для статьи и не более 2 для краткого сообщения) представляют в двух экземплярах в виде графиков, схем, фотографий отдельно от текста; фотографии, отпечатанные на гляцевой бумаге с накатом, должны иметь четкое и контрастное изображение. Чертежи и схемы выполняют тушью на плотной бумаге или кальке 150 × 200 мм. На обороте карандашом необходимо указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

6. Таблицы и подписи к рисункам следует печатать на отдельных листах. Кривые линии нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подписях к рисункам. Представление одного и того же материала в виде таблиц и рисунков не допускается. Места для таблиц и рисунков необходимо указать на полях рукописи.

7. Список литературы дается в конце статьи на отдельном листе и оформляется следующим образом:

а) для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, год издания, страницы;

б) для журнальных статей: фамилия и инициалы автора, принятое сокращенное название журнала, год издания, том, номер выпуска, страницы. В списке литературы не должно быть работ, на которые нет ссылок в тексте статьи.

8. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации и авторефераты не допускаются.

9. В случае возвращения статьи автору для доработки первоначальный текст статьи необходимо вернуть в редакцию. При задержке статьи автором на месяц и более первоначальная дата поступления не сохраняется.

10. Корректурa статьи с исправлениями ошибок типографии за подписью автора должна быть через три дня после ее получения возвращена в редакцию. Изменения и дополнения как в тексте, так и в рисунках, таблицах не допускаются.

11. Авторы несут ответственность за достоверность и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических и других названий, а также за разглашение сведений, не подлежащих открытой публикации.

12. Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения и сокращение рукописей.